

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани
Елабужский государственный музей-заповедник

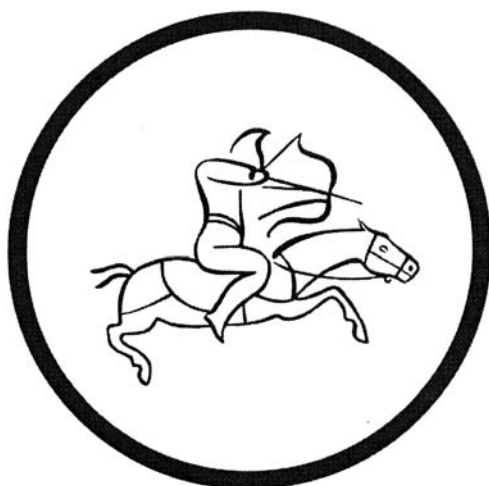
АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 4

В.Н. Марков

**НИЖНЕЕ ПРИКАМЬЕ
В АНАНЬИНСКУЮ ЭПОХУ**

**(Об этнокультурных компонентах
ананьинской общности)**



Казань 2007

Серия «Археология евразийских степей»

Выпуск 4

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Ответственные редакторы:

кандидат исторических наук **С.В. Кузьминых** (Москва)

кандидат исторических наук **А.А. Чижевский** (Казань)

Редакционный совет серии:

Ситдиков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, **Хузин Фаяз Шарипович** (Казань) – сопредседатель, **Артемьева Надежда Григорьевна** (Владивосток), **Афанасьев Геннадий Евгеньевич** (Москва), **Байпаков Карл Молдахметович** (Алматы, Казахстан), **Белорыбкин Геннадий Николаевич** (Пенза), **Боталов Сергей Геннадьевич** (Челябинск), **Волков Игорь Викторович** (Москва), **Гмыря Людмила Борисовна** (Махачкала), **Евглевский Александр Викторович** (Донецк, Украина), **Кляшторный Сергей Григорьевич** (С.-Петербург), **Кызласов Игорь Леонидович** (Москва), **Мухамадиев Азгар Гатауллович** (Казань), **Мыц Виктор Леонидович** (Симферополь, Украина), **Нарожный Евгений Иванович** (Армавир), **Овсянников Владимир Владиславович** (Уфа), **Раишев Рашио** (Шумен, Болгария), **Руденко Константин Александрович** (Казань), **Савинов Дмитрий Глебович** (С.-Петербург), **Табалдиев Кубатбек Шакиевич** (Бишкек, Киргизия), **Татауров Сергей Филиппович** (Омск), **Тихонов Сергей Семенович** (Омск), **Тишкин Алексей Алексеевич** (Барнаул), **Фодор Иштван** (Будапешт, Венгрия), **Худяков Юлий Сергеевич** (Новосибирск).

Марков В.Н.

Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – 136 с.

Четвертая книга из серии «Археология евразийских степей» посвящена 150-летию со дня открытия Ананьинского могильника. В ней на основе анализа археологического материала рассматривается история далеких предков финно-угорских народов Волго-Камья в раннем железном веке. Ананьинская культура (IX–V вв. до н.э.) предстает не как единое целое, а как совокупность нескольких археологических культур, сосуществующих на единой территории. Внимание автора привлекают вопросы культуро- и этногенеза, подробно исследуются керамические комплексы поселений и могильников.

Книга рассчитана на археологов, историков и людей, интересующихся древней историей Татарстана.

ISBN 978-5-94981-089-7

© Марков В.Н., 2007

© Институт истории АН РТ, 2007

О ВЛАДИМИРЕ НИКОЛАЕВИЧЕ МАРКОВЕ И ЕГО КНИГЕ

Приближается 2008 год – юбилейный для ананьинской археологии. Минуло 150 лет со дня первых профессиональных раскопок Ананьинского могильника, предпринятых П.В. Алабиным и И.И. Шишкиным. Именно с этого времени Ананьинский некрополь и его материалы привлекли к себе пристальное внимание российских и европейских ученых и, к сожалению, разного рода собирателей древностей, инициировавших хищнические раскопки памятника. С появлением первых статей П.В. Алабина (1860) и К.И. Невоструева (1871) в отечественной и зарубежной науке началось обсуждение и так называемой «ананьинской проблемы», в разработку которой внес столь заметный вклад казанский археолог Владимир Марков.

Книга В.Н. Маркова открывает серию изданий, задуманных Институтом истории АНТ и Институтом археологии РАН в связи с приближающимся юбилеем начала археологического изучения ананьинских древностей. Этому труду была уготована иная судьба: его выхода ждали на рубеже 80–90-х годов прошлого столетия, но жизнь, к сожалению, распорядилась по-другому.

Минул год, как нет с нами Владимира Николаевича Маркова. Знаем, насколько желанной была для него эта книга, равно как и для его коллег и близких. Само исследование было завершено им еще в 1988 г. К сожалению, не все из задуманного Володе удалось реализовать в этом труде – и он это прекрасно сознавал. Публикуя книгу в авторской редакции, мы призываем читателя помнить о том, что рукопись была подготовлена более 15 лет тому назад, что в эти годы вышли принципиально важные статьи Маркова (1992а, 1992в, 1994а, 1997а), написанные им в развитие ряда положений настоящей монографии¹.

Для нас очевидно, что поиски и идеи В.Н. Маркова, с которыми заинтересованный читатель, конечно, знаком, в значительной степени определили направление современных исследовательских поисков в ананьинской проблематике. На их пристальное и заинтересованное обсуждение и надеялся Владимир Николаевич, когда готовил эту книгу к изданию.

Несколько слов о самом авторе. Владимир Марков родился 29 ноября 1952 г. в Казани. Его

знакомство с археологией произошло еще в школьные годы, когда в самом начале 70-х в Татарском отряде Нижнекамской экспедиции он прошел свои первые археологические «университеты». Уже в те – юношеские – годы Володя зарекомендовал себя надежным помощником и удачливым поисковиком и стал «своим» для казанских археологов старшего поколения – П.Н. Старостина, Е.П. Казакова, Р.С. Габяшева, М.Г. Косменко, на плечи которых лег в те годы основной груз новостроечных работ. После службы в армии, работы фотографом в Государственном архиве ТАССР и окончания вечернего отделения истфилфака Казанского университета в 1979 г. Марков стал сотрудником Государственного музея ТАССР. С этого времени археология – поначалу с музейной спецификой – становится его профессией.

Приводя в порядок музейные фонды, Володя особо обратил внимание на коллекции вятских и камских ананьинских городищ. Это «погружение» в старые – в основном П.А. Пономарева – материалы значило для него очень многое. Именно тогда он стал размышлять о том, насколько разнородны в культурном отношении ананьинские поселенческие и погребальные памятники.

К моменту поступления в заочную аспирантуру ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР у В.Н. Маркова уже сложился логический план и структура исследования, стержнем которого стали материалы раннего железного века Нижнего Прикамья; на их фоне осуществлялся сравнительно-статистический анализ керамики памятников ананьинского времени различных областей Волго-Камья. Для его официального руководителя А.Х. Халикова первобытная проблематика ушла в те годы несколько «в тень», но он по-прежнему оставался одним из лучших знатоков ананьинских древностей и много писал о проблемах этнической истории населения Волго-Камья в эпоху раннего железа. Взгляды его во многом не совпадали с марковскими, но Альфред Хасанович предоставил Володе полную свободу в творческих поисках. Для успешного завершения работы в тот момент это было самым важным.

Свое исследование о поселенческих древностях Нижнего Прикамья ананьинской эпохи В.Н. Марков завершил в ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, в отдел археологии которого он пришел в самом

¹ Полный список трудов В.Н. Маркова является частью списка литературы, приведенного в конце книги.

конце 1985 г. При апробации рукописи кандидатской диссертации в секторе скифо-сарматской археологии Института археологии АН СССР Владимир Николаевич получил благожелательные отзывы М.Г. Мошковой и Н.Л. Членовой. В 1988 г. в Ленинградском отделении Института он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности)».

В диссертации (Марков, 1988б), подготовленной на ее основе настоящей монографии, а также в цикле статей (Марков, 1984б; 1985б; 1987; 1988а; 1992б; 1992в; 1994а; 1996; 1997а; 1999б; 2000; 2003; Беговатов, Марков, 1992а; Беговатов и др., 1993а; Габяшев, Марков, Халиков, 1988г; Кузьминых, Марков, Соловьев, 1993б; Чижевский, Марков, 1999а) Владимир Николаевич обратился к наиболее острым проблемам археологии финала бронзового и раннего железного веков Волго-Камья. В одной из статей (Марков, 1994а) он образно определил круг этих проблем как «ананьинскую проблему». Актуальность начатых им исследований заключается еще и в том, что они напрямую связаны с решением сложных проблем этногенеза современных финно-угорских народов края – мари, мордвы, удмуртов и коми.

Для изучения собственно ананьинской проблемы особенно важно то, что исследования В.Н. Маркова открывают перспективу в выяснении характера связей между выделенными им этнокультурными группами населения, в определении их роли и места в этногенетических процессах финала бронзового и начала раннего железного веков в Волго-Уральском регионе. Перспективность исследовательских поисков Маркова со всей очевидностью подтвердилась в дальнейшем при изучении погребального обряда населения данного региона в конце II – начале I тыс. до н.э. В итоге был сделан следующий шаг: намеченные Марковым этнокультурные группы населения ананьинского мира стали отождествляться с отдельными археологическими культурами ананьинской культурно-исторической области (Чижевский, 2002).

В то же время как в самой диссертации, так и в книге вне исследования В.Н. Маркова остался ряд спорных вопросов археологии раннего железного века Волго-Камья, которые требуют дальнейшего обсуждения.

Реконструируемая Владимиром Николаевичем картина миграций в ананьинском мире не является завершенной и во всем убедительной и вызовет немало возражений среди специалистов. И в 80-е годы, и в настоящее время ей очень не достает корреляции с данными палеоклима-

тологии, палеоботаники, палеозоологии и других научных дисциплин. Без этого механизмы миграции и само их археологическое выражение остаются не понятыми.

В работе обойден вниманием и общеисторический контекст, связанный с миграциями в ананьинском мире. М.Ф. Косарев (1984) показал, что в эпоху, переходную от бронзы к железу, и в начале эпохи железа на Западно-Сибирской равнине происходят миграции южного направления – из глубинных таежных районов в пограничье тайги и лесостепи. Этот сдвиг, связанный с культурами «крестовой» керамики – краснозерской и молчановской, происходил в условиях начавшегося увлажнения климата и заболачивания тайги. Аналогичные процессы, судя по всему, протекали на Урале, где гамаюнская и иткульская культуры являются таежными по своему облику, и в Волго-Камье, где такой же таежный облик демонстрируют древности со сложношнуровой и гребенчато-шнуровой керамикой.

В отличие от постмаклашеевских групп населения мы сталкиваемся здесь с более заметной ролью в хозяйстве охоты и рыболовства, низкотехнологичной обработкой железа и, казалось бы, с процветающей металлургией и металлообработкой меди и бронзы. Парадокс заключается, однако, в том, что в южнотаежном Прикамье (как и на Урале, в иткульской культуре), несмотря на видимый расцвет цветной металлургии, происходит заметный регресс технологии – возврат к широкому использованию при изготовлении орудий и оружия «чистой» меди. Здесь резко падает доля изделий, отлитых из оловянных, оловянно-мышьяковых и других сплавов, которые являлись ведущими для постмаклашеевской и аозинской («текстильной») металлообработки. Сама технология литья в таежных центрах становится более грубой, как бы «варваризированной», сохраняются стереотипы орудий и оружия, характерных еще для конца бронзового века (втульчатые тесла, кельты, наконечники копий). Таежные культуры ананьинского мира отчетливо демонстрируют феномен запоздалого бронзового века.

Несколько в тени осталась в работе В.Н. Маркова проблема судеб постмаклашеевской культуры Нижнего Прикамья. Автор считал, что в поисках следов населения, покинувшего в конце VI в. до н.э. Среднее Поволжье и Усть-Камье, перспективно обращение к материалам позднеананьинского времени Пермского Прикамья. Керамика этого времени, а в дальнейшем и глянцевая вновь начинает приобретать черты, сближающие ее с ерзовской и нижнекамской. Данная посылка требует, безусловно, более развернутых аргументов. Скупно освещен и вопрос о

судьбе населения, оставившего волжские памятники типа Маклашеевского 2 городища и Гулякинского могильника. Марков считал, что они оставлены смешанными группами маклашеевско-«текстильного» населения, которые легли в основу формирования самостоятельной белогорской культуры на Самарской Луке. Однако для нас отрыв этих древностей от постмаклашеевских не представляется правомерным.

Наряду с позднеананьинской и гляденовской керамикой Пермского Прикамья требовалось, конечно же, провести и сопоставление нижекамской керамики с чегандинской. Оно необходимо хотя бы потому, что в чегандинской культуре наблюдается возврат к европеоидному антропологическому типу, как-то показали исследования М.С.Акимовой. Вполне возможно, постмаклашевский «след» является здесь опосредованным – как важная часть карабызского импульса на сложение чегандинской культуры.

Слишком общим является в работе В.Н. Маркова сопоставление керамики Нижнего Прикамья и некоторых памятников Волго-Окского междуречья и Костомского Поволжья, изученных Е.И. Горюновой и Н.Н. Гуриной. Это же касается и сравнения с керамикой так называемой позднекарагопольской культуры в Восточном Прионежье и на Сухоне, в которой отчетливо «читается» ананьинский след.

Одному из нас уже приходилось писать (Кузьминых, 2000), что Марков, говоря о двух или более ананьинских культурах, обошел вниманием вопрос о том, следует ли их по-прежнему объединять в рамках ананьинской общности или более правомерно использование термина «ананьинская культурно-историческая область». АКИО рассматривается нами сейчас как надкультурное объединение, включающее несколько отдельных культур, не связанных общностью происхождения. Термин «культурно-историческая область», обоснованный ранее в исследованиях Н.Я. Мерперта и В.Ф. Генинга, в наилучшей степени отражает, на наш взгляд, и единство, и многообразие древностей ананьинского мира².

Территория АКИО очерчивается прежде всего по характерным предметам вооружения и украшений, погребальному обряду и постмаклашеевской керамике. По сути дела, эта область включает в себя лесные и отчасти лесостепные культуры северо-востока Европы, которые испытали влияние постмаклашеевской культуры и предпочитали использовать «ананьинские» наконечники копий и кельты, а также некоторые виды степ-

ного вооружения, конской упряжи и украшений, переработанные в постмаклашеевской среде. Как мир ранних кочевников объединяет скифская «триада» (оружие, упряжь, звериный стиль), так и культуры ананьинского мира объединяют общие стереотипы вооружения – кельты и наконечники копий а также включение в местные керамические комплексы характерной постмаклашеевской посуды. Носители аказинской культуры, характерными признаками которой являлись аказинско-меларские кельты и «текстильная» керамика, находясь на стыке двух миров – «текстильного» и ананьинского, заимствовали «ананьинский» обряд погребения умерших в землю, а также некоторые категории предметов вооружения и украшений. На основании этого аказинская культура также рассматривается нами в рамках ананьинского мира.

Общий пересмотр датировок степных культур раннего железного века и значительное расширение за последние годы ананьинской источниковой базы обязывает нас внести некоторые коррективы в разработанную В.Н. Марковым систему периодизации АКИО. Марков считал, что вещи, характерные для раннеананьинского времени, появляются только в конце VIII в. до н.э. вместе с комплексом кавказского вооружения и упряжи. Сегодня можно говорить о том, что формирование комплекса вещей раннеананьинского времени – бронзовых кельтов с овальным сечением втулки и треугольной, трапециевидной и арковидной фасками и прорезных наконечников копий – происходит уже на первом этапе существования АКИО, в 1 пол. IX–VIII в. до н.э.; к этому же времени относится и появление в постмаклашеевской культуре серий железных орудий и оружия.

Усиление кавказского влияния приходится на второй этап развития АКИО (кон. VIII – 1 пол. VII в. до н.э.), когда на Северном Кавказе и в степной зоне Восточной Европы после киммерийских и скифских походов в Переднюю Азию формируются памятники «предскифского» времени, известные по погребениям новочеркасской и черноговской групп. Характерные для них бронзовые, биметаллические и железные изделия в массе появляются и в постмаклашеевских могильниках. Наиболее яркой приметой этой эпохи являются стелы Ново-Мордовского 1 и Мурзихинского 2 могильников.

Третий этап развития памятников ананьинского времени в Волго-Камье (2 пол. VII–V вв. до н.э.) характеризуется усилением влияния евразийских культур «скифо-сибирского» мира и началом функционирования второй фазы ананьинского очага металлургии. На этом этапе

² Далее термины ананьинская культурно историческая область, ананьинский мир и памятники ананьинского времени будут употребляться как синонимы.

«скифский» вектор связей постепенно меняется на савроматский и сакский, а для таежного Прикамья, кроме того, на иткульский.

Этим круг спорных и дискуссионных вопросов, возникающих при ознакомлении с настоящей книгой, не исчерпывается. Было бы по меньшей мере странно, если бы сейчас, спустя почти 20 лет с момента ее написания, они не встали вновь и не появятся впредь. Публикация книги на то и рассчитана, чтобы продолжить уже незримый диспут с В.Н. Марковым.

Следует отметить, что защита в 1988 г. диссертации явилась очень важным дополнительным стимулом для научных поисков Владимира Николаевича. Казалось бы, впереди еще непочтатый край работы и огромное желание свернуть горы. Марков активно включился в охранные работы в зоне Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ. Но судьба оказалась к нему немилосердной. Более 15 лет Володя боролся с тяжелой болезнью. Только богатырское от природы здоровье и поддержка родных позволили ему не просто цепляться за жизнь, но в меру сил работать.

В середине 90-х годов, в период незначительного улучшения здоровья, В.Н. Марков участвовал в раскопках могильника Мурзиха 2. Найденные здесь стелы с изображениями оружия подвигли начать работу по классификации и типологии каменных изваяний ананьинского времени (Чижевский, Марков, 1999а). Вместе с одним из авторов он выдвинул гипотезу о раннем – финально-бронзовом – появлении каменных стел в Волго-Камье. Основанием к тому послужили полевые исследования Маркова на Ильичевском могильнике маклашеевской культуры конца бронзового века. Предложенная тогда классификация каменных изваяний легла в основу современных разработок данной темы (Чижевский, 2005).

В эти же годы Марков (1996) обращается к проблеме происхождения маклашеевской культуры. Он поддержал гипотезу Н.Л. Членовой, согласно которой культура курмантау (которая, в понимании Наталии Львовны, включала в себя и маклашеевские древности) проникла на Белую и Каму из Зауралья и Западной Сибири, а также попытался обосновать необходимость отделения маклашеевской культуры от приказанской. Под влиянием идей Членовой Марков стремится омо-

лодить маклашеевскую культуру, относя ее финал к раннему железному веку. Впрочем, Владимир Николаевич вскоре откажется от данной идеи и признает за этой культурой «возраст финальной бронзы» (Марков, 1997а).

Важным явилось участие В.Н. Маркова в обсуждении одной из наиболее дискуссионных и ключевых проблем археологии эпох поздней бронзы и раннего железа лесной полосы Восточной Европы – проблемы культуры текстильной керамики (Марков, 1985б; 1988б; 1992б; 1992в; Габяшев, Марков Халиков, 1988г; Кузьминых, Марков, Соловьев, 1993б). Он обратил внимание на особенности процессов культурогенеза на Средней Волге в конце II – начале I тыс. до н.э., показал самостоятельное многовековое развитие здесь «текстильных» этнокультурных групп, характер их взаимодействия с т.н. приказанскими и постмаклашеевскими группами и т.д. Эти разыскания Маркова нашли поддержку в трудах его коллег (Кузьминых, Марков, Соловьев, 1993б; Соловьев, 2000; Чижевский, 2002) и, надеемся, будут продолжены новыми поколениями исследователей.

Творческая работа и разведочные обследования островной и материковой части Нижнекамского водохранилища являлись для В.Н. Маркова отдушиной в долгой череде больничных палат и тотального нездоровья. Осуществить все намеченные после защиты планы он, увы, был уже не в силах. Скоро их не будет хватать даже на поездки в институт, и в 2003 г. Марков уходит на пенсию по инвалидности. Он и в этих тяжелейших условиях стремился привести в порядок рукопись книги, но, увы, силы неумолимо таяли...

В нашей памяти Владимир Марков останется прежде всего как первоклассный специалист в области археологии раннего железного века лесной полосы Восточной Европы. К сожалению, его высокий научный потенциал реализовался не в полной мере. Не все из задуманного ему удалось осуществить. Хочется выразить надежду, что с появлением этой долгожданной книги поиски и идеи Владимира Николаевича Маркова будут не только фактом историографического интереса, а предметом пристального и заинтересованного обсуждения в нашей профессиональной среде.

С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха раннего железа является одной из наиболее интересных и своеобразных в истории народов Прикамья. Обычно ее связывают с ананьинской культурой, получившей очень широкую известность. Ареал памятников, относимых к ананьинской культуре и датированных в пределах от VIII до III вв. до н.э., огромен. Они известны на Каме, Средней Волге, Белой, Ветлуге и Вятке (Халиков, 1977. Рис. 2, 5), а также на севере Европейской части СССР – в бассейнах Печоры, Вычегды, Северной Двины и Мезени (Канивец, 1974. Рис. 68; Ашихмина, 1977а. Рис. 1; Верещагина, Ашихмина, 1980. С.42; Стоколос, Королев, 1984. С.27).

Исследователи единодушно считают, что ананьинские племена являлись основой сложения многих современных финно-угорских народов Волго-Камья (Збруева, 1952. С.215; Халиков, 1969. С.372–373; Генинг, 1970. С.210–211). Однако вопрос о роли и месте ананьинских племен в этно и культурогенезе этих народов остается до настоящего времени спорным. Одни рассматривают ананьинские племена как еще не распавшуюся общность восточного финноязычного ядра (Халиков, 1969. С.151). Другие считают возможным связывать ананьинскую общность с племенами, говорившими на пермских языках (Генинг, Совцова, 1967. С.68–69). Оба эти положения нельзя считать доказанными, поскольку еще не совсем четко прослеживается связь памятников ананьинского времени с более поздними и остается открытым вопрос об их происхождении. Именно поэтому изучение всех проблем, связанных с ананьинской общностью, по-прежнему остается одной из важнейших задач волго-уральской археологии.

Широко развернувшиеся в 1950–80-е годы в Среднем Поволжье и Приуралье исследования привели к накоплению огромного материала, относящегося к эпохе раннего железа. Эти материалы, особенно керамика, в различных областях Волго-Камья обладают чертами своеобразия, иногда проступающими настолько отчетливо, что позволяют ставить вопрос о культурной неоднородности ананьинской общности, что, в свою очередь, требует особого подхода к проблеме ее формирования. В археологической литературе уже предпринимались попытки интерпретировать эти различия, однако существующие концепции до настоящего времени не в состоянии удовлетворительно их объяснить.

Причиной тому, очевидно, следует считать отсутствие детального сравнения керамических комплексов ананьинских памятников, расположенных в разных областях Волго-Камья. А.В. Збруева, работавшая в этом направлении в 1930–50-е годы, располагала очень ограниченным кругом источников (1952. С.69–74). Отличительной чертой более поздних работ является то, что исследователи, характеризуя керамические комплексы узколокальных групп памятников и сравнивая их с другими, ограничивались приведением всего лишь 2–3 аналогий. При этом указывалось обычно только название памятника, где, по их мнению, содержится типологически близкая посуда. Однако детального разбора признаков, определяющих привлеченную для сравнения керамику, как правило, не давалось (Денисов, 1968. С.70; Ашихмина, 1978. С.53; Архипов, Патрушев, 1982. С.56).

Одной из причин, затруднявших детальное сравнение, являлась очень слабая изученность керамических комплексов памятников Нижнего Прикамья (от устья до впадения в нее р. Вятки) и прилегающего отрезка казанского течения Волги. К настоящему времени в результате многолетних работ, в том числе и автора данного труда, накопился большой керамический материал, позволяющий значительно расширить его характеристику и сопоставить с материалами памятников других регионов Волго-Камья.

Логический план данного исследования таков: используя данные статистической обработки и картографирования керамики и бронзовых кельтов, а также привлекая данные погребального обряда и антропологии, показать культурную неоднородность населения Волго-Камья в раннеананьинское время. Сама постановка этой проблемы была невозможна без решения следующих задач: тщательного типологического и статистического анализа керамики раннеананьинских памятников Нижнего Прикамья; детального его сравнения с синхронными керамическими комплексами других областей Волго-Камья; выявления основных отличительных черт и сходства сравниваемых групп керамики; определения хронологических рамок их бытования; решения вопросов, связанных с происхождением носителей этих групп керамики.

В той мере, в какой это в книге удалось, я стремился на достаточно обширном материале провести сравнительный анализ керамики памятни-

ков ананьинского времени различных областей Волго-Камья. Результаты анализа привели меня к убеждению, что эти памятники были оставлены разнокультурными группами населения, которые ранее в силу недостаточной изученности объединялись большинством исследователей в рамках единой ананьинской культуры. Я считаю, что население, изготавливавшее керамику со сложношнуровой орнаментацией (именно оно отождествляется в литературе с «классической ананьинской» культурой) появилось в Прикамье намного позднее того времени, когда здесь начали функционировать самые ранние ананьинские могильники и поселения. С помощью картографирования удалось определить районы распространения всех выделяемых групп керамики, а также связать с ними определенные категории орудий. Безусловно, важным является наблюдение о резком сокращении употребления железа в Прикамье к VI в. до н.э.,

по сравнению с раннеананьинским периодом. Данный процесс напрямую связан с этнокультурными процессами и появлением здесь в это время новых групп населения.

Основным источником исследования являлись керамические материалы поселений и могильников Нижнего Прикамья. Часть из них была дополнительно или впервые исследована автором (городища Гремячий Ключ, Сорочьи Горы, Антоновское, Макарьевское, Черепашье, Сухой Берсут, могильники I и II Мурзихинские). Использовались также материалы из случайных сборов, хранящиеся в фондах ГМТР, БГИАЗ, ЧКМ, АК КГУ и ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова. В качестве сравнительных материалов были привлечены коллекции керамики из музеев Казани, Елабуги, Кирова, Ижевска, Йошкар-Олы, Перми, а также ряд публикаций, содержащие подробную их характеристику*.

* Автор выражает глубокую признательность Е.А.Беговатову, Р.С.Габяшеву, М.М.Кавееву, Е.П.Казакову, С.В.Кузьминых, В.С.Патрушеву, В.А.Семенову, П.Н.Старостину, В.Е.Стоянову, А.Х.Халикову за предоставленную возможность использовать в работе их неопубликованные материалы, а также за дружеское и в то же время критическое обсуждение рукописи данной книги.

Глава 1.



ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНАНЬИНСКОЙ ОБЩНОСТИ

Начало изучения ананьинских древностей относится к середине XIX столетия, когда в устье р. Тоймы неподалеку от города Елабуги был открыт и частично раскопан знаменитый Ананьинский могильник, давший впоследствии название культуре раннего железного века в Волго-Камье. Будучи единственным известным Ананьинский могильник долгое время считался изолированным. Попытки первых исследователей могильника интерпретировать его материалы неизбежно сводились к двум основным точкам зрения. Одни (Алабин, 1860; Невоструев, 1871; Лихачев, 1884, 1884а), опираясь на известные материалы юго-западной России, связывали его со скифами, другие указывали на его сходство с культурами Западной Сибири и Алтая. Не было единого мнения и в отношении датировки могильника. Но в целом большинство исследователей сходилось на том, что он относится к поре переходной от бронзового века к железному.

С конца 70-х гг. XIX столетия начинается изучение ананьинских поселений, так называемых «костеносных» городищ. П.А.Пономаревым исследуется ряд городищ на Нижней Каме (Гремячий Ключ, Кирюшкин Городок, Сорочьи Горы). С.К.Кузнецовым, П.А.Пономаревым, А.А.Штукенбергом и другими археологами проводятся раскопки вятских городищ (Ройский Шихан, Аргъжское, Пижемское). Однако эти исследователи не связывали «костеносные» городища с Ананьинским могильником, хотя Пономарев был первым из тех, кто обратил внимание и указал на некоторое сходство находимых на них предметов (1884. С.79). Тесную связь между «костеносными» городищами и Ананьинским могильником отметил и А.А.Спицын. Он обстоятельно изложил все факты, свидетельствующие, по его мнению, об их сходстве, и высказал предположение, что они могли быть оставленными одним населением (Спицын, 1893. С.36–40). Мнение Спицына о возможном объединении в одну культуру «костеносных» го-

родищ и Ананьинского могильника поддержал И.Н. Смирнов (1894. С.258). Однако такое выделение ананьинской культуры было принято не всеми исследователями. П.А.Пономарев, страстный исследователь городищ, отлично знавший их материалы, особенно в пределах Нижнего Прикамья, до конца своих дней считал Ананьинский могильник и «костеносные» городища разнокультурными. Рассматривая судьбу населения, оставившего могильник, отдельно от судьбы обитателей «городков первобытных охотников и рыболовов», он допускал, однако, их совместное проживание на одной территории в период переходный от бронзы к железу (Пономарев, 1914. С.2; 1915. С.2). Единственным местом захоронения, соответствующим культуре «костеносных» городищ, Пономарев считал обнаруженный им Маклашеевский могильник (1914. С.4).

В 1919 г. вышла большая работа финского ученого А.М.Тальгрена. Положительно решая вопрос о единстве «костеносных» городищ и могильников типа Ананьинского, он центром распространения ананьинской культуры считал Нижнее Прикамье, а основой ее сложения – местную культуру эпохи бронзы, отрицая какое бы то ни было участие сибирских племен. Большую роль Тальгрэн отводил Скифии, из которой ананьинцами были заимствованы многие виды оружия и звериный стиль в искусстве (Tallgren, 1919).

Параллельно ему ананьинской проблемой занимался М.Г.Худяков, который пришел совершенно к иным выводам. Рассматривая памятники и отдельные находки ананьинского времени, он утверждал, что отношение «костеносной культуры» к ананьинской еще не ясно (Худяков, 1923. С.93). Будучи учеником П.А.Пономарева и, очевидно, находясь в начале своего научного пути под значительным влиянием его идей, Худяков полагал, что культура «костеносных» городищ находится в тесной связи с Ананьинским могильником. Тем не менее, М.Г.Худяков счи-

тал их разнокультурными и что ананьинская культура по времени предшествует «костеносной» (1923. С.122). Относительно происхождения ананьинской культуры Худяков не высказывался определенно. Вслед за Пономаревым он считал, что ананьинская и следующая за ней «костеносная» культуры являются пришлыми с территории Западной Сибири и «завоевали свой край силой оружия» (Худяков, 1923. С.123). В другой работе он в еще более категоричной форме заявил, что «не может быть и речи о том, что Ананьинское племя населяло Волжско-Камский край с древнейших времен» (Худяков, 1922. С.203). И только позднее, в 1930-е годы, он будет говорить о местном происхождении населения, оставившего «костеносные» городища и Ананьинский могильник (Худяков, 1933. С.7). Однако в этой работе он ни разу не употребил термин «ананьинская культура», а говорил лишь о городищах и могильниках, существовавших в Прикамье в «Ананьинскую эпоху», из чего остается не совсем ясным, признал М.Г.Худяков их единство или нет (1933. С.3–10).

В 1929 г. вышла работа Л.И.Вараксиной, характеризующая камско-вятские «костеносные» городища. В ней подчеркивается точка зрения о близкой связи городищ с могильниками ананьинской культуры. Правильность этого взгляда, по мнению Вараксиной, подтверждается одинаковыми находками в могильниках и на городищах, а особенно их сближает применение звериного стиля при орнаментации предметов (1929. С.108–109).

К предвоенному времени относятся первые работы А.В.Збруевой, которая большое внимание уделяла проблеме происхождения ананьинской культуры. По ее мнению, эта культура сложилась в Прикамье из двух компонентов: степного – срубного и лесного – сейминского (Збруева, 1936. С.421 и сл.; 1941. С.37 и сл.).

Иначе этот вопрос решал А.П.Смирнов. Он считал, что основу ананьинской культуры составляют не менее трех культур бронзового века (приволжская, луговская, среднекамская), которые испытали воздействие абашевской, сейминской и в несколько меньшей степени южной срубно-хвалынской. Ссылаясь на находки сибирских вещей в Ананьинском могильнике и антропологический тип ананьинцев, он указывал и на наличие сибирского компонента, принявшего участие в сложении ананьинской культуры (Смирнов, 1949. С.55). Несколько позднее Смирнов из вышеперечисленных культур выделил абашевскую как основную в сложении ананьина (1952. С.13).

Самым «солидным претендентом на звание предков ананьинских племен» считал абашев-

цев и К.В.Сальников. По его мнению, керамика абашевской культуры «является тем основным стержневым компонентом, вокруг которого, примешиваясь к которому, элементы керамики других культур дали ряд локальных вариантов предананьинской посуды» (Сальников, 1954. С.12–13). Он предлагал все предананьинские памятники разделить на две территориальные группы: западную – приволжскую и восточную – курмантау, с границей по устью Вятки. Различия между ними, по его мнению, объясняются исторической обстановкой, в которой протекало развитие абашевцев в разных районах. В восточных абашевская культура сохраняла большую чистоту, а в западных имела примесь срубно-хвалынского компонента (Сальников, 1954. С.19–20). Кроме того, наличие в западной группе «текстильной» керамики, по мнению Сальникова, не позволяет рассматривать их в качестве исходных для сложения ананьинской культуры. Ею могла быть только культура курмантау, целиком выводимая К.В.Сальниковым из абашевской. Основной же территорией формирования ананьинских племен являлись берега среднего и нижнего течения р. Белой, наравне с прилегающим отрезком течения р. Камы между устьями Вятки и Белой (Сальников, 1954. С.20–22, 24). Не отрицал он участия в сложении ананьинской культуры более северных и восточных племен, внесших в нее монголоидный элемент (Сальников, 1954. С.22).

Иной точки зрения придерживался П.П.Ефименко. По его мнению, истоки ананьинской культуры следует искать на севере Западной Сибири, «в ареале распространения памятников ямочно-гребенчатого неолита». Усматривая сходство ананьинской посуды с западносибирской, он считал возможным предполагать единство их происхождения и даже ставить «вопрос об исторических связях и, возможно, даже каком-то этническом субстрате, объединявшем значительную территорию Севера в пределах Европы и Сибири» (Ефименко, 1948. С.41).

Обратившись к проблеме происхождения ананьинской культуры, О.Н.Бадер выдвинул предположение, что она сложилась на базе позднетурбинских племен Верхнего Прикамья, тесно связанных с Зауральем (Бадер, 1953. С.58; Бадер, Соколова, 1953. С.279–280). По его мнению, в VIII–VII вв. до н.э. они мощной волной продвинулись на запад, расширив свою основную территорию, и прервали своим появлением развитие племен дьяковской культуры на Нижней Каме, Волге и Ветлуге (Бадер, 1951. С.22–27; 1960. С.22).

В 1952 г. вышла обобщающая работа А.В.

Збруевой, которая явилась итогом почти столетнего изучения ананьинских памятников. Центральное место в ней занимает вопрос о происхождении ананьинской культуры, где Збруева в основном придерживается прежней точки зрения о формировании ананьинских племен в Нижнем Прикамье на базе культуры местных стоянок эпохи бронзы. В зависимости от географического расположения этих стоянок их население испытывало влияние соседних племен, которое, по ее мнению, не нарушало местного характера этой культуры. А.В.Збруева допускала, что при современной ей степени изученности предананьинских памятников, вопрос о сложении ананьинской культуры еще не мог быть решен во всей полноте, особенно для северных районов. Она считала также, что, возможно, на Верхней Каме и Ветлуге формирование ананьинских племен протекало несколько иначе, чем на юге. Однако точку зрения Бадера о том, что ананьинская культура возникла на базе турбинской, Збруева подвергла критике. Подтверждением этому, по ее мнению, служит большой хронологический разрыв между этими культурами и сосредоточение всех наиболее ранних ананьинских памятников на Нижней Каме (Збруева, 1952. С.189 и сл.). Различие условий, в которых формировались размещавшиеся на большой территории ананьинские племена, позволило А.В. Збруевой наметить выделение локальных групп, отличавшихся своеобразием: на Нижней Каме, Вятке, Верхней Каме, Белой и Ветлуге (1952. С.163).

Последующие исследования А.В.Збруевой еще более привели ее к убеждению, что основной территорией формирования ананьинских племен было Нижнее Прикамье. Происходило это на основе местных (луговских или приказанских) племен, испытавших сильное влияние срубных. Збруева не возражала против участия турбинцев в сложении ананьинской культуры, однако, в противовес мнению Бадера, утверждала, что нижекамские племена сыграли ведущую роль в объединении с ними северных (турбинских), как более развитые и передовые, создавшие в эпоху поздней бронзы собственный очаг металлургии меди (1957. С.35–37).

Проблема происхождения ананьинской культуры была затронута и В.П.Шиловым. По его мнению, ананьинская культура сформировалась в результате размешения местных неолитических (прикамских) и пришлых (зауральских) племен. Не исключает он здесь и возможного участия племен абашевской культуры (Шилов, 1961. С.123–126).

Об абашевском компоненте ананьинской культуры считал возможным говорить в одной из ран-

них работ и А.Х.Халиков (Халиков, Архипов, 1959. С.118). Однако в дальнейшем он пришел к выводу, что формирование ананьинской культуры происходило на основе местных племен эпохи бронзы, среди которых ведущая роль принадлежала приказанским (приволжским и луговским). Халиков считал, что эти племена прошли длительный путь развития и стали к концу эпохи бронзы ведущими в Прикамье, способными дать начало ананьинской культуре. Свое мнение он обосновывает преимущественно позднеприказанских и раннеананьинских памятников, выражавшейся в совпадении территории их расселения, ряда черт материальной культуры, а также в том, что многие раннеананьинские поселения и могильники занимали места предшествующих позднеприказанских (Халиков, 1960. С.161 и сл.; 1962. С.9–11). Критикуя мнение А.П.Смирнова, который по-прежнему считал, что «абашевская культура подстилает ананьинскую на всем ее протяжении» (1961. С.95), А.Х. Халиков справедливо указывал, что между абашевскими и ананьинскими памятниками существует разрыв в несколько столетий. Кроме того, территория формирования ананьинской культуры не имеет в своей основе абашевских памятников, из чего следует отбросить абашевскую теорию происхождения ананьинской культуры (1962. С.9).

С критикой абашевской основы в ананьинской культуре выступил и О.Н.Бадер. В категоричной форме утверждая, что ананьинская культура – культура уральская, он по-прежнему связывал истоки формирования ее с турбинскими племенами, которые, по его мнению, в VIII–VII вв. до н.э. вторглись на Нижнюю Каму и Среднюю Волгу. Здесь они, прервав самостоятельное развитие племен приказанской культуры (которая якобы стояла на пути формирования культуры типа дьяковской или городецкой) слились с ней. Однако нижекамские племена, обладавшие к тому времени относительно высокой земледельческо-скотоводческой культурой и развитой металлургией, по его мнению, определились как наиболее передовые для всего этнокультурного ананьинского массива (Бадер, Оборин, 1960. С.21–22).

Эта точка зрения вызвала критику со стороны А.Х.Халикова. Он убедительно доказал неправомочность отождествления приказанской культуры с поздняяковской и то, что приказанская не является основой сложения дьяковской или городецкой. По его мнению, «текстильная» керамика, обнаруженная в приказанских памятниках, не имеет местных корней. Она характерна только для западных областей распространения приказанской культуры и является резуль-

татом некоторого сдвига на восток волго-окских племен (Халиков, 1960. С.164–166). Центральной областью формирования ананьинской культуры, по мнению Халикова, было Нижнее Прикамье и центральные районы Среднего Поволжья; Поветлужье же, не входившее в область формирования ананьинской культуры, было заселено уже сложившимися ананьинскими племенами, проникшими туда из вятского бассейна (1962. С.12–13).

Большое значение для изучения ананьинской эпохи в Волго-Камье имело проведение IV Уральского археологического совещания, состоявшегося в 1964 г. в Перми, на котором одним из основных являлся вопрос о происхождении ананьинской культуры. Представленные на Совещании доклады можно свести к трем основным точкам зрения. Одна из них принадлежит А.Х.Халикову. В своем докладе он систематизировал памятники приказанской культуры по периодам ее существования и показал последовательную смену одного этапа другим. По его мнению, на последнем – маклашеевском – этапе своего существования приказанские племена, превратившись в ведущую силу в крае, осваивают всю будущую территорию расселения ананьинцев. Тогда же у маклашеевцев складываются многие черты, которые позволяют говорить о генетической связи приказанских и ананьинских племен (Халиков, 1967). Данные, подтверждающие их преемственность, были приведены и в докладах ряда других исследователей (Ишмуратова, 1967; Старостин, 1967; Халикова, 1967).

Другая точка зрения была изложена в докладе В.П.Денисова. Он говорил, что «было бы правильнее не распространять термин «приказанская культура» на все Прикамье..., а принять точку зрения О.Н.Бадера, который предложил считать территорией собственно приказанской культуры Казанское Поволжье и прилегающую к нему часть района Нижней Камы. По мнению Денисова, «в бассейне Вятки и в низовьях Камы следует выделять в качестве самостоятельной культуры луговскую и, может быть, малмыжскую, в Среднем Прикамье – ерзовскую, в бассейне р. Белой – культуру курмантау» (1967. С.30–31).

Возражая ему, А.Х.Халиков заметил, что «ерзовские памятники всеми своими особенностями неразрывно связаны с приказанской культурой и поэтому есть все основания утверждать, что ананьинский вариант Среднего и Верхнего Прикамья имеет ту же приказанскую основу» (1967. С.8).

Еще одна точка зрения, которая привлекла к себе внимание, была изложена в докладе В.Ф.Ге-

нинга и Н.И.Совцовой. Авторы указывают на существование огромной ананьинской общности в северо-восточной части Европы, аргументируя это сходством керамики для всей указанной области. По их мнению, ананьинская общность не могла возникнуть на базе одной культуры. Распространение в предананьинское время однотипной керамики на обширной территории нельзя считать также и результатом культурного влияния или конвергентного развития. Достаточно быстрое распространение новой керамики могло быть связано только с проникновением в северо-восточную Европу значительных групп западно-сибирского населения, обусловившего образование общности племен предананьинского времени (Генинг, Совцова, 1967).

Важный доклад был прочитан К.В.Сальниковым, который существенно пересмотрел прежнюю точку зрения на происхождение ананьинской культуры. Он отказался от тезиса, что основой всей ананьинской культуры была абашевская. По его мнению, абашевские племена сыграли определенную роль только в формировании культуры курмантау, которая, в свою очередь, явилась основой для сложения бельского варианта ананьинской культуры (Сальников, 1967а. С.92). Это положение содержится и в ряде его последних работ (Сальников, 1967. С.385–386; 1968. С.9).

Как видно из опубликованного «Обсуждения докладов и сообщений по проблеме происхождения ананьинской культурной области и ее локальных вариантов», у исследователей, как и прежде, не существовало единого мнения (Оборин, 1967).

Работы, проводившиеся в 60–70-х годах XX столетия, особенно в зонах затопления Куйбышевской и Нижнекамской ГЭС, дали много новых ценных материалов. Особенно важным для происхождения ананьинской культуры было открытие и исследование I Ново-Мордовского, II Полянского и Тетюшского могильников, содержащих погребения финала эпохи поздней бронзы и раннеананьинского времени. Накопление материалов позволило приступить к более детальному, углубленному изучению отдельных регионов. Такая работа была проделана для Марийско-Чувашского Поволжья В.С.Патрушевым. Вслед за А.Х.Халиковым он усматривает истоки формирования ананьинских племен этого региона в приказанской культуре и отмечает их своеобразие, обусловленное брачно-родственными отношениями с городецко-дьяковским населением (Патрушев, 1971. С.15–16).

В 1977 г. вышла работа А.Х.Халикова «Волго-Камье в начале эпохи раннего железа». В ней

автор стремился обобщить весь известный ему материал, относящийся к раннеананьинскому времени. Значительное место отведено характеристике материальной культуры, в том числе и посуды, которая позволила предложить деление всей раннеананьинской территории на девять своеобразных локальных групп. В вопросе, связанном с проблемой происхождения ананьина, Халиков стоит на прежней позиции: «На всей основной территории расселения ананьинских племен формирование их культуры происходило на базе развития приказанской культуры и ее локальных вариантов» (1977. С.257). Подобное утверждение содержится и в его сводной работе по приказанской культуре (Халиков, 1980. С.53).

Работы, которые появились в последние годы, в основном затрагивают проблемы культурной принадлежности племен раннеананьинского времени, населяющих Волго-Камье. Отмеченное еще А.Х. Халиковым своеобразие средневожского региона, характеризующее наличием двух типов керамики, кельтов аозинско-меларского типа и некоторыми индивидуальными чертами погребального обряда, возбудило к нему повышенный интерес исследователей. В работе, посвященной цветной металлургии Волго-Камья в раннем железном веке, С.В.Кузьминых особо рассматривает эту область. По его мнению, появление «текстильной» керамики в Среднем Поволжье в конце II – начале I тыс. до н.э. следует связывать с внедрением сюда населения из Волго-Окского бассейна, которое начинает интенсивно смешиваться с обитавшими здесь приказанскими племенами. Однако «процесс нивелировки двух культур зашел не настолько далеко, чтобы создать единый культурный комплекс... Население «текстильной» керамики начала железного века в Среднем Поволжье генетически связано не с раннегородецко-дьяковской инфильтрацией, а с предшествующей культурой, а собственно ананьинские памятники – с позднеприказанскими (маклашеевскими)». Погребения с ананьинскими кельтами и наконечниками копий в Старшем Ахмыловском, Аозинском и других средневожских могильниках принадлежат ананьинской культуре, а погребения с аозинско-меларскими кельтами в тех же могильниках – средневожской «текстильной» культуре, которую С.В.Кузьминых предлагает называть «аозинской» (1977. С.4). Свое мнение он подкрепляет и наличием у «аозинцев» самостоятельного металлообрабатывающего очага (Кузьминых, 1977. С.12–15). Эти же положения содержатся и в одной из его последних работ (Кузьминых, 1983. С.7).

К иной точке зрения, изучая те же материа-

лы, пришел В.С.Патрушев. В работах начала 1980-х средневожские памятники объединены им в особую «ахмыловскую» культуру (Архипов, Патрушев, 1982. С.57; Патрушев, 1984). Отказавшись от прежней точки зрения (Патрушев, 1971. С.15–16), он рисует чрезвычайно сложную картину культурогенетического процесса. В качестве исходных компонентов, так или иначе сыгравших роль в формировании «ахмыловской», он называет культуры: волосовскую, балановскую, чирковско-сейминскую, турбинскую, абашевскую, поздняковскую, срубную, приказанскую и псевдосетчатой керамики. Такая богатая родословная «ахмыловцев», по мнению Патрушева, обеспечила значительное своеобразие их памятников (1984. С.187 и сл.; 1986. С.112–118). Термин «ахмыловская культура» считает возможным применять и Г.А.Архипов (1985, С.14 и сл.).

Над проблемой происхождения ананьинских племен Среднего Прикамья в настоящее время работает Л.И.Ашихмина. В целом ряде своих работ она высказывает точку зрения, что ананьинская культура этой территории формируется на базе так называемой «быргындинской». Формирование же «быргындинской» культуры происходит в результате взаимосмещения маклашеевских племен и племен, оставивших памятники типа Луговской стоянки, объединяемыми ею в «луговскую» культуру (Ашихмина, Генинг, 1977; Ашихмина, 1978; 1979. С.58; 1985. С.10; 1985а. С.9–10).

Большой интерес вызывают последние работы В.А.Иванова. Намеченная дата (VIII–VI вв. до н.э.) для памятников курмантауской группы позволила ему говорить об ее одновременном существовании в бассейне р. Белой с раннеананьинской (Иванов, 1977. С.98–100). А значительные отличия керамики курмантау от раннеананьинской привели его к мнению, что курмантауские племена были не причастны к ананьинскому генезису (Иванов, 1978. С.13; 1982. С.73). Своеобразно им решается и вопрос о происхождении памятников типа курмантау и маклашеевских. Отказавшись от первоначально поддерживаемой им точки зрения о формировании культуры курмантау на основе смешения черкаскульского (межовского) и маклашеевского населения (Иванов, 1977. С.100–101), он предложил считать позднечеркаскульское (межовско-березовское) население основным компонентом в ее сложении. Оно же, по мнению Иванова, сыграло основную роль и в формировании культуры маклашеевского населения (1982. С.63–72). Из этого следует, что он предполагает одновременность существования маклаше-

евских, курмантауских и раннеананьинских памятников.

Синхронными их считает и Н.Л.Членова, с той лишь разницей, что маклашеевские и курмантауские, а также близкие им ерзовские комплексы она объединяет в рамках одной культуры – курмантау (1981. С.21).

В одной из последних работ В.А.Иванов высказывает мысль о существовании лишь двух вариантов ананьинской общности: западного и восточного. При этом он ссылается на «Картограмму распространения основных форм и орнаментации раннеананьинской керамики», приведенную в работе А.Х.Халикова (1977. Рис. 94). Для западного варианта, по его мнению, характерна керамика с ямочной и ямочно-гребенчатой орнаментацией, для восточного – с ямочно-шнуровой. Как считает Иванов, это подтверждается совпадением указанных районов с территориями распространения различных типов поселений. Для западного (Средняя Волга, Нижняя Кама, Ветлуга и Вятка) характерны городища и открытые поселения на высоких местах, для восточного (Средняя и Верхняя Кама, Белая) – открытые поселения, преимущественно расположенные на низких местах. Керамика, характеризующая эти «территориальные общности или культуры», по его мнению, не дает основания для более дробного деления. Их происхождение В.А.Иванов связывает с различными основами эпохи бронзы, которые, однако, не называет конкретно (1983. С.266–268).

Исследования керамических комплексов памятников ананьинского времени приустьевой части Камы привели автора настоящей работы к выводу, что они проявляют наибольшую близость не к ананьинским памятникам, дающим так называемую «классическую» шнуровую керамику,

а к памятникам типа Быргындинской стоянки, расположенным в Удмуртии и в восточных районах Татарии, курмантауским на Белой и ерзовским на Средней Каме (Марков, 1984а. С.10; 1987). Все перечисленные группы памятников представляли собой единый культурный и хронологический пласт. Это единство в дальнейшем было нарушено появлением населения, изготавливавшим керамику с «классической» шнуровой орнаментацией на Средней Каме и Нижней Белой, и с гребенчато-шнуровой орнаментацией, сохранившей сильные лебяжские традиции, на Вятке и Ветлуге. Это население принесло с собой и традицию изготовления ананьинских кельтов с шестигранным сечением втулки, пришедшим на смену кельтам с линзовидным или овальным ее сечением (Марков, 1987).

Как мы видим, проблема происхождения ананьинской культурной общности до настоящего времени не имеет единого решения. На наш взгляд, этому служат следующие причины: значительная путаница в определении культурной принадлежности тех или иных памятников, отнесение одних и тех же памятников к концу эпохи бронзы и к раннему железному веку и вытекающее отсюда их хронологическое несоответствие; неравномерность в изучении отдельных областей, занятых ананьинскими племенами.

Нерешенность проблемы происхождения памятников ананьинской общности во многом зависит и от того, как себе представляли исследователи ананьинскую общность. Признание культурного родства ананьинского населения неизбежно вело к поиску единой основы его сложения. Имея же дело с разнородным по происхождению материалом, поиски этой основы велись ими в различных направлениях, что также служило причиной имеющихся разногласий.

Глава 2.



КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ АНАНЬИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕЙ КАМЫ

Все исследователи единодушны в оценке керамического материала как одного из основных и важнейших видов источников для характеристики культуры древнего населения. Однако керамические комплексы ананьинских памятников Нижней Камы, как правило, выпадают из поля зрения исследователей, поскольку они остаются еще очень мало известными в литературе. Кроме того, характеристика нижекамской керамики, данная в работе А.В.Збруевой (1952. С.73), была сделана на недопустимо малом количестве сосудов. Из четырех бывших в ее распоряжении фрагментов три имели узор из отгисков шнура, то есть 75%, что, как будет показано, не соответствует действительности.

Некоторое освещение нижекамская керамика получила в статье Г.Р.Ишмуратовой (1975), посвященной ананьинским памятникам западных районов Татарии. В ней, в основном, были охвачены комплексы, содержавшие некоторую долю «текстильной» керамики, и рассмотрены они в плане сопоставления ананьинской и «текстильной». Много внимания в этой статье было уделено также определению удельного веса той

или иной керамики в зависимости от географического расположения памятника.

Общий анализ керамики раннеананьинского времени Нижнего Прикамья был сделан А.Х. Халиковым (1977. С.231–234). Им были кратко охарактеризованы многие ее особенности, что, к сожалению, не нашло отражения в приложенной картограмме, где отсутствует характеристика узоров, выполненных вдавлениями (Халиков, 1977. Рис. 94). Очевидно, это и позволило В.А.Иванову, использовавшему данную картограмму, объединить средневожские, нижекамские, вятские и ветлужские памятники в одну группу (1983. С.267). А между тем узоры, выполненные вдавлениями, являются, как мы увидим, одним из наиболее характерных признаков керамики Нижнего Прикамья, значительно отличающим ее от других областей, чему, однако, до настоящего времени не уделялось должного внимания. Этот пробел предполагается восполнить в настоящей книге. Не случайно характеристике нижекамской посуды отводится в ней одно из центральных мест.

2.1. Общая характеристика нижекамской посуды

Для характеристики керамики автором было привлечено свыше 3,5 тыс. фрагментов сосудов, из которых 2761 были включены в статистическую обработку. Большая их часть происходит из раскопок, проводившихся в разное время на нижекамских поселениях. Значительно меньшую часть представляет посуда, полученная в результате разведочных работ или сборов на разрушающихся памятниках. Однако и этот материал представляет собой определенную научную ценность, поскольку характеристика, разработанная для керамических комплексов из раскопок, позволяет определить для него свое место.

Характеристика керамического материала проводилась по всем выделяемым признакам. Учитывались примеси к глиняному тесту, обработка поверхности, общая форма сосудов, фор-

ма шейки и ее дополнительные детали, оформление края венчика и его орнаментация. Основное внимание уделялось орнаментации самих сосудов как важнейшему показателю культурной принадлежности, чутко реагирующему на любые инородные включения. Рассматриваются степень орнаментированности сосудов, технические приемы нанесения орнамента и их взаимовстречаемость, элементы узора и их композиционное расположение.

В целом посуда Нижнего Прикамья ананьинского времени имеет раковинную примесь к тесту. Однако ближе к западной части региона появляется и постепенно увеличивается до 53% (городище Казанка I) количество керамики с примесью песка. Нередко последняя по внешней поверхности обработана «текстильными»

Таблица 1.

Типология форм нижекамской посуды, (%).

Тип	I			II			III			IV	Кол-во сосудов
	A	B	B	A	B	B	A	B	B		
Памятник											
Гремячий Ключ	0,9	2,4	—	18,6	27,9	6,4	18,9	16,7	4,1	4,1	769
Сорочьи Горы	3,8	1,9	0,9	25,8	32,9	2,4	12,8	15,8	0,4	3,3	210
Курган	2,1	2,3	0,8	20,1	27,6	6,4	15,4	17,2	3,3	3,3	684
Макарьевское	—	—	—	15,0	45,0	20,0	10,0	10,0	—	—	20
Казанка I	0,5	0,9	—	11,4	28,8	18,4	21,3	15,8	—	2,9	202
Казанская	—	—	—	8,3	39,8	32,9	5,4	6,8	1,4	5,4	73
Н.Услон	—	—	—	9,8	43,9	29,2	7,3	9,8	—	—	41
Антоновское	1,9	1,9	—	24,1	27,9	11,6	15,3	17,3	—	—	104
Маклашеевское	2,0	6,6	1,4	15,4	26,7	8,6	16,0	16,7	6,6	—	150
Гулькинская	—	4,8	—	14,3	28,5	11,9	16,6	14,3	9,6	—	42
Именьковское	—	—	—	10,0	30,0	33,3	6,7	10,0	10,0	—	30
Кирюшкин Городок	—	—	—	21,7	43,4	13,1	13,1	8,7	—	—	23
I Тр.Урайское	—	—	—	25,0	27,6	14,2	11,6	11,6	2,5	2,5	120
Сухой Берсут	—	—	—	19,8	32,1	7,4	17,3	20,9	—	2,5	81
Черепашье	—	—	—	22,1	38,3	5,2	12,8	17,4	1,4	2,8	212
Всего	1,2	1,9	0,5	19,1	29,9	9,4	15,8	16,2	2,8	3,2	2761
	3,9			58,4			34,8				

Таблица 2.

Поселение Курган. Показатели степени высоты и выпуклости плечика, (%)*.

Высота Выпуклость	ФВ>0,15	0,16–0,25	0,26–0,35	Всего
ФЖ>0,25	28,2	24,3	3,2	55,7
0,26–0,50	20,5	17,8	1,8	40,1
0,51–0,75	2,4	1,6	0,2	4,2
Всего:	51,1	43,7	5,2	100,0

* Примечание: для характеристики использованы фрагменты от 371 сосуда

Таблица 3.

Городище Гремячий Ключ.
Показатели степени высоты и выпуклости плечика, (%)*.

Высота Выпуклость	ФВ>0,15	0,16–0,25	0,26–0,35	Всего
ФЖ>0,25	23,4	29,4	4,2	57,0
0,26–0,50	12,5	21,9	5,2	39,6
0,51–0,75	1,1	1,9	0,4	3,4
Всего:	51,1	43,7	5,2	100,0

* Примечание: для характеристики использованы фрагменты от 265 сосудов.

отпечатками. Наличие двух групп керамики для западных пределов распространения ананьинской общности было определено А.Х.Халиковым как своеобразие ее средневожского варианта (1962. С.115).

Находки «текстильной» керамики отмечены также почти на всех исследованных поселениях, расположенных на приустьевом участке р. Камы. Однако здесь она в основном характеризуется маклашеевскими чертами и относится к эпохе поздней бронзы. «Текстильная» посуда, которая может быть отнесена с достовер-

ностью к ананьинскому времени, составляет 3,5% на поселении Курган, 0,4% на городище Гремячий Ключ, а на городище Сорочьи Горы был обнаружен всего только один фрагмент с примесью песка и редкими наколами, имитирующими «текстильную» обработку поверхности, что составляет 0,04% от числа фрагментов, имеющих в коллекции.

В целом для нижекамской посуды характерна заглаженная поверхность. Заглаживание поверхности производилось мягким предметом, обычно после предварительной обработки ее

Таблица 4.

**Оформление венчика и шейки на посуде
ананьинских памятников Нижнего Прикамья, (%).**

Венчик Шейка	Форма и орнамент венчика						Форма шейки			Кол-во сосудов
	плоский	округлый	острый	скошен внутрь	Г-образный	орнамент	воротничок	валик	вазообразная	
Гремячий Ключ	43,8	42,9	1,8	0,1	11,4	13,0	5,1	–	0,8	769
Сорочьи Горы	53,3	42,9	3,8	–	–	19,1	5,7	2,9	2,9	210
Курган	48,6	37,6	1,9	2,2	9,7	20,1	4,2	0,4	1,0	684
Макарьевское	55,0	45,0	–	–	–	20,0	–	–	–	20
Казанка I	43,6	51,4	3,6	0,5	0,9	33,1	3,5	–	0,9	202
Казанская	42,5	38,3	2,8	16,4	–	34,2	10,9	–	6,8	73
Н.Услон	51,2	46,4	–	2,4	–	17,0	2,4	–	–	41
Антоновское	36,5	55,7	–	–	7,8	7,8	3,8	–	0,9	104
Маклашеевское II	53,3	38,7	4,7	3,3	–	40,7	1,3	–	1,3	150
Гулькинская	52,4	35,6	9,5	–	2,3	52,4	–	2,3	2,3	42
Именьковское	46,7	33,3	–	20,0	–	20,0	6,7	–	13,3	30
Кирюшкин городок	60,8	39,2	–	–	–	13,1	–	–	–	23
I Тр. Урайское	42,5	45,0	3,3	5,0	4,2	7,5	1,7	4,7	6,7	120
Сухой Берсут	66,7	30,8	–	2,5	–	27,1	4,9	8,6	–	81
Черепашье	56,2	42,9	2,8	–	–	16,0	2,4	0,9	–	212
Всего:	48,0	41,9	2,2	1,7	6,2	19,7	4,1	0,8	1,5	2761

зубчатым штампом. Реже встречаются сосуды без следов вторичного заглаживания, обработанные только зубчатым штампом. Причем, чаще оставалась незаглаженной только внутренняя поверхность. Ощущаются различия по обработке поверхности между группами керамики с примесью песка и толченой раковины. Помимо «текстильных» отпечатков на керамике с примесью песка, почти в два раза чаще встречается поверхность, обработанная только зубчатым штампом.

Вся посуда с поселений Нижнего Прикамья была круглодонной. Для характеристики общей формы сосудов были использованы формулы, предложенные В.Ф.Генингом (1973. С.121–123; Ашихмина, Генинг, 1977. С.105–107).

Большая часть сосудов представлена фраг-

ментами, у которых была возможность измерить только высоту шейки (Р6), диаметр по краю венчика (Р1) и по основанию шейки (Р2). Несколько меньше имеется сосудов, у которых сохранилось плечико до наибольшего расширения тулова, что позволило сделать замеры по высоте плечика (Р7) и диаметру самой высокой части тулова (Р3).

Имеющиеся параметры дали возможность вычислить следующие показатели формы: высоту шейки (ФБ) и степень ее отогнутости (ФГ) и, для меньшего числа сосудов, высоту плечика (ФВ) и степень его выпуклости (ФЖ).

Высотногогорловинный показатель определяется отношением абсолютной высоты шейки к ее диаметру: $ФБ = Р6/Р1$. Степень отогнутости шейки представляет собой котангенс угла между

Таблица 5.

Степень орнаментации сосудов Нижнего Прикамья, (%).

Орнамент Памятник	Шейка	Шейка+плечико	Плечико
Гремячий Ключ	75,8	22,1	2,1
Сорочьи Горы	33,3	61,7	5,0
Курган	68,4	24,7	6,9
Макарьевское	57,2	28,6	14,2
Казанка I	71,8	22,6	5,6
Казанская	90,5	9,5	–
Н.Услон	89,5	10,5	–
Антоновское	47,3	49,1	3,6
Маклашеевское II	51,2	41,1	7,7
Гулькинская	62,9	33,4	3,7
Именьковское	92,3	7,7	–
Кирюшкин городок	55,5	44,5	–
I Тр. Урайское	52,4	37,2	10,4
Сухой Берсут	19,1	80,9	–
Черепашье	26,7	76,2	2,1
Всего:	59,6	36,0	4,3

Таблица 6.

Техника орнаментации на посуде ананьинских памятников Нижнего Прикамья, (%).

Орнамент Памятник	ямка	вдавления	шнур	зуб. штамп	крест. штамп	прокат. штамп	прочерч. резной	прочерч. волна	жемчужина снаружи	Кол-во сосудов
Гремячий Ключ	92,8	26,2	17,5	13,0	–	–	–	0,3	0,1	769
Сорочьи Горы	97,1	19,0	38,5	15,2	–	–	–	–	–	210
Курган	94,4	25,0	10,9	17,1	0,4	0,1	0,1	–	0,1	684
Макарьевское	100,0	30,0	10,0	5,0	–	–	–	–	–	20
Казанка I	94,5	21,7	4,9	11,3	–	0,9	–	–	–	202
Казанская	100,0	38,3	–	12,3	–	–	6,8	–	–	73
Н.Услон	97,5	31,7	7,4	7,4	–	–	–	–	–	41
Антоновское	98,1	37,5	13,5	2,8	–	–	–	–	–	104
Маклашеевское II	100,0	43,3	6,6	10,6	–	–	–	–	–	150
Гулькинская	100,0	50,0	7,1	9,5	–	–	–	–	–	42
Именьковское	100,0	20,0	10,0	3,4	–	–	6,6	–	–	30
Кирюшкин городок	100,0	52,1	13,1	30,4	–	–	–	–	–	23
I Тр. Урайское	98,3	27,5	30,8	15,8	–	–	3,3	–	–	120
Сухой Берсут	100,0	12,6	32,9	50,6	–	1,2	–	1,2	–	81
Черепашье	98,1	16,9	32,5	40,1	0,4	0,9	–	–	–	212
Всего:	95,6	26,2	18,1	16,6	0,1	0,2	0,4	0,1	0,07	2761

плоскостью венчика и линией шейки и выражается формулой: $\Phi\Gamma = P1 - P2 / 2P6$.

Для фрагментов, у которых сохранилась наиболее широкая часть тулова, степень высоты плечика определяется отношением его абсолютной высоты к наибольшему диаметру тулова: $\Phi\text{В} = P7 / P3$.

Степень выпуклости плечика вычисляется по тангенсу угла, образованного линиями, опущенными из точки основания шейки к точке наибольшего диаметра тулова и вертикально к линии наи-

большого диаметра тулова: $\Phi\text{Ж} = P3 - P2 / 2P7$.

Для полученных указателей были определены интервальные группы, на основании чего определены и различные вариации формы сосудов.

По степени отогнутости шейки в нижнекамской посуде ананьинского времени выделяются три типа сосудов. К I отнесены сосуды с сужающимся горлом ($\Phi\Gamma < 0$), ко II – с вертикальными или очень слабо отогнутыми горловинами ($\Phi\Gamma = 0,00 - 0,14$), III тип объединяет сосуды со среднеотогнутыми горловинами ($\Phi\Gamma = 0,15 -$

Таблица 7. Взаимовстречаемость технических приемов нанесения орнамента на посуде ананьинских памятников Нижнего Прикамья, (%)

Орнамент	Ямка	Ямка+вдавленная	Ямка+зуб.штамп	Ямка+шнур	Зуб.штамп	Вдавления	Ямка+шнур+вдавления	Ямка+шнур+зуб.штамп	Ямка+крест.штамп	Ямка+шнур крест.штамп	Ямка+прокатан. Зуб.штамп	Ямка + «жемчужина» снаружи	Ямка+прочерч.-резной	Ямка+прочерч.-резной+вдавл	Шнур	Ямка+прочерченная волна	Шнур+вдавления	Вдавления+зуб. Штамп	Ямка+вдавления+шнур+зуб.штамп	Прочерченная волна	Шнур+зуб.штамп	Ямка+вдавления+зуб.штамп	«Жемчужина» снаружи	Ямка+зуб.штамп+прокат.	Без орнамента	Кол-во сосудов
Гремячий Ключ	38,3	22,5	10,5	17,6	0,6	1,6	1,5	1,5	-	-	-	+	-	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	-	-	-	-	4,1	769
Сорочьи Горы	31,0	18,6	10,0	32,9	0,4	-	1,2	3,9	-	-	-	-	-	-	-	-	0,4	-	-	-	0,4	-	-	-	1,1	210
Курган	44,0	24,4	14,7	9,8	1,7	0,6	0,2	0,7	0,2	0,1	0,1	0,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3,4	684
Макарьевское	65,0	25,0	-	-	-	5,0	5,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	20
Казанка I	59,4	20,7	8,4	2,9	0,9	-	0,4	0,9	-	-	0,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,4	0,4	0,4	3,9	202
Казанская	42,5	38,4	12,3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	73
Нижнеуслонское	53,6	29,2	7,4	7,4	-	2,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	41
Ангоновское	47,2	34,6	2,8	12,6	-	1,9	0,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	104
Маклашевское II	40,7	42,7	10,0	5,4	-	-	0,6	0,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	150
Гулькинская	35,8	50,0	7,1	4,8	-	-	-	2,3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	42
Именьковское	60,0	20,0	3,4	10,0	-	-	-	-	-	-	-	-	6,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	30
Кирюшкин Городок	21,8	43,5	17,4	-	-	-	4,3	8,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4,3	-	-	-	-	-	-	23
I Пр. Урайское	26,7	25,9	11,6	25,9	-	-	0,8	4,2	-	-	-	-	2,5	0,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	120
Сухой Берсут	21,5	11,4	30,3	11,4	-	-	1,3	20,2	-	-	1,3	-	-	-	1,3	1,3	-	-	-	-	-	-	-	-	2,4	81
Черешашье	29,2	15,6	20,7	10,4	-	-	6,1	14,6	+	0,4	0,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,8	212
Всего:	40,1	24,3	12,3	13,3	0,6	0,7	1,3	3,1	0,07	0,07	0,18	0,03	0,3	0,03	0,14	0,1	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,07	0,03	0,03	2,7	2761

Таблица 11.
Характеристика узоров, выполненных отгисками шнура на посуде памятников ананьинского времени, (%).

Памятник Орнамент	Гр.Ключ			С. Горы			Курган		Макарьевское	Казанка I	Казанская	Н. Услон	Антоновское	Маклашевское II				Гулякинская	Именьковское	Кирюшкин Гор	I гр. Урайское	Сухой Береут			Черепашье			Вятка																								
	В целом	Слой		В целом	Ниж-ний	Верх-ний	Эпоха	Ананьин-ская						Ia	II	IIa	IIIb					В целом	Ia	II	IIIb	В целом	Группа		В целом	I	II	III	Р Шихан	Белоглаз																		
		Пол-вадом	Напало-щале																								Ниж-ний	Верх-ний							1	2	3	1	2	3												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36																	
	8,8	12,3	8,6	8,5	21,6	4,6	-	6,1	7,6	-	7,3	4,8	4,0	-	9,6	-	2,5	-	3,4	-	12,5	1,1	3,1	-	-	-	1,2	3,3	5,3	-	-	-	-	-	-																	
	2,7	-	2,9	23,3	1,6	30,6	-	1,0	7,6	-	-	-	0,9	1,3	-	-	3,8	2,5	4,7	-	10,0	29,6	-	82,7	-	-	-	25,9	-	83,4	-	45,2	22,3	30,2	-	-																
	-	-	-	-	2,6	-	3,3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,1	-	3,4	-	1,4	-	4,6	-	-	-	-	-	-															
	5,5	5,3	5,6	5,2	3,3	7,3	-	0,4	-	-	-	4,8	2,9	-	-	-	-	-	-	6,6	-	3,3	2,4	3,1	3,4	-	-	1,4	23	-	-	-	-	-	-	-	-	1,5														
	0,7	-	0,8	2,8	6,6	1,3	-	1,3	-	-	-	-	0,9	0,6	-	-	1,9	-	-	-	-	1,6	2,4	3,1	3,4	-	-	1,3	1,5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,1													
	2,8	1,9	2,9	3,3	1,6	4,6	-	2,5	-	-	-	-	0,9	0,6	-	-	1,9	-	-	-	3,3	1,1	3,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-													
	0,9	-	0,9	1,4	-	2,0	-	0,4	-	-	-	-	-	0,6	-	-	1,9	-	-	-	1,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-												
	0,3	1,8	0,3	-	-	-	-	0,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-												
	0,6	1,8	0,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2,3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-												
	-	-	-	-	3,3	-	4,6	-	0,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2,4	3,1	3,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-											
	0,1	-	0,1	-	-	-	-	0,2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-											
	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-											
	0,2	-	0,3	-	-	-	-	0,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2,4	1,9	1,5

0,29) и очень немногочисленные сосуды, имеющие сильно отогнутое горло ($\Phi\Gamma=0,30$). В отдельный IV тип были выделены встречающиеся очень редко на некоторых нижекамских памятниках непрофилированные сосуды.

По указателям высоты шейки внутри типов выделяются разновидности: А – с низкими ($\Phi\text{Б}=0,03-0,08$); Б – со средневысокими ($\Phi\text{Б}=0,09-0,14$) и В – с высокими ($\Phi\text{Б}>0,15$) горловинами.

В целом преобладающим для Нижнего Прикамья (табл. 1) является II тип сосудов (58,4%). Значительно меньше сосудов III типа (34,8%). Очень редки сосуды, относящиеся к I и IV типам (соответственно 3,6% и 3,2%). Среди профилированных, по указателям высоты шейки, преобладают сосуды разновидности Б (48%). Меньше сосудов, относящихся к разновидности А (36,1%). Сосуды разновидности В составляют 12,7%.

При корреляции указателей степени отогнутости и высоты шейки большая часть выделяется в тип IIБ, имеющий прямую или чуть отогнутую средней высоты шейку. Многочисленные сосуды, относящиеся к типам II-А, III-Б и III-А. Доля сосудов других типов незначительна (табл. 1).

Наблюдается определенная зависимость высоты шейки от степени ее отогнутости. Для низких шеек наиболее характерна их сильная отогнутость. Напротив, высокие шейки, как правило, вертикальные или очень слабо отогнутые и образуют так называемое цилиндрическое горло.

Менее подробная характеристика может быть дана для анализируемых комплексов по указателям высоты плечика и степени его выпуклости, поскольку число сосудов, у которых была возможность сделать соответствующие замеры, значительно ниже. Наиболее полное представление по этим указателям дают только самые представительные комплексы с поселения Курган, городищ Гремячий Ключ, Сорочьи Горы и Черепашье. Результаты их анализа позволяют считать, что для посуды Нижнего Прикамья наиболее характерны сосуды с низкими и средней высоты слабовыпуклыми плечиками (табл. 2, 3).

Отличается многообразием оформление края венчика на нижекамской посуде (табл. 4), но наиболее часто встречаются плоские (48%) и округлые (41,9%). Значительно реже встречаются Г-образные (6,2%), заостренные (2,2%) и скошенные внутрь (1,7%) венчики. Иногда края венчиков орнаментировались насечками или оттисками зубчатого штампа, причем несколько чаще орнамент имеют плоские венчики (табл. 4).

Очень редко (4,1%) на нижекамской посуде встречается воротничок, который в большинстве случаев невыразителен и образован путем незначительного придавливания сырой глины под основанием шейки (табл. 4; Рис. 1, 3; 12, 2, 6). Еще реже (0,8%) встречается наклепной валик (табл. 4; Рис. 10, 4; 22, 3). Редко встречается также (1,5%) и выгнутая наружу вазообразная форма горла (табл. 4; Рис. 1, 7; 16, 1).

Большая часть сосудов была орнаментирована. Сосуды, лишенные орнамента, составляют только 2,7%, причем в большинстве случаев это непрофилированные чаши, относящиеся к IV типу.

Узор, как правило (табл. 5), располагается на шейках (59,6%), реже – на шейках и плечиках (36%). Сосуды с орнаментом, расположенным только на плечиках, встречаются редко (4,3%).

Узоры выполнялись различными способами (табл. 6). Наиболее характерными для Нижнего Прикамья являлись узоры, выполненные вдавлениями (26,2%), оттисками шнура (18,1%) и зубчатого штампа (16,5%). Очень редко употреблялся прочерченно-резной орнамент (0,4%). Редкими и, можно сказать, чуждыми для посуды Нижнего Прикамья являются узоры, выполненные отпечатками крестового штампа (0,1%), прокатанного зубчатого штампа (0,2%) и прочерченными волнистыми линиями (0,1%).

В подавляющем большинстве случаев основной узор сопровождается глубокими ямочными вдавлениями, расположенными обычно пояском в основании горла. На месте вдавления ямок с внутренней стороны, как правило, оставались сферические выпуклости – «жемчужины».

Вдавления – один из наиболее характерных технических приемов орнаментации посуды Нижнего Прикамья – весьма разнообразны. Наиболее

Таблица 12.

Городище Гремячий Ключ. Распределение форм сосудов по слоям, (%)

Тип	I			II			III			IV	Кол-во сосудов
	A	Б	В	A	Б	В	A	Б	В		
На площадке	0,8	2,0	–	19,0	27,0	6,6	19,8	16,7	3,8	4,3	712
Под насыпью вала	1,8	7,0	–	14,0	38,6	3,5	8,8	19,3	7,0	–	57
Всего:	0,9	2,4	–	18,6	27,9	6,4	18,9	16,7	4,1	4,1	769
	3,2			52,8			39,9				

Часто встречаются вдавления овальной (Рис. 16, 2, 3, 5) или вытянуто-приостренной формы (Рис. 13, 5, 6). Иногда они имеют каплевидную (Рис. 13, 1, 2, 7) или клиновидную (Рис. 1, 12) форму. Реже встречаются треугольные (Рис. 1, 10) или прямоугольные (Рис. 1, 6) вдавления. В некоторых случаях вдавления значительно удлинены (Рис. 13, 6; 15, 3; 20, 7), что делает их схожими и часто отождествляется исследователями с резной техникой (Ашихмина, Генинг, 1977. С.112, Рис. 7, 2, 8; 9, 1, 3, 4, 12). Однако более тщательное рассмотрение показывает, что они оставлены острым пластинчатым штампом путем его надавливания на сырую глину. Показательно в этом отношении то, что оттиски зубчатого штампа, часто образующие узоры, аналогичные узорам, выполненным вдавлениями, имеют в некоторых случаях переходные формы – очень мелкий «пильчатый» штамп (Рис. 5, 5), что иногда создает определенные трудности в определении техники исполнения узора.

Собственно оттиски зубчатого штампа также разнообразны. Величина размеров зубцов варьирует в довольно широком диапазоне. Количество их также не постоянно. Наибольшее распространение имеют оттиски 3–4-зубого штампа, но встречаются отпечатки, содержа-

щие от одного до семи-восьми зубцов. В плане оттиски зубчатого штампа имеют овальную, вытянуто-приостренную или, реже, прямоугольную форму.

Шнуровые оттиски менее разнообразны. Различаются, в основном, только размеры сечения шнура, которым наносились узоры, и направление (правое и левое) закрученных нитей. В некоторых случаях применялись оттиски шнура, накрученного на палочку (Рис. 9, 4; 20, 5).

Очень редко применявшийся в ананьинскую эпоху на посуде прочерченно-резной орнамент наносился движением острого предмета по сырой глине, оставлявшего характерные следы в виде штрихов, расположенных параллельно движению реза.

Вдавления обычно использовались для нанесения узора в виде вертикального зигзага (Рис. 17, 3), елочки (Рис. 12, 2; 13, 5, 6) или столбиков (Рис. 12, 3; 16, 1–3). Иногда они бессистемно заполняют орнаментальное поле (Рис. 13, 1, 2; 15, 6).

Оттиски зубчатого штампа почти полностью повторяют узоры, выполненные вдавлениями (Рис. 12, 1; 18, 1, 2). Отмечены также узоры в виде горизонтального зигзага (Рис. 10, 3, 5).

Элементы узоров, выполненных оттисками шнура, довольно разнообразны, но абсолютно

Таблица 13.

Городище Гремячий Ключ. Оформление шейки и венчика по слоям, (%).

Венчик, шейка	Форма венчика и орнамент						Оформление шейки			Кол-во сосудов
	плоский	округлый	острый	скошен внутри	Г-образ.	орнамент	воротничок	валик	вазообразная	
Слой										
На площадке	44,2	41,8	1,9	–	12,1	13,5	5,5	–	0,6	712
Под насыпью вала	36,8	51,1	–	1,8	5,3	7,0	–	–	3,5	57
Всего:	43,8	42,9	1,8	0,1	11,4	13,0	5,1	–	0,8	769

Таблица 14.

Городище Гремячий Ключ. Степень орнаментированности сосудов по слоям, (%).

Орнамент Слой	Шейка	Шейка+Плечико	Плечико
На площадке	74,5	23,3	2,2
Под насыпью вала	96,2	3,8	–
Всего:	75,8	22,1	2,1

Таблица 15.

Городище Гремячий Ключ. Техника орнаментации на сосудах, по слоям, (%).

Орнамент Слой	Ямка	Вдавления	Шнур	Зуб.штамп	Прочерч. волна	Кол-во сосудов
На площадке	92,4	25,9	21,3	13,3	0,4	712
Под насыпью вала	98,2	29,8	22,8	8,8	–	57
Всего:	92,8	26,2	17,5	13,0	0,1	769

Таблица 16.

**Городище Гремячий Ключ. Взаимовстречаемость
технических приемов орнаментации на посуде, по слоям, (%).**

Слой Орнамент	На площадке	Под насыпью вала	Всего
Ямка	38,5	36,8	38,3
Ямка+вдавления	22,1	29,8	22,6
Ямка+шнур	17,3	22,8	17,6
Ямка+зуб.штамп	10,7	8,8	10,5
Вдавления	1,8	–	1,6
Ямка+вдавления+шнур	1,7	–	1,5
Ямка+зуб.штамп+шнур	1,7	–	1,5
Зуб.штамп	0,7	–	0,6
Шнур	0,4	–	0,3
Вдавления+шнур	0,1	–	0,1
Вдавления+зуб.штамп	0,1	–	0,1
Ямка+вдавления+зуб.штамп+шнур	0,1	–	0,1
Ямка+прочерч.волна	0,3	–	0,2
Прочерч.волна	0,1	–	0,1
Без орнамента	4,4	–	4,1
Кол-во сосудов	712	57	769

преобладают горизонтальные линии, нанесенные разреженно (Рис. 3, 2; 6, 4, 5) или сгруппированные по 2–4 и более (Рис. 3, 6; 10, 1–5). Очень редко встречаются наклонные (Рис. 3, 3, 7), перекрещивающиеся (Рис. 3, 9; 13, 3) и волнистые (Рис. 3, 7) линии, зигзаг (Рис. 3, 4; 6, 3), взаимопроникающие треугольники (Рис. 3, 8; 8, 5). Единичны узоры в виде горизонтальной елочка (Рис. 8, 11; 9, 8), вертикального зигзага (Рис. 9, 3), набегающей спирали (Рис. 3, 11–15; 19, 1).

Особую категорию в орнаментации представляют глубокие ямочные вдавления, сопровождающиеся «жемчужинами» на внутренней стороне сосудов. Обычно они сопровождают основной узор, выполненный вдавлениями, оттисками шнура и зубчатого штампа и расположены, как пра-

вило, совершенно независимо от него. Ямки имеют различную форму, но чаще всего они круглые (табл. 8). Нет однообразия и в их размещении, однако большая часть располагается равномерно пояском в основании шейки (Рис. 1–20). Обращает на себя внимание тот факт, что сосуды, украшенные только ямками, без сопровождающего узора, составляют самый большой процент керамики Нижнего Прикамья (40,1%).

Выше приводились средние цифры, дающие представление о посуде Нижнего Прикамья в целом (табл. 1–11). Однако более длительное исследование отдельных комплексов дает возможность выявить их локальное и хронологическое своеобразие.

2.2. Об особенностях развития керамики памятников Нижней Камы

В результате проведенных за последнее время работ появилась возможность выделить керамические комплексы, характеризующие узкие хронологические периоды, и, соответственно, выявить наиболее характерные для посуды этих периодов признаки.

К наиболее чистым комплексам с достоверностью могут быть отнесены материалы, происходящие из слоя, расположенного под насыпью вала. Оказавшись «законсервированными» после постройки вала, культурные остатки догородищенского поселения были защищены от более поздних перекопов и распашки и могут рассматриваться как наиболее ранние. Такие материалы были получены при исследовании насыпей валов на городищах Черепашье и Гремячий Ключ (Марков, 1981. С.140; 1983. С.160–161;

1984. С.158–159; 1987). Ранний комплекс последнего представлен 57 фрагментами верхних частей сосудов. Для него характерно преобладание сосудов II типа (56,1%). Несколько меньше сосудов с отогнутой шейкой, относящихся к III типу (35,1%). Сосуды с сужающейся шейкой составляют 8,8%. Заметно выделяется ранняя посуда высотой горловины. Здесь мало сосудов с низкими шейками (24,8%) и значительно выше удельный вес сосудов с шейками средней высоты (64,9%). Высокие шейки составляют 10,5% (табл. 12).

Среди фрагментов, у которых сохранились плечики, преобладают сосуды с раздутым туловом (Рис. 1, 8). В большинстве случаев был отмечен плавный переход от шейки к тулову, но встречаются сосуды и с крутым переломом у

основания шейки (Рис. 1, 7). Края венчиков преимущественно имеют закругленную форму (56,1%). Значительно реже встречаются плоские венчики (36,8%). Остальные формы встречаются единично (табл. 13). Орнаментировались края венчиков редко (7,0%). У 3,5% сосудов отмечена выгнутая наружу вазообразная форма горла (Рис. 1, 7).

Почти все фрагменты орнаментированы только по шейке. Лишь у одного фрагмента узор спускается на плечики, а еще один не имеет орнамента (табл. 14). Вдавления, образующие столбики, вертикальную елочку и, реже, расположенные бессистемно, отмечены на 29,8% сосудов.

Оттисками шнура, украшавшего 22,8% сосудов, в большинстве случаев выполнены редкие горизонтальные линии, нанесенные часто очень небрежно. Из других элементов имеются наклонные и перекрещивающиеся линии. На одном сосуде отмечена набегающая спираль, а на другом оттиски шнура образуют фестоны (Рис. 6, 1, 2, 4, 5). Отпечатки зубчатого штампа имеются только на 8,8% сосудов. Они полностью повторяют узоры, выполненные вдавлениями. Своеобразной особенностью анализируемого комплекса является то, что сосуды, украшенные только ямками, составляют самый большой процент (табл. 15).

Таким образом, можно утверждать, что для наиболее ранней посуды характерны относительно высокие прямые шейки и раздутое тулово. Это наряду с тенденцией украшать только шейки сосудов сближает ее с предшествующей маклашевской посудой. Показательно, что многие сосуды формой и орнаментацией (Рис. 1, 8, 11) полностью аналогичны сосуду из погребения 12А Маклашевского II могильника (Халиков, 1980. Табл. 32, 5; 60, 151). Одной из характерных особенностей ранней посуды является полное отсутствие узоров из сдвоенных и строенных шнуровых горизонтальных линий и узоров, выполненных смешанной техникой (табл. 11, 16).

Характеристика, полученная для посуды городища Гремячий Ключ, происходящей из слоя под насыпью вала, очевидно, может быть распространена на всю раннюю посуду Нижнего Прикамья. Очень близка ей характеристика показателей керамики из слоя под насыпью вала на городище Черепашье, где она залегает совместно с керамикой маклашевского облика. Полностью аналогичны ей материалы Именьковского и Нижнеуслонского поселений, а также наиболее поздние материалы Казанской стоянки, основная часть которых относится к концу эпохи бронзы. Признаки, характерные для ранней посуды, прослеживаются в материалах и других памятников (Курган, I Троицко-Урайс-

кое и др.). Однако они, к сожалению, не выделяются стратиграфически.

Материалы основного слоя городища Гремячий Ключ в целом можно рассматривать как более поздние, поскольку после постройки вала оно продолжало функционировать еще длительное время. Отобранные для анализа фрагменты представлены довольно многочисленной серией (712 экз.).

Более половины всех сосудов относится ко II типу (52,5%), несколько меньше – к III типу (40,3%). Сосуды, относящиеся к I типу, встречаются очень редко (2,8%) и несколько больше непрофилированных сосудов IV типа (4,4%). По высоте горловины преобладают разновидности Б – 45,6%, к разновидности А относится 39,6% и к разновидности В – 10,4% всех сосудов (табл. 12).

Для характеристики высоты и выпуклости плечика посуды городища была возможность использовать 265 крупных фрагментов. Наиболее характерны для нее низкие и средней высоты плечики (соответственно 37% и 53,2%) при их слабой и средней выпуклости (57% и 39,6%). Сосуды с высокими и сильно выпуклыми плечиками встречаются значительно реже (табл. 2).

Оформление края венчика проводилось различными способами. Преимущественно встречаются плоские (42,7%) и округлые (41,9%) венчики. Значительно реже венчики имеют Г-образную и приостренную форму. Единично встречаются венчики, скошенные внутрь (табл. 13). Орнаментировались края венчиков редко (13,5%), причем чаще украшались плоские венчики.

Очень немногочисленны (5,5%) сосуды, имеющие чуть намеченный воротничок, образованный путем придавливания глины под основанием шейки (Рис. 1, 3, табл. 13).

Отмечено также несколько сосудов (0,6%), имеющих выгнутую вазообразную форму горла (Рис. 1, 6, 7; табл. 13).

Большая часть посуды была орнаментирована (табл. 14). Узоры наносились преимущественно на шейках сосудов (74,5%). Украшались шейки и плечики (23,3%). Сосудов, украшенных только по плечикам, очень мало (2,2%). Также редко встречается неорнаментированная посуда, причем большей частью орнамент отсутствовал на сосудах IV типа.

Украшалась посуда преимущественно вдавлениями и оттисками шнура и зубчатого штампа. В единичных случаях сосуды украшались волнистой прочерченной линией или змеевидными оттисками (табл. 9–11, 15, 16). В подавляющем большинстве все узоры сопровождалось глубокими ямочными вдавлениями, расположенными обычно пояском в основании шейки. Форма ямок самая разнообразная, но чаще всего

круглая (табл. 8). Круглые ямки иногда сгруппированы по 2–3 (Рис. 12, 3; 13, 1) или образуют треугольники вершиной вниз (Рис. 16, 3; 17, 6). На двух сосудах круглые ямки идут в два ряда (Рис. 1, 5), а на одном образуют вытянутые горизонтальные ромбы (Рис. 1, 2). Среди прочих чаще встречаются ямки, имеющие овальную или вытянуто-приостренную форму (Рис. 3, 1, 5). Остальные формы ямок встречаются редко (табл. 8). На всех сосудах с внутренней стороны на месте вдавления ямок образовались «жемчужины». В одном случае они находились на внешней стороне сосуда, поскольку ямки были вдавлены на внутренней (Рис. 2, 9). Примечательно то, что сосуды, украшенные только ямками, по-прежнему составляют самый большой процент (38,5%).

Наиболее часто при нанесении основного узора использовались вдавления. Ими украшено 25,9% всей посуды. Несколько меньше сосудов, украшенных отпечатками шнура (21,3%), и 13,3% сосудов имеют орнамент, выполненный отпечатками зубчатого штампа (табл. 15).

Вдавления обычно располагаются на шейках и очень редко спускаются на плечики, образуя столбики (Рис. 1, 9, 10) или вертикальную елочку (Рис. 2, 2). Встречаются также сосуды, украшенные вдавлениями, бессистемно заполняющими орнаментальное поле (Рис. 2, 3). Отличается своеобразием узор одного сосуда, украшенного вдавлениями, спускающимися на его плечики в виде фартучков (Рис. 2, 4). Очень редко вдавления сочетаются с отпечатками шнура и еще реже – с отпечатками зубчатого штампа (табл. 16).

Шнуровые оттиски чаще всего использовались при нанесении многорядных горизонтальных линий. Сдвоенные или строенные оттиски шнура, расположенные параллельными рядами (Рис. 3, 6), встречаются очень редко. На двух сосудах сдвоенным шнуром оттиснута волнообразная линия (Рис. 3, 7). Также редко встречаются сосуды, украшенные параллельными рядами строенных шнуровых линий, причем они всегда наносились в сочетании или с вдавлениями или с короткими отпечатками зубчатого штампа, поставленными наклонно между рядами (Рис. 2, 11). Оттисками шнура образованы также узоры из наклонных (Рис. 3, 3) или перекрещивающихся (Рис. 3, 9) линий. Встречается зигзаг (Рис. 3, 4) и взаимопроникающие треугольники (Рис. 3, 8). В большинстве случаев они окаймлены сверху и снизу одиночными горизонтальными оттисками шнура. Иногда вертикальные или наклонные оттиски шнура наносились на горизонтальные, образуя решетку (Рис. 3, 1, 5). На нескольких сосудах отмечен узор в виде фестонов (Рис. 3, 10). Оригинален узор, выполненный шнуровыми оттисками, образующими набегающую спираль (Рис. 3, 11). Судя по отдельным фрагментам, подобный узор имеется не менее чем на шести различных сосудах (Рис. 3, 12–15).

Зубчатый штамп, использовавшийся относительно редко при нанесении орнамента, в большинстве случаев композиционно повторяет узор, выполненный вдавлениями. Это вертикальная елочка (Рис. 2, 5) и столбики поставленных наклонно или горизонтально оттисков зубчатого штампа (Рис. 2, 6, 7). Редко встречаются сосуды, украшенные зубчатым штампом, образуя-

Таблица 17.

Городище Сорочьи Горы. Распределение форм сосудов по горизонтам, (%)

Тип Горизонт	I			II			III			IV	Кол-во сосудов
	A	B	B	A	B	B	A	B	B		
Верхний	3,3	0,6	1,3	25,3	30,6	3,3	15,3	16,0	–	4,0	150
Нижний	5,0	5,0	–	26,6	38,3	–	6,6	15,0	1,6	1,6	60
Всего:	3,8	1,9	0,9	25,8	32,9	2,4	12,8	15,8	0,4	3,3	210
	6,6			60,9			29,2				

Таблица 18.

Городище Сорочьи Горы. Оформление шейки и венчика по горизонтам, (%)

Венчик Шейка	Форма венчика и орнамент						Оформление шейки			Кол-во сосудов
	плоский	округлый	острый	скошен внутрь	Г-образный	орнамент	воротничок	валик	вазообразная	
Горизонт										
Верхний	60,1	34,4	5,5	–	–	23,3	5,3	4,0	1,6	150
Нижний	35,9	64,1	–	–	–	17,3	6,6	–	3,3	60
Всего	53,3	42,9	3,8	–	–	19,1	5,7	2,9	2,9	210

щим сплошную линию (Рис. 24, 3), горизонтальную елочку (Рис. 2, 8), вертикальный зигзаг (Рис. 2, 10) и косую решетку (Рис. 2, 9). На одном фрагменте наклонными оттисками зубчатого штампа была украшена внутренняя поверхность сосуда (Рис. 2, 11). Интерес представляет также фрагмент одного сосуда, у которого орнаментальную зону завершают образованные парными оттисками зубчатого штампа фестоны (Рис. 2, 12). Свообразием отличаются оттиски зубчатого штампа, заполняющие свободное пространство между сдвоенными и строеными оттисками шнура (Рис. 2, 11).

Из всей массы посуды выделяются три сосуда, украшенные нехарактерным для Нижнего Прикамья техническим приемом – прочерченной волнистой линией (Рис. 30, 5–7).

Сравнение керамики основного слоя городища Гремячий Ключ с керамическим комплексом из слоя под насыпью вала показывает, что с течением времени в изготовлении форм сосудов прослеживается тенденция к понижению высоты шейки и увеличению ее отогнутости. Плечики становятся менее выпуклыми. В орнаментации следует отметить появление сдвоенных и

строенных шнуровых линий, которые совершенно отсутствуют на керамике из слоя под насыпью вала. Примечательно, что аналогичная картина была прослежена и Г.Р.Ишмуратовой, исследовавшей керамику из раскопок этого памятника 1967 г. (1971. С.72). Как новое в орнаментации следует считать появление узоров, выполненных различной техникой (табл. 16). Повышается и степень орнаментированности посуды. Если в раннем комплексе сосуда, имеющие орнамент по плечикам, почти отсутствуют, то в более позднем они составляют 25,5% (табл. 14).

Почти все указанные моменты развития керамики Гремячего Ключа в форме и орнаментации характерны и для керамики расположенного поблизости городища Сорочьи Горы, слой которого стратиграфически расчленяется на нижний (ранний) и верхний (поздний) горизонты (Марков, 1984а). Сопоставление гремячеключинских и сорочьегорских материалов показывает, что наиболее близки между собой, особенно в орнаментации, комплексы основного слоя городища Гремячий Ключ и нижнего горизонта городища Сорочьи Горы, что позволяет считать их синхронными (табл. 12–21). Соответственно материалы

Таблица 19.

Городище Сорочьи Горы. Степень орнаментированности сосудов, по горизонтам, (%).

Орнамент Горизонт	Шейка	Шейка+Плечико	Плечико
Верхний	31,4	62,8	5,8
Нижний	61,6	35,9	2,5
Всего:	33,3	61,7	5,0

Таблица 20.

Городище Сорочьи Горы. Техника орнаментации на сосудах, по горизонтам, (%).

Орнамент Горизонт	Ямка	Шнур	Вдавления	Зубштамп	Без орнамента	Кол-во сосудов
Верхний	96,6	44,0	17,3	15,3	2,0	150
Нижний	98,3	25,0	25,0	13,3	1,6	60
Всего:	97,1	38,5	19,0	15,2	1,8	210

Таблица 21.

Городище Сорочьи Горы. Взаимовстречаемость технических приемов орнаментации на сосудах, по горизонтам, (%).

Горизонт Орнамент	Нижний	Верхний	Всего:
Ямка	35,0	29,3	31,0
Ямка+шнур	25,0	36,0	32,0
Ямка+вдавления	25,0	15,3	18,6
Ямка+зуб.штамп	13,3	8,6	10,0
Ямка+шнур+зуб.штамп	–	5,3	3,6
Ямка+шнур+вдавления	–	2,0	1,4
Шнур+зуб.штамп	–	0,6	0,4
Зуб.штамп	–	0,6	0,4
Без орнамента	1,6	2,0	1,1
Кол-во сосудов	60	150	210

верхнего горизонта слоя городища Сорочьи Горы по отношению к ним являются более поздними.

Для нижнего горизонта преобладающим является II тип сосудов (65%). Значительно меньше сосудов III типа (23,3%). Сосуды с сужающимся горлом, относящиеся к I типу, составляют только 10% (табл. 17). Приблизительно такое же соотношение типов керамики наблюдается и в верхнем горизонте, но здесь несколько меньше сосудов II типа (59,3%). Меньше здесь и сосудов, относящихся к I типу (5,3%). Число же сосудов, относящихся к III типу, значительно возрастает (31,3%). Очень редки сосуды, относящиеся к IV типу, как в верхнем, так и в нижнем горизонте (соответственно 4,1 и 1,7%).

Выделяющиеся по указателям высоты шейки разновидности распределяются следующим образом. В нижнем горизонте значительно преобладают сосуды разновидности Б (58,3%). Сосуды разновидности А составляют 38,3%. Верхний же горизонт почти поровну содержит сосуды как с низкими, так и со средневысокими горловинами (соответственно 44% и 46%). Сосуды с высокими горловинами мало характерны для выделенных комплексов. Верхний горизонт дал 4,6% таких сосудов, а нижний – только 1,7%.

Суммарная характеристика всех указателей формы показывает, что от нижнего к верхнему горизонту прослеживается тенденция к понижению высоты горла и плечика, некоторому увеличению отогнутости горла и уменьшению выпуклости плечика.

По оформлению края выделяются венчики трех типов: плоские, округлые и приостренные. В нижнем горизонте отмечены только плоские и округлые, причем последние значительно преобладают (64,1%). Верхний горизонт, напротив, дает сосуды с преобладанием плоских венчиков (60,1%). Закругленная форма здесь отмечена у 34,3% венчиков, и незначительное их число имеет приостренную форму (5,6%). Края венчиков, чаще плоских, иногда орнаментировались. В нижнем горизонте их 17,3%, в верхнем – 23,3% (табл. 18).

Сосуды, имеющие «воротничок», немногочисленны. На керамике Сорочьих Гор он такой же невыразительный, как и на посуде городища Гремячий Ключ (Рис. 4, 5; 7, 2). В нижнем горизонте он отмечен на 6,6% сосудов, а в верхнем – на 5,3%. Некоторые шейки сосудов верхнего горизонта были украшены также налепными валиками (4%), (Рис. 10, 4).

За редким исключением, все сосуды были орнаментированы. В нижнем горизонте преобладают сосуды, украшенные только по шейкам (61,6%). Меньше сосудов с декором по шейке и плечу (35,9%). Сосуды, украшенные только по

плечу, редки (2,2%). Значительно меняется размещение орнаментальных зон на посуде верхнего горизонта. Резко сокращается число сосудов, украшенных только по шейке (31,4%) и также резко увеличивается число сосудов с узором по шейке и плечу (62,8%). Сосуды с декором только по плечу составляют 5,8% (табл. 19).

Узоры на сорочьегорской керамике выполнялись вдавлениями, оттисками шнура и зубчатого штампа. Почти все узоры сопровождалось глубокими ямочными вдавлениями, расположенными в большинстве случаев пояском в основании шейки. Иногда они сгруппированы по 2–4 (Рис. 4, 2; 5, 5). На ряде фрагментов ямки размещены в шахматном порядке (Рис. 7, 3), или, расположенные в два ряда, образуют группы на 6–8 ямок (Рис. 8, 9). Преимущественно ямки имеют округлую в плане форму, но встречаются и другие формы (табл. 8). В верхнем горизонте отмечено несколько сосудов с «глазчатями» ямками (Рис. 10, 1). На одном из сосудов верхнего горизонта ямки заключены в окружности (Рис. 8, 3).

Наиболее часто при нанесении узоров на посуде нижнего горизонта использовались вдавления и оттиски шнура (по 25%). В керамике же верхнего горизонта узоры, выполненные в шнуровой технике, начинают резко преобладать (44,4%), тогда как доля сосудов, украшенных вдавлениями, сокращается до 17,3%. Наблюдается некоторое увеличение числа сосудов, орнаментированных зубчатым штампом (табл. 20, 21).

Композиционно узоры на сорочьегорской керамике разнообразны (табл. 9–11). Среди узоров, выполненных оттисками шнура, преобладают горизонтальные линии. На керамике нижнего горизонта чаще встречаются многочисленные разреженные линии, нанесенные часто очень небрежно по шейке или по шейке и плечикам (Рис. 6, 4, 5). На керамике верхнего горизонта наиболее употребительными становятся двоянные или строенные оттиски шнура, расположенные строгими параллельными рядами через определенные интервалы (Рис. 8, 8; 9, 5).

Отмечено также несколько сосудов с горизонтальными оттисками многорядного шнура, нити которого через одну были закручены в разные стороны, отчего образованные ими пары напоминают косичку (Рис. 10, 6).

Следует отметить, что именно на этих фрагментах имеются налепные валики у края шейки. Значительно реже встречаются шнуровые оттиски в виде наклонных (Рис. 8, 10; 9, 6) или перекрещивающихся (Рис. 6, 1; 8, 4, 11) линий, горизонтальной елочкой (Рис. 8, 11; 9, 8), зигзага (Рис. 6, 2, 3). Так же редко встречаются фрагменты с горизонтальными оттисками шнура,

накрученного на палочку (Рис. 9, 4) и один фрагмент орнаментирован оттисками шнура, накрученного на конец круглой палочки, оставившего своеобразные узоры в виде завитков (Рис. 6, 1). Отмечен также узор в виде вертикальных зигзагообразных линий, выполненных сдвоенными оттисками шнура (Рис. 9, 3).

Зубчатым штампом наносились преимущественно короткие наклонные оттиски (Рис. 5, 3). На керамике верхнего горизонта они в большинстве случаев были оконтурены горизонтальными сдвоенными или строенными шнуровыми линиями (Рис. 10, 1, 2), тогда как на керамике нижнего горизонта подобные сочетания отмечены не были. Не были встречены в нижнем горизонте и сосуды, украшенные горизонтальным зигзагом, выполненным зубчатым штампом. Верхний же горизонт содержит их очень много (Рис. 10, 3, 4), причем они также обычно находятся в сочетании со сдвоенными или строенными шнуровыми линиями.

Единично среди сорочьегогорской керамики встречены фрагменты, украшенные отпечатками зубчатого штампа, образующими горизонтальную елочку (Рис. 5, 2), вертикальный зигзаг (Рис. 7, 6) и крестообразные узоры (Рис. 5, 1).

Орнамент, нанесенный вдавлениями, обычно располагается на шейках сосудов и редко опускается на плечики. Чаще вдавления в виде вертикальной елочки (Рис. 4, 2) или поставленные наклонно образуют вертикальные столбики (Рис. 4, 1; 7, 2, 5). Последние более характерны для керамики верхнего горизонта, тогда как елочкой чаще украшены сосуды нижнего. Иногда встречаются сосуды с вдавлениями, бессистемно заполняющими орнаментальное поле (Рис. 4, 4, 5).

Для вдавлений нехарактерны сочетания с гребенчатой и шнуровой техникой. Лишь на двух сосудах из верхнего горизонта отмечены вертикальные столбики овальных вдавлений на шейке в сочетании с горизонтальными шнуровыми линиями в ее основании (Рис. 9, 1, 2) и на одном сосуде вдавления бахромкой окаймляют снизу заполненную горизонтальными шнуровыми линиями орнаментальную зону (Рис. 9, 5).

Таким образом, керамические материалы некоторых поселений Нижнего Прикамья дают возможность установить последовательность в их развитии.

Приведем суммарную характеристику развития нижекамской посуды. Самые ранние материалы наиболее полно представлены керамическим комплексом, происходящим из слоя под насыпью вала на городище Гремячий Ключ. Для него характерно преобладание сосудов с относительно высокой цилиндрической горлови-

ной, довольно резко переходящей в тулово с выпуклыми плечиками, и которые можно характеризовать как круглодонные горшки. Орнамент в абсолютном большинстве случаев располагается только на шейках. Сосуды, украшенные только ямками, составляют 36,8%, в сочетании с вдавлениями – 29,8%, оттисками шнура – 22,8% и оттисками зубчатого штампа – 8,8%.

Керамика, происходящая из основного слоя городища Гремячий Ключ и нижнего горизонта слоя городища Сорочьи Горы, характеризуется более плавным переходным от шейки к тулову, менее высокой и сильнее отогнутой горловиной. Плечики становятся менее выпуклыми. Однако в целом процент сосудов с высокими цилиндрическими горловинами по-прежнему значителен. Так же как и на ранней посуде преимущественно украшались шейки сосудов. Увеличивается процент сосудов, украшенных узором по плечикам. Почти на прежнем уровне сохраняется взаимовстречаемость и употребление технических приемов нанесения орнамента. По-прежнему самый высокий процент составляют сосуды, украшенные только пояском круглых ямок с «жемчужинами» (табл. 16, 28).

Наиболее позднюю керамику Нижнего Прикамья представляют материалы верхнего горизонта городища Сорочьи Горы. Для нее характерны еще меньший процент цилиндрических, высокогорлых сосудов и увеличение удельного веса сосудов с низкими отогнутыми шейками и слабовыпуклыми плечиками, что позволяет рассматривать их как чашевидные.

При нанесении орнамента на поздней посуде использовались те же самые технические приемы. Однако происходит значительное перераспределение их удельного веса (табл. 9–18, 20). Наибольшее предпочтение при орнаментации сосудов отдавалось оттискам шнура (44%). Вдавлениями украшено только 17% посуды, зубчатым штампом – 15,3%. По-прежнему велик, но несколько сокращается процент сосудов, декорированных только глубокой ямкой (29,3%).

Следует отметить и изменения в характере орнаментальных мотивов. Они коснулись, прежде всего, узоров, выполненных оттисками шнура. На ранней посуде встречаются исключительно горизонтальные многорядные оттиски шнуровых линий, часто нанесенные очень разреженно, небрежно (Рис. 6, 4, 5). Значительно реже встречаются наклонные, перекрещивающиеся линии, горизонтальный зигзаг или взаимопроникающие треугольники, оконтуренные одиночными горизонтальными линиями. На поздней посуде среди шнуровых узоров начинают абсолютно преобладать сдвоенные и строенные линии, нанесенные на определенном расстоянии друг

Таблица 22.

**Городище Черепашье и Сухой Берсут.
Распределение форм осудов по типологическим группам, (%).**

Памятник	Тип Группа	I			II			III			IV	Кол-во сосудов
		A	Б	В	A	Б	В	A	Б	В		
Черепашье	1	–	0,7	–	16,9	36,9	6,9	14,7	21,6	1,6	0,7	130
	2	–	–	–	33,3	39,2	–	9,0	10,5	1,5	6,5	66
	3	–	–	–	18,8	43,7	12,5	12,5	12,5	–	–	16
Сухой Берсут	1	–	–	–	25,0	28,2	18,7	12,5	15,6	–	–	32
	2	–	–	–	16,1	25,8	–	29,0	22,5	–	6,4	31
	3	–	–	–	16,7	50,0	–	5,5	27,8	–	–	18

Таблица 23.

**Городища Черепашье и Сухой Берсут.
Оформление шейки и венчика на сосудах, по типологическим группам, (%).**

Памятник	Группа	Форма венчика и орнамент					Оформление шейки			Кол-во сосудов
		плоский	округлый	острый	скошен внутри	орнамент	воротничок	валик	вазообразная	
Черепашье	1	55,3	43,2	1,5	–	11,5	–	–	–	130
	2	56,1	43,9	–	–	28,7	–	3,1	3,1	66
	3	62,5	37,5	–	–	6,2	6,2	–	–	16
Сухой Берсут	1	75,0	18,7	–	6,3	31,3	3,1	–	–	32
	2	55,2	44,8	–	–	13,8	6,9	24,1	–	31
	3	72,2	27,8	–	–	44,4	5,6	–	–	18

Таблица 24.

**Городища Черепашье и Сухой Берсут.
Степень орнаментированности сосудов, по типологическим группам, (%).**

Памятник	Орнамент Группа	Шейка	Шейка+плечико	Плечико
Черепашье	1	52,2	44,9	2,9
	2	5,0	93,4	1,6
	3	6,2	93,8	–
	Всего:	26,7	76,2	2,1
Сухой Берсут	1	57,9	42,1	–
	2	–	100,0	–
	3	5,5	94,5	–
	Всего:	19,1	80,9	–

Таблица 25.

**Городища Черепашье и Сухой Берсут.
Техника орнаментации сосудов, по типологическим группам, (%).**

Памятник	Черепашье			Сухой Берсут				
	1	2	3		1	2	3	
Ямка	98,4	96,9	100,0	98,1	100,0	93,2	100,0	97,5
Вдавления	25,4	19,6	–	16,9	28,1	3,2	–	12,3
Шнур	8,5	87,8	–	32,5	9,3	74,1	–	32,0
Зуб.штамп	17,7	69,6	100,0	40,1	18,7	58,1	88,8	49,4
Прокат.зуб.штамп	–	3,2	–	0,9	–	–	5,6	1,2
Крест.штамп	–	1,5	–	0,4	–	–	–	–
Прочерч.волна	–	–	–	–	–	–	5,6	1,2
Не орнам.	1,5	3,2	–	1,8	–	6,4	–	2,4
Кол-во сосудов	130	66	16	212	32	31	18	81

Таблица 26.

Городища Черепашье и Сухой Берсут. Взаимовстречаемость технических приемов орнаментации на сосудах, по технологическим группам, (%).

Памятник Группа Орнамент	Черепашье			Сухой Берсут		
	1	2	3	1	2	3
Ямка	46,9	1,5	–	43,7	9,5	–
Ямка + вдавления	25,4	–	–	28,2	–	–
Ямка + шнур	8,5	16,6	–	9,4	19,8	–
Ямка + зуб.штамп	17,7	7,5	100,0	18,7	6,4	88,8
Ямка + шнур + зуб.штамп	–	46,9	–	–	51,5	–
Ямка + шнур + вдавления	–	19,6	–	–	3,2	–
Шнур	–	–	–	–	3,2	–
Ямка + прокат. зуб.штамп	–	–	–	–	–	5,6
Ямка + прочерч. волна	–	–	–	–	–	5,6
Ямка + шнур + прокат. зуб. штамп	–	3,2	–	–	–	–
Ямка + шнур + крест.штамп	–	1,5	–	–	–	–
Без орнамента	1,5	3,2	–	–	6,4	–
Кол-во сосудов	130	66	16	32	31	18

Таблица 27.

Вятские городища. Типология форм сосудов, (%).

Тип Городище	I			II			III			IV	Кол-во сосудов
	A	B	B	A	B	B	A	B	B		
Ройский Шихан	–	–	–	16,2	29,8	4,8	22,6	24,2	0,8	1,6	124
Белоглазовское	0,4	–	–	36,8	23,7	4,3	22,3	11,6	0,2	–	206
Аргыжское	1,1	1,5	–	13,1	29,2	4,1	16,2	25,0	5,2	4,6	192

Таблица 28.

Вятские городища. Оформление венчика и шейки, (%).

Венчик, шейка Городище	Форма венчика и орнамент				Форма шейки		Кол-во сосудов
	плоский	округлый	острый	орнамент	воротничок	валик	
Ройский Шихан	50,8	48,6	0,8	4,1	0,8	12,1	124
Белоглазовское	53,4	39,9	6,7	16,5	6,3	60,6	206
Аргыжское	55,2	44,8	–	8,8	7,2	30,1	192

от друга (Рис. 8, 8; 10, 3). Свободные зоны между ними нередко заполняются косыми оттисками зубчатого штампа (Рис. 10, 1–5). Сосуды же, украшенные многорядным шнуром, характерным для раннего периода, встречаются значительно реже (табл. 11).

Прослеживается также тенденция к значительному увеличению степени орнаментированности на поздней посуде (табл. 14, 19). И еще как особенность можно отметить появление и возрастание в орнаментации сочетаний трех или даже четырех технических приемов ее нанесения, что совершенно не является характерным для ранней посуды (табл. 18, 21).

Анализ керамики Нижнего Прикамья позволяет утверждать, что она обладает своими, присущими только ей особенностями, и критерии, разработанные для развития керамики других областей, не могут служить для нее эталоном (Збруева, 1952. С.66–74; Генинг, Стоянов, 1961. С.80–81;

Халиков, 1977. С.228; Ашихмина, 1985в. С.55–80).

Определение «более или менее низкой чашки» не подходит для нее, поскольку большая часть посуды Нижней Камы имеет форму круглодонных горшков. Сосуды, которые могут быть названы чашевидными, появляются в незначительном количестве только в поздних материалах.

Не прослеживается также на нижнекамской посуде тенденции к обеднению орнаментации. Напротив, она становится гуще и более разнообразной за счет распространения зоны орнамента на плечики и увеличения сочетаний различных технических приемов.

Еще одной из самых характерных черт в орнаментации посуды Нижнего Прикамья является преобладание в самых ранних памятниках сосудов, украшенных только пояском круглых глубоких ямок с «жемчужинами». Количество таких сосудов несколько сокращается на поздней посуде. Напротив, подобная орнаментация ста-

Таблица 29.

Вятские городища. Степень орнаментированности сосудов, (%).

Орнамент Городище	Шейка	Шейка + плечико	Плечико
Ройский Шихан	8,2	90,0	1,8
Белоглазовское	20,8	77,7	1,4
Аргыжское	9,4	79,5	11,1

Таблица 30.

Вятские городища. Техника орнаментации на сосудах, (%).

Орнамент Городище	Ямка	Шнур	Зуб.штамп	вдавления	без.орнам.	Кол-во сосудов
Ройский Шихан	95,2	72,6	49,2	14,5	2,4	124
Белоглазовское	86,9	60,5	32,3	0,9	7,2	206
Аргыжское	83,8	40,1	43,2	2,7	11,9	192

Таблица 31.

Вятские городища. Взаимовстречаемость технических приемов орнаментации на сосудах, (%).

Городище Орнамент	Ройский Шихан	Белоглазовское	Аргыжское
Ямка	6,5	19,5	26,6
Ямка + зуб.штамп	37,1	36,9	16,6
Ямка + шнур	8,1	9,8	15,2
Ямка + шнур + зуб. штамп	29,8	20,4	22,9
Ямка + шнур + вдавления	8,1	–	1,1
Ямка + вдавления	1,6	0,4	1,6
Зуб. штамп	1,6	3,4	3,1
Ямка + вдавл. + зуб. штамп	0,8	–	–
Ямка + вдавл. + шнур + зуб. штамп	3,2	–	–
Вдавления	0,8	0,4	–
Шнур	–	1,9	0,5
Шнур + зуб. штамп	–	–	0,5
Без орнамента	0,8	7,3	11,9
Количество сосудов	124	206	192

новится господствующей на посуде городищ к востоку от устья Вятки, Средней и Верхней Камы, Вятки и Нижней Белой только на поздних этапах их существования (Збруева, 1952. С.66–

74; Черных, 1961. С.160; Генинг, Стоянов, 1961. С.81, Рис. 7, 18; Ашихмина, 1985в. С.55–80). В ранней же керамике памятников этой территории подобная орнаментация почти отсутствует.

2.3. О локальных особенностях нижнекамской керамики

Из общей характеристики керамики Нижнего Прикамья в некоторой степени выбиваются комплексы городищ Черепашье и Сухой Берсут в восточной части региона. Для них характерно повышенное содержание узоров, выполненных зубчатым штампом (соответственно 41,9% и 50,6%). Прочие нижнекамские памятники содержат подобной посуды не более 15–17%.

Следует отметить, что резкое повышение процентного содержания украшенной зубчатым штампом керамики на этих памятниках не является тенденцией увеличения ее удельного веса к востоку по Каме. В расположенных восточнее устья Вятки памятниках ее процент опять значительно сокращается (Збруева, 1940а.

С.109; Кавеев, 1984. С.21; Ашихмина, 1978. Табл. 8), а на памятниках Удмуртского Прикамья она полностью отсутствует (Ашихмина, 1977. С.150, 151; 1978. Табл. 8; Генинг, Стоянов, 1981. С.81). Более близки в этом отношении указанным памятникам материалы вятских городищ ананьинского времени – Ройского Шихана (Архипов, 1962. С.200–203), а также Белоглазовского и Аргыжского, где процентное содержание узоров, выполненных зубчатым штампом, очень высокое (табл. 30).

При более тщательном рассмотрении керамики ананьинского времени городищ Черепашье и Сухой Берсут по технике и характеру орнаментации можно разделить на три группы. Не-

Таблица 32.

Городище Маклашеевское II. Распределение форм сосудов по типологическим группам, (%).

Тип Группа	I			II			III			Кол-во сосудов
	A	Б	В	A	Б	В	A	Б	В	
1a	–	7,1	–	7,1	14,3	35,7	21,5	–	14,3	14
1б	–	5,6	–	16,7	16,7	11,1	22,1	27,8	–	18
II	1,9	–	1,9	23,2	26,9	1,9	9,7	21,1	13,4	52
IIIa	3,9	19,3	3,9	7,7	26,9	15,3	7,7	15,3	–	26
IIIб	2,5	7,5	–	12,5	35,0	2,5	25,0	12,5	2,5	40
Всего	2,0	6,6	1,4	15,4	26,7	8,6	16,0	16,7	6,6	150

Таблица 33.

Городище Маклашеевское II. Оформление шейки и венчика на сосудах, по типологическим группам, (%).

Шейка, венчик	Форма венчика и орнамент					Оформление шейки			Кол-во сосудов
	Группа	плоский	округлый	острый	скошен внутри	орнамент	воротничок	валик	
1a	28,6	28,6	7,1	3,5	55,5	–	–	–	14
1б	25,1	46,8	12,5	15,6	40,6	–	–	–	18
II	63,5	36,5	–	–	57,6	3,8	–	1,9	52
IIIa	65,4	26,9	7,7	–	69,2	–	–	–	26
IIIб	42,5	55,5	2,5	–	60,0	–	–	2,5	40
Всего:	53,3	38,7	4,7	3,3	40,7	1,3	–	1,3	150

Таблица 34.

Городище Маклашеевское II. Степень орнаментированности сосудов, по типологическим группам, (%).

Орнамент Группа	Шейка	Шейка + плечико	Плечико
1a	100,0	–	–
1б	40,0	60,0	–
II	42,5	47,5	10,0
IIIa	56,2	31,3	12,5
IIIб	57,7	38,5	3,8
Всего:	51,2	41,1	7,7

которые отличия, как будет показано ниже, эти группы имеют и по остальным признакам.

Для первой группы характерны узоры в виде столбиков, елочки или зигзага, образованных наклонно поставленными вдавлениями или, реже, оттисками зубчатого штампа (Рис. 20). Шнуровыми оттисками преимущественно нанесены многорядные разреженные линии (Рис. 20, 10). Все эти узоры, как правило, сопровождаются глубокими ямками. Обращает на себя внимание самый большой процент сосудов, украшенных только ямками (табл. 26). Орнаментация этой группы вместе с сопровождающими ее относительно высокорлыми формами сосудов хорошо сопоставима с характеристикой основной массы нижекамской посуды.

Вторая группа керамики имеет более приземистую форму сосудов и отличается более густой орнаментацией, почти всегда покрывающей шейку и плечики (табл. 25). Узоры в большинстве случаев выполнены сдвоенными и строеными оттисками шнура, расположенными на некотором расстоянии друг от друга. Свободное пространство между ними обычно заполнено наклонными оттисками зубчатого штампа (Рис. 21, 22). Нередко шейки этих сосудов дополнительно украшены наклепным валиком или «воротничком» (Рис. 21, 1, 7; 22, 3, 8, табл. 23). Некоторым своеобразием в этой группе отличается и способ оформления ямок, сопровождавших основной узор.

Это использование в сочетании с ямкой полу-

Таблица 35.

**Городище Маклашеевское II. Техника орнаментации на сосудах,
по типологическим группам, (%).**

Орнамент Группа	Ямка	Вдавления	Зуб.штамп	шнур	Кол-во сосудов
1а	100,0	14,2	–	–	14
1б	100,0	27,7	–	–	18
II	100,0	40,3	25,0	13,4	52
IIIа	100,0	53,8	3,8	3,8	26
IIIб	100,0	57,5	5,0	5,0	40
Всего:	100,0	43,3	10,6	6,6	150

Таблица 36.

**Городище Маклашеевское II. Взаимовстречаемость технических приемов
орнаментации на сосудах, по типологическим группам, (%).**

Орнамент Группа	Ямка	Ямка + вдавл.	Ямка + зуб.штамп	Ямка + шнур	Ямка+шнур +зуб.штамп	ямка+шнур +вдавл.	Кол-во сосудов
1а	85,7	14,3	–	–	–	–	14
1б	72,2	27,8	–	–	–	–	18
II	23,1	40,3	23,1	11,6	1,9	–	52
IIIа	38,5	53,9	3,8	3,8	–	–	26
IIIб	35,0	55,0	5,0	2,5	–	2,5	40
Всего:	40,7	42,7	5,4	10,0	0,6	0,6	150

лунных вдавлений, образующих так называемые «глазчатые» ямки (Рис. 21, 1), а также соединение между собой ямок наклонными или горизонтальными оттисками зубчатого штампа (Рис. 22, 4). Значительное число ямок на сосудах этой группы сопровождается «отворотиками» (Рис. 21, 3, 4). Среди нижнекамской посуды к керамике этой группы наибольшую близость проявляют материалы верхнего горизонта городища Сорочьи Горы, но значительно больше сходства обнаруживается при сравнении ее с керамическими комплексами вятских городищ. Для них также наиболее характерными являются узоры из двойных или тройных шнуровых линий, нанесенные через определенные интервалы, заполненные иногда наклонными отпечатками зубчатого штампа (Рис. 25–27). Сходство проявляется и в зонах размещения орнамента (табл. 29), в способе оформления шейки наклепным валиком или «воротничком» (табл. 28) и в оформлении ямок, сопровождающих основной узор (табл. 8). Близко вятскому и распределение удельного веса технических приемов нанесения орнамента и их взаимовстречаемость (табл. 30, 31).

Третья группа керамики в целом очень близка сосудам второй группы по форме и орнаменту. Основное их различие заключается в том, что вместо сдвоенных и строенных шнуровых горизонтальных линий здесь используются горизонтальные же линии, но выполненные зубчатым штампом (Рис. 23, 24). Особенностью ор-

наментации керамики этой группы является соединение круглых ямок, сопровождавших основной узор, горизонтальными оттисками зубчатого штампа (Рис. 24, 4) и наличие наклонных оттисков зубчатого штампа на шейке, нижние концы которых упираются в ямку (Рис. 23, 6). Свообразием отличаются фрагменты, у которых орнаментальную зону завершают заштрихованные треугольники (Рис. 23, 1).

Посуда с подобной орнаментацией встречается крайне редко в Нижнем Прикамье (табл. 8–11) и представлена более или менее значительной серией только на городищах Сухой Берсут и Черепашье. Основные признаки, которые могут характеризовать эту посуду, с наибольшей полнотой представлены в керамических комплексах памятников озьягского (по Г.М.Бурову) этапа лебяжской культуры, расположенных в восточной части Привычегодья, Печорском Приуралье, на Северном Тимане и в верхнем течении Мезени (Канивец, 1974. Рис. 67; Буров, 1983. С.34, Рис. 1; Стоколос, Королев, 1984. С.24). Для них также характерны сосуды, украшенные гребенчатым орнаментом, нанесенным зонально (Рис. 28).

Косые оттиски, будучи чаще всего расположенными между горизонтальными линиями, имеют вместе с ними вид заштрихованных полос. Под венчиком часто проходит ряд наклонных зубчатых оттисков, каждый из которых своим концом сливается с ямкой. В других случаях на фоне ямок тянется горизонтальная гребенчатая линия

(Лузгин, 1967. С.95; Канивец, 1974. С.38; Буров, 1983. С.34). Возможно, с лебяжской керамикой следует связывать и некоторые фрагменты, украшенные прочерченной волнистой линией, происходящие с городища Сухой Берсут и Гремячий Ключ (Рис. 30, 5–7), а также отдельные находки фрагментов с крестовой орнаментацией, обнаруженные на городище Черепашье и поселении Курган (Рис. 30, 1–4). Один из них имеет примесь талька к глиняному тесту (Рис. 30, 1). Но, возможно, эти фрагменты относятся и к более позднему времени, поскольку на двух из них крестовые отпечатки отмечены в сочетании с оттисками строенного шнура (Рис. 30, 2, 4).

Третья группа керамики, по всей вероятности, иллюстрирует проникновение небольшой части лебяжского населения на Нижнюю Каму.

Правомерность выделения указанных групп керамики подтверждается данными стратиграфии и планиграфии городища Черепашье. Керамика лебяжского облика, относящаяся к третьей

группе, была обнаружена только в одном раскопе, в заполнении жилища №1. В других раскопах, несмотря на значительно вскрытую площадь, она не была зафиксирована. Керамика второй группы полностью отсутствует в слое, выявленном под насыпью вала, насыщенного керамикой, относящейся к I группе. В раскопе, заложенном за пределами насыпи вала, была обнаружена преимущественно керамика II (вятской) группы. Сосуды, относящиеся к I группе, здесь встречаются значительно реже и имеют относительно поздний облик – низкие отогнутые шейки и орнамент на плечиках.

Значительным своеобразием отличаются керамические комплексы памятников, расположенных в западных пределах исследуемого региона. Оно проявляется, как уже упоминалось, в наличии двух групп керамики. Одна из них представлена гладкостенной керамикой с примесью толченой раковины в тесте и характеризуется описанными выше признаками нижекам-

Таблица 37.

**Городище Черепашье, жилище №1.
Распределение типологических групп керамики по штыкам, (%).**

Группа Штык	Эпоха бронзы	Эпоха раннего железа		
		1	2	3
	Маклашеевская			
1	5,0	3,0	22,7	–
2	21,0	24,2	22,7	12,5
3	30,0	51,5	40,9	31,2
4	21,0	12,2	9,2	37,6
5	23,0	9,1	4,5	18,7
Кол-во сосудов	100	33	22	16

Таблица 38.

**Поселение Курган и городище Черепашье.
Типология форм сосудов маклашеевского времени, (%).**

Тип Памятник	I			II			III			Кол-во сосудов
	A	B	B	A	B	B	A	B	B	
Курган	0,8	1,6	5,4	1,6	37,9	47,3	–	3,8	1,6	129
Черепашье	–	1,3	0,6	–	19,4	76,8	–	–	1,9	155

Таблица 39.

Поселение Курган и городище Черепашье. Оформление венчика и шейки на сосудах маклашеевского времени, (%).

Венчик, шейка Памятник	Форма венчика и орнамент					Оформление шейки			Кол-во сосудов
	плоский	округлый	острый	скошен внутри	орнамент	воротничок	валик	вазобразная	
Курган	35,6	29,5	6,2	23,7	19,3	3,8	–	36,4	129
Черепашье	43,2	29,6	9,7	17,5	3,8	7,1	–	50,3	155

ской посуды. Другая имеет примесь песка к тесту и нередко «текстильную» обработку поверхности (Рис. 14). Ее истоки, очевидно, следует связывать с населением Волго-Окского бассейна, проникшего на рубеже II–I тыс. до н.э. в Среднее Поволжье (Кузьминых, 1977. С.4), в том числе и в районы Нижнего Прикамья. Участок Средней Волги, расположенный между устьями рек Ветлуги и Казанки следует, очевидно, считать зоной наиболее активных контактов между восточной и западной группами племен. Процентное содержание керамики указанных групп на памятниках этой территории приблизительно одинаковое (Халиков, 1962. С.94, 138; Архипов, Патрушев, 1982. С.53). По мнению С.В.Кузьминых (1977. С.4), здесь идет процесс интенсивного смешения двух культур, который, однако, не дошел до их полной нивелировки.

Южнее Казани процент «текстильной» керамики на поселениях значительно сокращается в пользу «гладкостенной» (Ишмуратова, 1975. С.54). Среди памятников, содержащих обе группы керамики, крайнюю территорию занимают поселения, расположенные на Средней Волге от устья

Камы до устья Майны. Вместе с тем, керамика этих поселений имеет ряд особенностей, отличающих их от памятников Марийского Поволжья.

Наиболее значительная коллекция происходит из раннего слоя II Маклашеевского городища. Наличие разных примесей позволило всю посуду этого памятника разделить на три группы (Рис. 32–36): I – керамика с примесью песка (Рис. 32, 33); II – с примесью толченой раковины (Рис. 34); III – керамика, содержащая в равной степени обе вышеуказанные примеси (Рис. 35, 36). Кроме того, в посуде I и III групп выделяются сосуды: а) с крутым переломом от шейки к тулову (Рис. 32, 35), б) с плавным переходом шейки в тулово (Рис. 33, 36). Проведенный анализ показал, что для каждой из них присущи свои наиболее характерные признаки в форме, технологии изготовления и орнаментации (Марков, 1985. С.42–44). Многие особенности керамики III группы оригинальны и нигде, кроме указанной территории, не встречаются (табл. 8–11, 32–36). Ее наличием и определяется своеобразие этих памятников, отличающим их от памятников Марийского Поволжья.

Таблица 40.

**Поселение Курган и городище Черепашье.
Степень орнаментации сосудов маклашеевского времени, (%).**

Орнамент Памятник	Шейка	Шейка+плечико	Плечико
Курган	97,3	2,7	–
Черепашье	97,7	2,3	–

Таблица 41.

**Поселение Курган и городище Черепашье.
Техника орнаментации на сосудах маклашеевского времени, (%).**

Орнамент Памятник	Ямка	Вдавления	Зуб.штамп	Прочерч.- резной	«жемчужина» снаружи	Кол-во сосудов
Курган	97,6	29,4	32,5	5,4	1,5	129
Черепашье	100,0	36,7	25,8	19,3	–	155

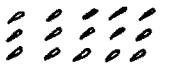





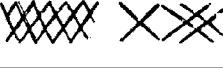


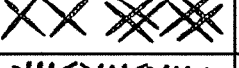

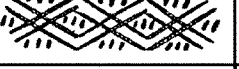
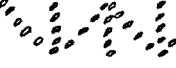


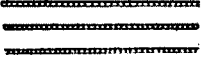

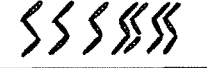

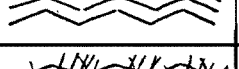
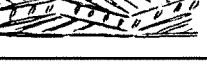
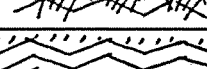


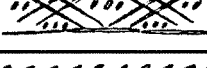
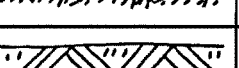
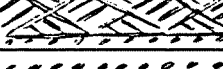
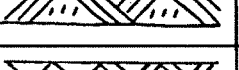
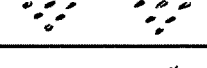
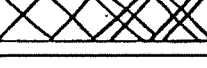
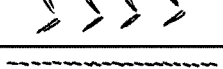

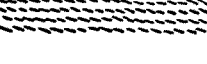


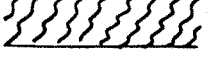
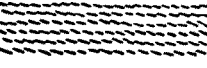
Таблица 42.

Поселение Курган и городище Черепашье. Взаимовстречаемость технических приемов орнаментации на сосудах маклашеевского времени, (%).

Памятник Курган	Курган	Черепашье
Ямка	39,6	17,4
Ямка+вдавления	20,2	36,2
Ямка+зуб.штамп	22,5	19,3
Ямка+прочерч.-резной	4,7	0,7
Ямка+шнур	–	0,7
Прочерченно-резной	0,7	–
Ямка+вдавления+зуб.штамп	9,7	–
Ямка+«жемчужина» снаружи	0,7	–
Ямка+зуб.штамп+«жемчужина» снаружи	0,7	–
Кол-во сосудов	129	155

Таблица 43.

Характеристика узоров на посуде маклашеевского времени поселения Курган и городища Черепашье.

Тех-ника	Орнамент	Памятник		Тех-ника	Орнамент	Памятник	
		Курган	Чере-пашье			Курган	Чере-пашье
Вдавления		4,5	0,6	Зубчатый штамп		12,1	4,5
		5,3	5,1			2,2	2,5
		1,4	8,2			2,3	3,8
		2,3	8,9			5,4	5,8
		-	0,6			3,6	1,2
		-	0,6			2,1	1,9
		-	0,6			-	2,5
		-	0,6			0,7	0,6
		-	3,8			1,5	1,2
		0,7	2,5		Прочерченно-резной		-
		-	1,2			-	0,6
		-	0,6			-	2,5
		1,5	-			-	0,6
		1,5	-			-	0,6
		0,7	-			0,2	5,7
		1,5	-			0,2	1,2
		-	1,2			0,2	3,2
		-	1,2			-	0,6
	Шнур		-				

Судя по полученным характеристикам всех признаков керамики III группы, ее появление следует рассматривать как результат активного взаимодействия традиций изготовления керамики I и II групп, передавших ей все свои наиболее характерные черты (Марков, 1985. С.49).

Определенную близость к керамике III группы проявляет керамика белогорского типа, встречающаяся на памятниках раннего железного века Самарской Луки, на что уже указывалось в литературе (Матвеева, 1975. С.99; 1980. С.15). Вполне вероятно, что формирование керамики III группы отражает одну из стадий сложения племен, оставивших белогорскую группу памятников.

Таким образом, в керамике ананьинского времени Нижнего Прикамья выделяются три ста-

2.4. О происхождении нижнекамской керамики ананьинского времени

Происхождение ананьинских памятников Нижнего Прикамья к настоящему времени представляется достаточно отчетливо. Неоднократно А.Х.Халиковым и рядом других исследователей достаточно убедительно была показана их преемственность от предшествующих маклашеевских (Халиков, 1960. С.164–167; 1967. С.18–28; Халикова, 1967. С.129–132; Старостин, 1967. С.110–115; Ишмуратова, 1967. С.101–109). Ими была показана преемственность в вещевом инвентаре, погребальном обряде, керамике. Это положение не оспаривается и другими исследователями, даже теми, что отрицают маклашеевскую основу ананьинской культуры в целом (Денисов, 1967. С.30).

Новые данные полностью подтверждают сделанный ранее вывод. Так, материалы вновь открытых Тетюшского и Мурзихинского II могильников свидетельствуют об их функционировании с конца эпохи бронзы до VII в. до н.э. и использовании погребального поля одним населением. Маклашеевские керамические комплексы финала бронзового века, наиболее полно представленные материалами поселения Курган и городища Черепашье, свидетельствуют об их значительном сходстве с керамикой Нижней Камы ананьинского времени.

Керамика маклашеевского облика (табл. 38) характеризуется абсолютным преобладанием сосудов с высоким цилиндрическим горлом (тип ПБ по нашей модификации). Нередко она имеет крутой перелом у места перехода шейки к шаровидному тулову. Плечики обычно низкие, причем высота горла часто превышает высоту плечика. Несколько реже встречаются сосуды типа ПВ. Другие формы сосудов встречаются редко.

Часто цилиндрические шейки имеют выгнутую наружу вазообразную форму (Рис. 39, 1–5;

40, 2–4). Края венчиков имеют плоскую (Рис. 39, 2), округлую (Рис. 39, 1, 3), скошенную внутрь (Рис. 38, 6; 39, 5) и приостренную (Рис. 40, 2, 5; 42, 1) форму (табл. 39). С внутренней стороны, под краем плоских венчиков, иногда встречается ребро (Рис. 38, 1; 41, 4–7), образуя как бы промежуточную форму между плоскими и скошенными внутрь венчиками. Края некоторых венчиков орнаментировались, причем чаще орнаментировались плоские (табл. 39). Очень редко встречается «воротничок» на шейке (Рис. 41, 3; 42, 2). Обработка поверхности сосудов производилась преимущественно зубчатым штампом с последующим заглаживанием или, реже, без него. Причем, в большинстве случаев не заглаженной оставалась внутренняя поверхность. Следует отметить, однако, что обработка зубчатым штампом без последующего заглаживания наиболее характерна для керамики с примесью песка, характеризующей традицию западной группы населения.

Края венчиков имеют плоскую (Рис. 39, 2), округлую (Рис. 39, 1, 3), скошенную внутрь (Рис. 38, 6; 39, 5) и приостренную (Рис. 40, 2, 5; 42, 1) форму (табл. 39).

С внутренней стороны, под краем плоских венчиков, иногда встречается ребро (Рис. 38, 1; 41, 4–7), образуя как бы промежуточную форму между плоскими и скошенными внутрь венчиками. Края некоторых венчиков орнаментировались, причем чаще орнаментировались плоские (табл. 39). Очень редко встречается «воротничок» на шейке (Рис. 41, 3; 42, 2).

Обработка поверхности сосудов производилась преимущественно зубчатым штампом с последующим заглаживанием или, реже, без него. Причем, в большинстве случаев не заглаженной оставалась внутренняя поверхность. Следует отметить, однако, что обработка зубчатым штампом без последующего заглаживания наиболее характерна для керамики с примесью песка, характеризующей традицию западной группы населения.

Орнамент сосудов эпохи поздней бронзы расположен в подавляющем большинстве случаев только на шейках и очень редко опускается на плечики (табл. 40). Узоры выполнялись вдавливаниями, оттисками зубчатого штампа, реже – процерченно-резной техникой. Очень редко встречаются сосуды, украшенные шнуром (табл. 41).

Все технические приемы использовались для нанесения одинаковых узоров (табл. 43). Преимущественно это горизонтальный зигзаг (Рис. 39, 6; 40, 2–6), решетка (Рис. 38, 1; 42, 5), ромбы (Рис. 38, 3; 41, 2), взаимпроникающие треугольники (Рис. 39, 4; 41, 7), вертикальный зигзаг (Рис. 38, 5; 41, 3), оконтуренные горизонтальными линиями или, реже, без них. Иногда этот узор дополнялся насечками, сделанными тем же

инструментом, что и основной орнамент (Рис. 38, 3; 40, 1; 41, 4–6).

Все узоры сопровождаются глубокими ямочными вдавлениями, образующими на внутренней поверхности сосудов «жемчужины». Форма ямок преимущественно круглая, реже овальная: треугольная или вытянуто-приостренная. В большинстве случаев они расположены на равном расстоянии друг от друга. Несколько реже встречаются сгруппированные по 2–3 в ряд или образуют треугольники (табл. 43). Очень высок (табл. 42) процент сосудов, украшенных только ямками (до 40%). Обычной зоной размещения сопровождающих основной узор ямок является нижняя треть шейки (Рис. 39, 2; 40, 1, б), реже – в основании шейки. Своеобразием отличается размещение ямок на посуде с примесью песка и «текстильной» обработкой поверхности, где они встречаются сразу в несколько рядов: под краем венчика, в нижней трети шейки, на плечике и ниже самой широкой части тулова (Рис. 37).

Значительная часть сосудов ананьинского времени, особенно раннего периода, наследует у маклашеевской посуды высокую цилиндрическую горловину, шаровидную форму тулова, зону размещения орнамента и его композицию. Показательна преемственность в традиции украшать сосуды только ямками. Изменения прослеживаются в сокращении числа сосудов с

резким переходом от шейки к тулову, увеличении числа сосудов III типа, почти полном исчезновении прочерченно-резной техники и некотором увеличении роли шнуровых отпечатков. Орнаментальные зоны на посуде ананьинского времени в большинстве своем освобождаются от оконтуривающих их горизонтальных линий. На прежнем уровне остается употребление «воротничка» и до известной степени сохраняется вазообразная форма горла (табл. 39).

Для памятников Нижнего Прикамья характерно наличие определенного числа сосудов, имеющих переходные формы. В отдельных случаях сосуды, имеющие типично маклашеевскую форму, украшены узором, более характерным для ананьинского времени (Рис. 38, 2, 4, 6, 7). Встречаются также сосуды, имеющие форму, характерную для ананьинского времени, но сохраняющие орнамент предшествующей посуды (Рис. 38, 3; 39, б). Имеется также несколько сосудов, сочетающих орнаментальные мотивы как маклашеевского, так и ананьинского времени (Рис. 43, 1–5, 7). Все это свидетельствует о непосредственной преемственности посуды ананьинского времени от маклашеевской в Нижнем Прикамье и вместе с другими фактами подтверждает вывод о формировании ананьинского населения Нижней Камы на базе местных племен эпохи поздней бронзы.

2.5. Периодизация и хронология памятников ананьинского времени Нижнего Прикамья

В работах ряда исследователей для памятников ананьинского времени в Волго-Камье была разработана трехчленная периодизация (Збруева, 1952. С.7, 29; Генинг, Стоянов, 1961. С.81; Халиков, 1967, С.23; Вечтомов, 1967. С.134). Она основана преимущественно на изменениях в материальной культуре ананьинских племен, отражающих их развитие или влияние инокультурных факторов. В большинстве случаев начальный этап был датирован VII в. до н.э., что, однако, отрывало памятники раннего железного века от памятников финала бронзового века, который приходится на IX в. до н.э. В периодизации, предложенной А.Х.Халиковым, были учтены переходный период от бронзового века к железному и происходивший в это время процесс формирования ананьинского населения. Ранний этап он датировал VIII–VII вв. до н.э., а следующий за ним ограничил VI–V вв. до н.э. Основанием такому членению послужило начавшееся скифо-савроматское, а также некоторое сибирское воздействие на культуру волго-камских племен (Халиков, 1967. С.23).

В настоящее время хорошо известно, что районы Нижнего Прикамья оказываются пол-

ностью запустевшими к V в. до н.э. Следовательно, существующие здесь памятники укладываются в рамки раннего и среднего (по А.Х.Халикову) периодов. Это достаточно надежно документировано материалами как поселений, так и могильников, где отсутствуют предметы более позднего времени (Халиков, 1977. С.107–223). Следует отметить, что существующая периодизация базируется в основном на материалах могильников.

Намеченное в предыдущем разделе настоящей работы членение нижекамской керамики на хронологические группы основано преимущественно на стратиграфических наблюдениях. Выделение эталонных комплексов, которые при расстановке образуют хронологически последовательный ряд, позволяет наметить более подробную периодизацию для памятников ананьинского времени в Нижнем Прикамье.

Наиболее ранние материалы представлены закрытыми комплексами из слоев, изученных на городищах Гремячий Ключ и Черепашье. Наиболее поздний комплекс в относительно чистом виде представлен материалами верхнего горизонта городища Сорочьи Горы. Промежуточное

положение занимают материалы нижнего горизонта этого городища и основного слоя Гремячего Ключа.

Переходя к вопросу о хронологии этапов существования нижекамских поселений, мы сталкиваемся с определенными трудностями, прежде всего в силу незначительности или даже полного отсутствия на поселениях надежно датированных вещей. Однако, опираясь на некоторые аналогии предметам с памятников с хорошо обоснованной датой, удастся наметить хронологические контуры выделяемых периодов.

В целом вещевой комплекс городища Гремячий Ключ выглядит очень архаично. В первую очередь, здесь надо указать на абсолютное сходство многих сосудов этого памятника с сосудом из погребения 12А Маклашеевского II могильника (Рис. 1, 8, 11), датированного временем не позднее IX в. до н.э. (Халиков, 1967. С.23). Полной аналогией находкам из того же могильника являются массивные костяные долота (Рис. 44, 6) и костяные орудия с треугольным коротким резцом (Рис. 44, 5). В число памятников, находящихся параллели в материалах Маклашеевского II могильника, входят и фаланги животных с прорезанными овальными отверстиями (Рис. 44, 4). К наиболее архаичным предметам также относятся находки кремневого наконечника стрелы (Рис. 44, 1) и костяных изогнутых псалиев (Рис. 44, 2, 3), близких по форме наконечнику стрелы и псалию из Маклашеевки.

Наличие большого числа предметов, сходных с предметами некоторых погребений Маклашеевского II могильника, позволяет считать, что верхняя дата последнего смыкается по времени с началом существования поселения Гремячий Ключ, позднее ставшего городищем. Возможно, что какое-то время они даже сосуществовали, о чем могут свидетельствовать находки в засыпи погребений 9 и 13А Маклашеевского II могильника фрагментов типичной раннеананьинской керамики (Рис. 15, 4–6).

Таким образом, рубежом IX–VIII в. до н.э. мы имеем возможность датировать начало первого этапа – периода становления и формирования нижекамского населения эпохи раннего железа. Завершается этот этап, очевидно, в конце VIII в. до н.э., поскольку именно в это время начинают широко распространяться вещи, характерные для раннеананьинского времени (кельты с линзовидным сечением втулки, наконечники копий и стрел, биметаллические мечи и кинжалы и т.д.), знаменуя своим появлением переход ко второму этапу. Наиболее вероятной хронологической границей между вторым и третьим этапами следует, очевидно, считать конец VII в. до н.э., поскольку именно к этому време-

ни затухают отношения нижекамского населения с Кавказом и происходит переориентация его связей на скифо-савроматский и, в некоторой степени, сибирский мир (Халиков, 1967. С.23).

Начало третьего этапа характеризуется появлением на некоторых памятниках Нижней Камы керамики, украшенной парным и строеным шнуром, нередко сопровождающихся гребенчатыми оттисками, а также небольшого числа кельтов с шестигранным сечением втулки, которые в это время широко распространяются на соседних территориях.

Финал памятников ананьинского времени в Нижнем Прикамье приходится на рубеж VI–V в. до н.э., поскольку, как уже указывалось, памятники этой территории не содержат материалов, относящихся к более позднему времени. Исключение составляют только памятники, расположенные у самого устья Вятки, в материалах которых имеются и более поздняя керамика и вещи.

В связи с решением вопроса о хронологии нижекамских памятников необходимо коснуться еще двух моментов. Это вопрос о времени распространения здесь «текстильной» керамики и сопровождающих ее кельтов аозинско-меларского типа, характеризующих западную группу памятников, и вопрос о времени появления керамики лебяжского облика, которая встречается в материалах некоторых нижекамских поселений.

Присутствие «текстильной» керамики, относящейся к финальной бронзе и ананьинскому времени, фиксируется почти на всех широко исследованных памятниках Нижнего Прикамья. Ее наличие дает возможность считать, что в среде нижекамского ананьинского населения присутствовали представители западной («аозинской», по С.В.Кузьминых) группы племен, являвшихся предками городецко-дьяковских племен, продвинувшихся на восток в конце эпохи бронзы.

Однако имеются некоторые данные о том, что аозинское население обитало здесь только на раннем этапе. На втором этапе численность его сокращается, и к VI в. до н.э. оно почти полностью покидает пределы Нижнего Прикамья. Основанием для такого вывода могут служить: распространение в Нижнем Прикамье только ранних форм аозинско-меларских кельтов, относящихся к VIII–VII вв. до н.э. (Халиков, 1977. С.134); очень небольшой процент «текстильной» керамики в материалах камских ананьинских поселений по сравнению с позднебронзовыми, причем, на городище Сорочьи Горы «текстильная» керамика была обнаружена только в нижнем горизонте слоя. Подтверждением этому могут слу-

жить также материалы Антоновского городища, расположенного на Волге. Среди них не было обнаружено ни одного фрагмента с примесью песка и «текстильной» обработкой поверхности, что не увязывается с устоявшимся мнением, будто все волжские городища содержат такую керамику. Объясняется это тем, что Антоновское городище возникло относительно поздно. Об этом свидетельствуют наличие в его материалах керамики, украшенной парным шнуром, и стратиграфия насыпи вала. Было установлено, что вал был возведен непосредственно перед заселением мыса, то есть тогда, когда в Прикамье уже существовала традиция строительства оборонительных сооружений. Валы городищ, имеющих более ранние материалы, как правило, возведены на культурном слое уже существовавших поселений.

Подтверждением этому могут служить и результаты исследования относительно позднего Пустоморквашинского могильника в районе Казани. Среди его материалов, предполагающих наличие кельтов аозинско-меларского типа, связанных с кругом памятников «текстильной» керамики, кельты этого типа отсутствуют, хотя здесь вскрыто почти сто погребений. Все это свидетельствует в пользу того, что к VI в. до н.э. Нижнее Прикамье и прилегающие районы Среднего Поволжья были оставлены аозинским населением.

Следует отметить, что тенденция к сокращению численности аозинского населения в этом районе начинает проследиваться с конца эпохи бронзы. На поселении Курган, например, 53,8% посуды этого периода имеют примесь песка, часто в сочетании с «текстильной» обработкой поверхности. Среди керамики ананьинского времени того же поселения количество

сосудов с примесью песка и «текстильными» отпечатками сокращается до 3,5%. Та же закономерность прослеживается и на городище Казанка I. Посуда конца эпохи бронзы здесь абсолютно вся изготовлена из глины с примесью песка. В ананьинскую эпоху ее доля составляет уже только 53,9%.

Что касается времени проникновения в Нижнее Прикамье группы лебяжского населения, то наиболее вероятен ее приход на первом этапе существования нижнекамских памятников. Основанием для этого служат данные планиграфии и стратиграфии городища Черепашье.

Как уже упоминалось, керамика лебяжского облика была обнаружена только в заполнении жилища №1. Вместе с керамикой ананьинского времени нижнекамской и вятской групп она перекрывает нижний горизонт жилища, где абсолютно преобладают сосуды маклашеевского времени. Процентное распределение типологических групп керамики городища Черепашье по штыкам показывает, что лебяжская керамика тяготеет к нижнему горизонту слоя. Вятская же керамика, напротив, встречается чаще в верхних штыках (табл. 37). Это дополнительно подтверждает вывод, полученный на материалах городища Сорочьи Горы, о ее относительно позднем возрасте.

По всей вероятности, лебяжская керамика хронологически следует за маклашеевской и не связана с ней, поскольку на городище Сухой Берсут керамика маклашеевского облика не известна.

Таким образом, приведенная выше характеристика керамики ананьинских памятников Нижнего Прикамья обладает довольно значительной информацией, что позволяет привлекать ее для сравнения с синхронными керамическими комплексами памятников других территорий.

Глава 3.



ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТАХ АНАНЬИНСКОЙ ОБЩНОСТИ

Как уже отмечалось, большинство исследователей связывает происхождение ананьинской культуры с предшествующими ей памятниками финальной бронзы, которые объединяются ими в маклашеевский этап приказанской культуры (Халиков, 1967, С.18–28), или делятся на ряд родственных культур (маклашеевскую, ерзовскую, курмантау, быргындинскую), составлявших предананьинскую общность (Денисов, 1967. С.30, 31; Сальников, 1967, С.386; Ашихмина, 1985а. С.12–16).

По моему мнению, прежде чем однозначно ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, что представляло собой население всего Волго-Камья ананьинского времени, то есть насколько оно было однородным и единым.

Прежде всего необходимо отметить, что почти у всех исследователей прослеживалась тенденция делить ананьинскую культуру или общность на ряд локальных вариантов или даже культур. Напомним, что еще на заре истории изучения ананьинских древностей П.А.Пономарев (1914. С.2) и вслед за ним М.Г.Худяков (1923. С.92) ставили вопрос о сосуществовании в Прикамье двух разных культур: «костеносной» и культуры могильников типа Ананьинского. А.В. Збруева (1952. С.69–73), использовавшая немногочисленные керамические материалы поселений и могильников, выделила пять локальных вариантов ананьинской культуры. Позднее А.Х. Халиков, основываясь на более новых данных, выделил девять ананьинских локальных групп (1977. С.6, Рис. 1). В.П.Денисовым была сделана попытка обособить племена Верхнего и Среднего Прикамья от нижнекамских со ссылкой на различия в керамике и формах ведения хозяйства, а также их этническое и антропологическое различие, однако два последних положения им были высказаны без соответствующей аргументации (1968. С.70). Ссылаясь на

разницу в керамике и в формах ведения хозяйства, выделяет северный и южный локальные варианты внутри единой ананьинской общности и Л.И. Ашихмина (1985б. С.25).

Западную группу памятников ананьинской территории, характеризующую «текстильной» керамикой и кельтами аозинско-меларского типа, С.В.Кузьминых выделяет в аозинскую культуру. По его мнению, аозинцы проживали на одной территории с ананьинскими племенами (Кузьминых, 1977. С.4). Другая гипотеза отстаивается В.С.Патрушевым, который объединяет все без исключения памятники этой территории в единую «ахмыловскую» культуру и противопоставляет ее прочим волго-камским племенам ананьинского времени (1984. С.167; 1986, С.118).

В ряде работ намечается выделение так называемой белогорской группы памятников, расположенных на Средней Волге от устья Камы до Самарской Луки (Матвеева, 1975; 1980; Марков, 1985).

Необходимо отметить также и точку зрения В.А.Иванова, по мнению которого в Волго-Камье существовали две культуры ананьинского времени: западная и восточная. Подобное членение основывается различием между этими культурами в керамике и типах поселений (Иванов, 1983. С.267–268).

Таким образом мы видим, что единого взгляда при делении памятников ананьинского времени на локальные группы или культуры и на границы их размещения до настоящего времени нет.

В качестве основного источника при обособлении тех или иных локальных групп в первую очередь использовалась керамика, как один из наиболее выразительных показателей этнической принадлежности племен, изготавливающих ту или иную группу керамики. В качестве основного источника она используется и в настоящей работе.

3.1. Керамика ранних городищ Вятки и Ветлуги и ее отношение к нижнекамской посуде

В первую очередь я считаю необходимым обратиться к материалам вятских городищ, поскольку мною уже отмечалось некоторое их

сходство с отдельными керамическими комплексами Нижнего Прикамья. Указанные параллели характерны только для поздней посуды данного

региона. В целом же вятская и нижекамская керамика имеют значительные различия.

Следует признать, что исследователи, так или иначе обращавшиеся к ананьинской проблеме, располагают минимумом работ, характеризующих керамику вятских ананьинских городищ. До сего времени наиболее полно опубликованными являются только керамические комплексы городищ Ройский Шихан и Мальковского (Архипов, 1962. С.200–203, 205; Халиков, 1977. С.234–236). Менее подробное описание керамики вятских городищ дано в ряде публикаций А.В.Збруевой (1935. С.289–293; 1952. С.71, 283, 288, 290). Собственно этим списком и ограничивается круг работ, характеризующих вятскую керамику.

У автора настоящей работы была возможность проанализировать по одной методике вместе с материалами Нижней Камы и керамические комплексы городищ Ройский Шихан, Белоглазовского и Аргыжского. Для статистической обработки использовались 124 фрагмента сосудов городища Ройский Шихан, 192 – Аргыжского и 206 – Белоглазовского. По всем параметрам посуда этих городищ очень близка между собой, что может свидетельствовать об их сосуществовании или о том, что их разделяет очень небольшой промежуток времени. Следует заметить, что хронология большинства вятских ананьинских городищ, в том числе Ройскошиханского, Белоглазовского и Аргыжского, до сих пор остается очень условной. Отсутствие датированных вещей на Белоглазовском городище позволило А.В. Збруевой говорить только о том, что оно было обитаемо в ананьинскую эпоху (1952, С.203). Более узкую дату, V–III вв. до н.э., основанную на находках стилизованных изображений хищных животных, Збруева предложила для материалов Аргыжского городища (1952. С.284). Этим же временем она была склонна датировать и городище Ройский Шихан (Збруева, 1952. С.295). Однако проводившимися позднее на этом памятнике раскопками были выявлены материалы, позволившие рассматривать его в рамках раннеананьинского времени (Архипов, 1962. С.203; Халиков, 1977. С.14). Следовательно, городище Ройский Шихан и близкие ему по материалам Белоглазовское и Аргыжское городища можно признать одними из наиболее ранних на Вятке, что позволяет привлекать их для сравнения с нижекамскими.

Как уже отмечалось, для посуды ананьинских памятников Нижней Камы наиболее распространенной является форма круглодонных горшков – сосудов с шаровидным туловом и относительно высокой, почти цилиндрической горловиной. На Вятке такие сосуды неизвестны. Здесь преобладает посуда с невысокими слабовыпуклыми плечиками и низкими, иногда сильно отогнутыми горловинами (табл. 27). В

целом форма этих сосудов близка к чашевидной. Нередко на вятской керамике можно увидеть воротничок или валик (табл. 28, Рис. 36, 1–4). На посуде Нижней Камы они почти не встречаются, а имеющиеся очень невыразительны (табл. 4, Рис. 1, 3; 4, 5). Но особенно резко различаются рассматриваемые комплексы своей орнаментацией. По сравнению с нижекамской бросаются в глаза богатство и сложность узоров на вятской посуде. Как правило, они покрывают всю верхнюю часть сосудов. Значительно реже встречается на Вятке посуда, украшенная только по шейке или только по плечу (табл. 29). Более скромный орнамент керамики Нижней Камы занимает в основном только шейки сосудов и очень редко спускается на плечики (табл. 5, 14, 19).

На вятской посуде преобладает исключительно гребенчатая (до 72,6%) и шнуровая (до 49,2%) техника. Очень редко в орнаментации использовались различные по форме вдавления (табл. 30). Почти всегда основной узор сопровождался глубокими ямками, расположенными обычно пояском на шейке или в ее основании.

В большинстве случаев оттиски шнура, сгруппированные по 2–4 и более, располагаются горизонтальными лентами через определенные интервалы (табл. 11; Рис. 25, 1–5). Нередко при нанесении горизонтальных линий через одну применялся шнур, нити которого были закручены в разные стороны, отчего образованные им пары напоминают косичку (табл. 11; Рис. 26, 2, 4, 6). Значительно реже оттиски шнура образуют волну (Рис. 27, 8), зигзаг и наклонные линии (табл. 11). Более разнообразны и чаще употреблялись на вятской посуде узоры, выполненные оттисками зубчатого штампа. В основном это короткие наклонные и горизонтально поставленные линии (табл. 10; Рис. 25, 3, 5–8). Но встречаются также зигзаг (табл. 10; Рис. 26, 2, 4, 6), горизонтальная елочка (Рис. 26, 1) и перекрещивающиеся линии (Рис. 25, 1, 2). Отмечены единичные узоры в виде лесенки и отпечатки «гусиной лапы» (табл. 10). Своеобразен узор некоторых сосудов, орнаментальная зона которых завершается внизу фестонами (Рис. 25, 7; 26, 4). Почти все узоры, выполненные оттисками зубчатого штампа, образуют горизонтальные ряды (Рис. 25, 6; 26, 1, 5, 8; 27, 6, 7). Нередко они композиционно связаны с узорами, выполненными шнуром – наблюдается чередование занимаемых ими зон (Рис. 25, 1–3).

Сами по себе отдельные элементы узоров не сложны, однако их взаимовстречаемость и использование при их нанесении различной техники на одних и тех же сосудах придают описываемой посуде очень нарядный вид.

На Вятке неизвестны основные мотивы орнамента нижекамской посуды в виде столбиков, вертикальной елочки, зигзагов, выполненных вдавлениями. Существенно различаются и узоры, выполненные оттисками шнура и зубчатого штампа. Как уже было отмечено, на посуде Нижней Камы они встречаются значительно реже (табл. 6, 30) и их композиционное построение отличается от вятских (табл. 10, 11). Для нижекамской посуды не являются характерными сгруппированные по 2–4 и более горизонтальные шнуровые линии. Имеющиеся в вятских и нижекамских узорах общие элементы, выполненные зубчатым штампом, различаются по характеру использования. Если в вятской керамике они наносились исключительно в один ряд и в большинстве случаев между горизонтальными лентами шнуровых оттисков или завершают нижнюю часть орнаментальной композиции, то на нижекамской посуде оттиски зубчатого штампа дублируют узоры, выполненные вдавлениями. Одним из основных различий является то, что для нижекамской посуды были не характерны узоры, выполненные смешанной техникой. Отличается нижекамская посуда от вятской и способом оформления ямок, сопровождающих основной узор. На вятской посуде очень много ямок, оформленных дополнительно наклонными, горизонтальными или зигзагообразными оттисками зубчатого штампа (табл. 8; Рис. 25, 4–6; 26, 1–3, 5, 6, 8; 27, 6, 7), полулунными или овальными вдавлениями так называемых «глазчатых» (табл. 8; Рис. 25, 3, 8; 27, 4), придающих дополнительную нарядность вятской посуде.

Одной из наиболее отличительных черт керамики ананьинского времени Нижней Камы является то, что даже в самых ранних комплексах преобладают сосуды, украшенные только пояском круглых ямок. Подобная орнаментация становится преобладающей только на поздней вятской посуде (Збруева, 1952. С.71).

Таким образом, проведенное сравнение позволяет утверждать, что посуда вятских городищ в значительной степени отличается от нижекамской. Незначительное появление ее в поздних комплексах Нижней Камы следует рассматривать как результат проникновения сюда отдельных групп вятского населения. Характерно, что керамика вятского облика локализуется преимущественно на камских памятниках, расположенных вблизи от Кятского устья (городища Грохань, Смыловское, Черепашье и др.). Ниже по Каме эта керамика в массе была отмечена только в верхнем горизонте слоя городища Сорочьи Горы, где она была перемешана с типично нижекамской керамикой. Лежащие западнее памятники содержат только единичные их находки. Следует, однако, заметить, что на волжских памятни-

ках ананьинского времени, расположенных западнее устья р. Свияги, процент керамики с узором, близким вятскому, снова возрастает и становится преобладающим на памятниках в приустьевой части р. Ветлуги (городища Васильсурское, Копаньское, Хмелевское и др.). Для керамики этих памятников также характерны узоры из горизонтальных рядов двойных-тройных шнуровых оттисков, между которыми размещаются наклонные или вертикальные оттиски зубчатого штампа (Рис. 45). Причем, узор на этой посуде почти всегда сопровождается глубокими ямками в основании шейки, часто дополнительно оформленных оттиском зубчатого штампа, или в виде так называемых «глазчатых» (Халиков А.Х., 1962, С.13; 1977, С.230, Рис. 86).

Очевидно, и на этой территории керамика, близкая вятской, залегает в верхних горизонтах слоев, относящихся к раннему железному веку, что дает возможность говорить об относительно позднем ее проникновении сюда. Во всяком случае, анализ керамического материала Мари-Луговского поселения привел А.Х.Халикова к выводу, что эта керамика относится к VII–VI вв. до н.э. и хронологически следует за керамикой, аналогичной керамике Казанской стоянки и Нижнеуслонского поселения (1960. С.146, 147), которые, судя по материалам, синхронны раннему слою городища Гремячий Ключ.

Следует, однако, отметить, что связь западно-волжской гребенчато-шнуровой керамики с вятской весьма условна. Между ними лежит довольно значительная по размерам территория, на которой керамика этого типа почти не встречается. Значительно ближе территориально к западно-волжским стоят керамические комплексы ветлужских городищ, которые имеют те же узоры в виде рядов горизонтальных шнуровых линий, чередующихся с оттисками зубчатого штампа и сходное оформление ямок, сопровождающих узор (Рис. 46).

В литературе уже неоднократно указывалось на сходство ветлужской керамики с вятской (Збруева, 1952. С.73, 74; Халиков, 1962. С.13, табл. А). Для них характерны почти одинаковые формы сосудов, оформление венчика, орнамент в виде горизонтальных двойных-тройных шнуровых линий, между которыми часто располагались оттиски зубчатого штампа и оформление сопровождающих основной узор глубоких ямок (Халиков, 1962. С.13; 1977. С.241, 242). Все это, несомненно, свидетельствует о близком родстве племен раннего железного века, обитавших на Вятке и Ветлуге. Указанные черты сходства свидетельствуют о том, что керамические комплексы ветлужских городищ, так же как и вятских, в значительной степени отличаются от нижекамских.

3.2. Керамические комплексы ананьинских памятников Средней Камы и их отношение к нижнекамским

Керамика ананьинских памятников, расположенных на Каме выше Вятского устья, к настоящему времени достаточно хорошо известна благодаря большому числу ее публикаций. Особая заслуга в этом принадлежит Л.И.Ашихминой, работы которой отличаются полнотой характеристики анализируемой посуды (1977; 1978; 1985в).

Переходя к сравнению нижнекамской керамики с керамическими комплексами памятников Средней Камы, необходимо отметить, что наиболее ранними среди них, по мнению Ашихминой, являются материалы I Зуево-Ключевского, Каменноложского городищ и I Икского поселения (1985в. С.62). Почти вся керамика этих памятников имеет примесь толченой раковины в тесте. Нередко встречаются сосуды со следами лощения. По всем своим основным признакам орнаментация посуды рассматриваемых поселений очень близка между собой и может быть охарактеризована наиболее полно опубликованными материалами нижнего горизонта городища Каменный Лог.

Большая часть сосудов имеет орнаментацию по шейке и плечу. Сосуды, орнаментированные только по шейке, встречаются очень редко. Узоры чаще всего выполнены горизонтальными отпечатками шнура, состоящими из полос по два, три и более шнуров в каждом. Наиболее часто употреблялся двух-трехрядный шнур (Рис. 47, 48). Довольно широко использовался узор из наклонных, волнообразных (Рис. 47, 3–5) и перекрещивающихся (Рис. 47, 1, 2, 5; 48, 1, 2, 5) линий, взаимопроникающих треугольников (Рис. 47, 1, 4; 48, 2), «лесенки» (Рис. 48, 3), нередко оконтуренных горизонтальными рядами шнуровых оттисков. Орнамент выполнялся исключительно шнуровой техникой (Рис. 47, 48). Почти всегда он дополнялся глубокими круглыми ямками, оставившими на внутренней поверхности сосудов «жемчужины» (Ашихмина, 1977. С.150, 151, Рис. 3, 6; табл. 10–12).

Совершенно аналогичную характеристику имеют и комплексы раннеананьинского времени, расположенных выше по Каме до Перми, которые наиболее полно могут быть охарактеризованы материалами VI Заюрчимского поселения. Основные формы сосудов здесь – приземистая чаша с округлым дном. Орнамент, густо покрывающий шейку и плечико, наносился в основном оттисками шнура. Реже он выполнялся зубчатым штампом, насечками и наколами.

Наиболее часто употреблялся сложный узор из сдвоенных или строенных горизонтальных шнуровых линий с заключенными между ними наклонными оттисками шнура, зигзагом, ромбами, решеткой, взаимопроникающими треугольниками. Почти во всех случаях узор сопровождался глубокими круглыми ямками, оставившими на внутренней поверхности сосудов «жемчужины» (Денисов, 1967. С.43, 44; 1968. С.56–64, Рис. 2, табл. I, II).

Близка вышеописанной и посуда нижнебельского региона, наиболее полное представление о которой дают материалы Бирского поселения. Сосуды имеют форму круглодонных горшков, но нередко встречаются широкие чаши и глубокие миски. Орнамент, расположенный на шейке или на шейке и плечиках, всегда выполнен оттисками шнура, образующими парные горизонтальные линии, косую сетку, заштрихованные треугольники, наклонные линии, горизонтальный зигзаг. Иногда его дополняют насечки в виде елочки, лопасти или рядов. Основной узор всегда сопровождается пояском круглых ямок в основании горла (Васильев, 1975. С.152–154, Рис. 3; Халиков, 1977. С.239; Иванов, 1982. С.72, 73, Рис. 2, 6, табл. I).

В целом керамика раннеананьинского времени с памятников Средней Камы и Нижней Белой характеризуется довольно большой однородностью, проявляющейся в использовании сложных шнуровых узоров в сочетании с глубокими круглыми ямками, что неоднократно отмечалось многими последователями (Генинг, Стоянов, 1961. С.81; Денисов, 1968. С.63, 64; Халиков, 1977, С.241; Иванов, 1982. С.73).

Думается, что нет особой необходимости в третий раз приводить характеристику нижнекамских керамических комплексов для того, чтобы показать в деталях все ее отличие от среднекамской керамики со сложношнуровой орнаментацией. Тем более что к этому вопросу мне еще придется вернуться. Напомню только, что для нижнекамской ананьинской керамики более характерными являются узоры из вдавлений и редкое использование шнуровой техники (табл. 9–11).

Таким образом, сравнительный анализ керамики нижнекамских поселений показывает, с одной стороны, ее значительные отличия от гребенчато-шнуровой керамики, распространенной на Ветлуге и Вятке, а с другой – от шнуровой керамики, распространенной в среднем течении Камы и в низовьях Белой.

3.3. Керамические комплексы памятников типа Курмантау, Ерзовки, Быргынды и их отношение к нижекамским

Изложенное выше может создать впечатление, что памятники Нижнего Прикамья с их своеобразной керамикой – явление узко локальное. Однако подобный вывод будет преждевременным, если ограничиться только приведенными сопоставлениями.

Исследования, которые проводились в последнее время башкирскими археологами, показали, что памятники типа Курмантау, локализующиеся в бассейне Белой, доживают до VI в. до н.э. Соответственно, нижняя дата этих памятников была поднята до VIII в. до н.э. (Иванов, 1977. С.96–100; Обыденнов, 1986. С.50, 51). Однако предложенные хронологические рамки существования курмантауских поселений возможно принять, очевидно, только после некоторых уточнений. Здесь прежде всего следует иметь в виду то, что часть материалов с памятников курмантауской группы некоторыми исследователями справедливо отождествляется с материалами, происходящими из II Маклашеевского могильника, датированного X–IX вв. до н.э. (Сальников, 1967. С.376–386; Халиков, 1980. С.53; Членова, 1981. С.21–23). Следовательно, опираясь на материалы II Маклашеевского могильника и материалы Касьяновской стоянки, давшие верхнюю дату, общие хронологические рамки для курмантауской (бельской) группы памятников следует определять X–VI вв. до н.э.

Характеристика керамических комплексов курмантауской группы ясно показывает, что внутри них выделяется как посуда маклашеевского облика, так и собственно курмантауская (Иванов, 1982. С.55–57). К сожалению, типологическое членение маклашеевской и курмантауской посуды было проведено не внутри комплексов, а только на уровне комплексов различных памятников (Иванов, 1982. С.53–63). Определение того или иного бельского памятника как маклашеевского или курмантауского было обусловлено процентным содержанием в нем маклашеевской или собственно курмантауской посуды. Это дало не совсем четкую картину, а следовательно и повод утверждать о сосуществовании в бассейне Белой маклашеевских и курмантауских памятников (Иванов, 1982. С.71, 72). Следует, однако, отметить, что все памятники рассматриваемой группы содержат керамику, морфологические признаки которой укладываются в приведенную выше характеристику маклашеевской посуды поселения Курган и городища Черепашье, относящейся к концу эпохи бронзы. Во всяком случае, она предшествует по возрасту самой ранней ананьинской керами-

ке памятников Нижней Камы. Ее нет на городище Гремячий Ключ – одном из наиболее ранних в регионе, а на городище Черепашье, как уже было показано, маклашеевская керамика залегает в нижнем горизонте слоя (табл. 37).

Известны на Нижней Каме и «чистые» маклашеевские комплексы без примеси керамики ананьинского времени. К ним относятся некоторые стоянки у Биостанции (Габяшев и др., 1976. Рис. 2, 281, 282; Халиков, 1980. №191, 192; АКТ. 1981. №305, 306), у С.Именьково (Габяшев и др., 1976. Рис. 2, 252; Халиков, 1980. №344; АКТ. 1981. №556), у Степного Озера (Халиков, 1980. №460; АКТ. 1986. №187) и др. Маклашеевский II могильник, где была найдена керамика с эталонной для маклашеевской посуды формой и орнаментацией, содержит материалы, которые позволяют датировать его предананьинским временем (Халиков А.Х., 1969, С.307). Таким образом, существующее мнение об ананьинском возрасте маклашеевских памятников является ошибочным.

Интересующие нас бельские памятники содержат материалы как маклашеевские, датированные концом эпохи бронзы, так и выделяемые в собственно курмантауские, дата для которых определяется материалами Касьяновской стоянки в рамках VIII–VI вв. до н.э. Некоторые различия между ними, по всей вероятности, обусловлены разницей хронологической. Черты же сходства, которые настолько значительны, что позволяли долгое время объединять их в рамках или культуры курмантау (Сальников, 1967. С.376–386; Членова, 1981. С.21–23), или маклашеевского этапа приказанской культуры (Халиков, 1980. С.53, табл. 59), объясняются тем, что маклашеевские комплексы бельских памятников послужили основой для сложения курмантауских.

Возраст курмантауской керамики, определяемый VIII–VI вв. до н.э. дает основание привлечь ее для сопоставления с синхронными керамическими комплексами ананьинских памятников Нижней Камы. Курмантауская посуда, как и нижекамская, характеризуется круглодонными горшковидными сосудами с высокими вертикальными или слегка отогнутыми шейками. В качестве примесей к тесту использовалась толченая раковина, реже мелкий шамот или песок. Орнамент располагается преимущественно на шейке сосудов и очень редко опускается на плечики. Узоры выполнялись вдавлениями или зубчатым штампом, образующими ряды или столбики, горизонтальный или вертикальный

зигзаг, елочку, флажки, а иногда бессистемно наносились на орнаментальное поле (Рис. 49–51). В подавляющем большинстве случаев узоры сопровождаются глубокими ямками, расположенными в основании горла равномерно, группами или треугольниками вершиной вниз. Эти ямки образуют на внутренней стороне сосудов характерные выпуклины – «жемчужины». Нередко встречаются сосуды, украшенные только пояском круглых ямок (Васильев, Горбунов, 1975. С.151, 152, Рис. 2; Васильев, 1975. С.253, 254, Рис. 2, 3; Васильев, Иванов, 1982. С.14–18; Иванов, 1982. С.58–65, Рис. 1–4, табл. 1–3).

Приведенная выше характеристика почти полностью совпадает с характеристикой нижекамской посуды как в форме, так и в орнаментации. Имеющиеся незначительные различия, которые выражаются только в более широком употреблении «флажков» в орнаментации бельской посуды, объясняются ее локальными особенностями. В целом же имеющиеся между посудой нижекамских и курмантауских племен параллели иллюстрируют нам их близкое родство.

Однако между областью распространения памятников типа курмантау и Нижнем Прикамьем лежит значительная по размерам территория, где, как уже было отмечено, размещаются памятники раннеананьинского времени, дающие керамику со сложной шнуровой орнаментацией. Сходство нижекамских и курмантауских комплексов, несомненно свидетельствующее об их былом единстве, вынуждает отправиться на поиски причин их изолированности друг от друга.

Многими исследователями, занимающимися проблемой перехода от бронзового века к железному, отмечалось большое сходство керамики так называемых ерзовских памятников, локализующихся в Среднем Прикамье, с курмантаускими (Бадер, Кадиков, 1957. С.155; Бадер, 1961. С.69). Причем, особо подчеркивалось сходство керамики, относимой В.П.Денисовым ко второму этапу (1967. С.41). Для нее характерны круглодонные сосуды с вертикальной или чуть отогнутой шейкой. Орнамент, покрывающий верхнюю часть сосудов, выполнялся преимущественно вдавлениями или зубчатым штампом, образующими ряды, столбики, елочку и зигзаг (Рис. 52). Почти во всех случаях основной узор сопровождался ямками с «жемчужинами» (Бадер, Кадиков, 1957. Рис. 10, 1, 2, 4; Бадер, 1961. Рис. 32, 40, 4; Денисов, 1960. Рис. 2, 9; 1961. Рис. 4, 8, 10, 11, 13). Следует отметить, что с этой посудой исследователи объединяли и сосуды, имеющие типичную маклашевскую форму и орнаментацию (Бадер, Кадиков,

1957. Рис. 9, 2, 4; Денисов, 1967. Рис. 2, 24) и которую в настоящее время появилась возможность выделить типологически. По всей вероятности, Среднее Прикамье являлось одним из основных районов, где на базе позднебронзовой маклашевской керамики формировалась керамика раннего железного века, аналогичная среднебельским (курмантауским) и нижекамским керамическим комплексам VIII–VI вв. до н.э. Отличает эту керамику от курмантауской и нижекамской только некоторая примесь сосудов с узором, характерным для зауральской посуды («змейка», эсовидные отпечатки), что объясняется более тесными контактами населения этой территории с Зауральем (Денисов, 1967. С.40, 41). Следует заметить, что на нижекамской посуде подобные узоры также известны, но встречаются значительно реже (Рис. 30, 5–7). В остальном же рассмотренная керамика с памятников Средней Камы по всем признакам идентична нижекамской и курмантауской, что, несомненно, свидетельствует об их близком родстве.

Учитывая сказанное выше, очевидно, следует расширить хронологические рамки (X–IX вв. до н.э.), предложенные для второго этапа развития ерзовской группы памятников. При этом следует отметить, что существующая дата была основана исключительно на аналогиях с бельскими и нижекамскими материалами (Денисов, 1967. С.41). В настоящее время эти же аналогии помогают ее уточнить. Надо сказать, что незаслуженно отвергнутые в прошлом, но чрезвычайно важные для определения правильной даты материалы подтверждают, что относимая В.П.Денисовым ко второму типу среднекамская керамика, сформировавшись на базе маклашевской, существовала в раннеананьинское время. Это совместные находки с ней железных ножей типично ананьинского облика и бронзовой рельефной фигурки козла (Денисов, 1961. С.70, 71, Рис. 5, 13, 16). Последняя восходит к образцам алтайского звериного стиля и датируется V в. до н.э. (Членова, 1981. С.15).

Южнее по Каме в Удмуртии и восточных районах Татарии известна целая серия памятников, которые содержат керамику, полностью аналогичную нижекамской, а также курмантауской и рассмотренной выше ерзовской. Среди них наиболее широкую известность получили материалы Быргындинской стоянки, относимой к концу эпохи бронзы (Ашихмина, Генинг, 1977). Типологически здесь были выделены две группы сосудов, которые, как было показано исследователями, являются разновременными. Первая группа, более ранняя, была справедливо определена как маклашевская (Ашихмина, Ге-

Таблица 44.

Взаимовстречаемость акозинско-меларской (КАМ) и ананьинской линзовидной (КАН-1) и шестигранной (КАН-II) групп кельтов с железными предметами в погребениях Акозинского, Старшего Ахмыловского, Луговского и Зуевского могильников, (%).

Группа Могильник	КАМ	КАН-1	КАН-II
Акозинский	69,5	71,4	63,6
Старший Ахмыловский	55,3	55,7	50,0
Луговской	–	33,3	22,2
Зуевский	–	44,4	34,6

нинг, 1977. С.113). Характеристика более поздней посуды, относящейся ко второй группе, и которая, как было показано, сформировалась на основе маклашеевской (Ашихмина, Генинг, 1977. С.123, 124), по всем признакам совпадает с характеристикой нижнекамской посуды.

Керамика второй группы Быргындинской стоянки представлена круглодонными сосудами с вертикальной или слегка отогнутой горловиной. В тесте примесь толченой раковины, а иногда мелкий шамот или песок. Орнамент расположен преимущественно на шейках и плечиках. Узор выполнялся вдавлениями и оттисками зубчатого штампа. Известно несколько фрагментов, украшенных шнуровыми узорами. Вдавления и оттиски зубчатого штампа образуют столбики, елочку и иногда бессистемно заполняют орнаментальную зону. Оттиски шнура образуют разреженные горизонтальные, перекрещивающиеся и наклонные линии. Основной узор почти всегда дополняет ряд глубоких ямок, расположенных в основании горла (Рис. 53, 54). Характерно, что, как и на Нижней Каме, быргындинские сосуды, украшенные только ямками, составляют самый большой процент среди орнаментированных (Ашихмина, Генинг, 1977. С.107, Рис. 3, табл. 1–16). Несомненное единство вышеописанной посуды с нижнекамской позволяет считать, что действительная дата Быргындинской стоянки не укладывается в предложенные ее исследователями хронологические рамки. Датированных вещей материалы стоянки не содержат, и возраст ее может быть определен только путем сопоставления керамических комплексов. Если учесть, что более ранняя керамика первой группы датируется маклашеевским временем, то более поздняя керамика, относящаяся ко второй группе, не может быть старше VIII в. до н.э. По аналогии с керамикой нижнекамской, курмантауской и ерзовской групп памятников, относящихся к VIII–VI вв. до н.э., она должна быть датирована в этих же пределах.

Керамика, подобная «быргындинской», хорошо известна и в материалах I Зуево-Ключевского городища в Удмуртии (Рис. 55), Каракульской

стоянки (Рис. 56, 11), I Икского (Рис. 56, 8), 1–2 Тихогорских (Рис. 56, 9), II–V Танайских (Рис. 56, 1–7), I–II Свиногорских (Рис. 56, 11) селищ в восточных районах Татарии, вплоть до устья Вятки. Встречающаяся ниже по Каме подобная керамика была подробно разобрана в главе 2.

К западу от Нижнего Прикамья по Волге аналогичная керамика известна на Ардинском городище, Сиухинском, Токаревском, Мари-Луговском, IV Кокшайском и других поселениях (Халиков, 1960. Табл. 63, 1–3; 64, 3, 5, 7, 9; Халиков, 1962. Табл. 17, 3, 18, 3, 20, 1, 2, 6; Архипов, Патрушев, 1982. Рис. 5, 10; Патрушев, 1982. Рис. 4, 1–6) и занимает область приблизительно до устья Ветлуги.

Выше уже отмечалось, что истоки нижнекамских керамических комплексов ананьинского времени следует искать в предшествующей маклашеевской керамике, аналогии которой хорошо известны в могильниках, датируемых X–IX вв. до н.э. (Халиков, 1967. С.23). Керамика маклашеевского облика была распространена на обширной территории и повсеместно обладает набором довольно устойчивых признаков, которые позволяют считать памятники, содержащие ее, единокультурными (Халиков, 1980. С.38–40). Характеристика маклашеевской керамики, приведенная выше, в полной мере может быть применена к материалам Ветлуги (Халиков, 1977. Рис. 93, 6; 1980. Табл. 52, 8, 59), Средней Волги (Калинин, 1948. С.183, 184, Рис. 4), Вятки (Денисов, 1958. С.118, Рис. 6, 2; Халиков, 1960. С.150, Рис. 75, 2), Средней Камы (Денисов, 1967. Рис. 2, 24) и Белой (Васильев, Иванов, 1982. С.15, Рис. 1, 11–20). Судя по многочисленным материалам, процесс формирования керамики, аналогичной комплексам городища Гремячий Ключ, ранних горизонтов слоев городища Сорочьи Горы, поселения Курган и других памятников, охватил не только районы Нижнего Прикамья, но и соседние области – те, где была распространена маклашеевская керамика. Исключение составляют только бассейны рек Вятки и Ветлуги, где керамика, аналогичная нижнекамской, неизвестна, хотя и известны немногочисленные

маклашеевские комплексы. Очень наглядно представлен этот процесс на материалах Быргындинской стоянки в Удмуртии (Ашихмина, Генинг, 1977). Вызывает возражение лишь только некоторое преувеличение роли памятников типа Быргындинской стоянки. Очевидно, правильнее будет утверждать о некотором влиянии позднечеркаскоульских (межовских) традиций, опосредованно принявших участие в сложении быргындинской, близкой ей курмантауской и, может быть, нижекамской посуды.

3.4. О времени появления и происхождении в Среднем Прикамье керамики со сложно шнуровой орнаментацией

Изложенное выше предполагает естественный вопрос о возрасте и происхождении керамики со сложношнуровой орнаментацией, распространенной в Среднем Прикамье и низовьях Белой.

По мнению большинства исследователей, эта керамика также относится к самому началу ананьинской эпохи. Ее происхождение А.Х.Халиков (1977. С.238) и Л.И.Ашихмина (1985а. С.9, 10) связывают с местными позднебронзовыми керамическими комплексами. Однако Ашихмина в отличие от Халикова между маклашеевской и раннешнуровой помещает керамику, называемую ею «быргындинской» (см. выше). При этом она удревняет как маклашеевскую, так и наследующую ей быргындинскую керамику, ограничивая верхний хронологический предел последней рубежом IX–VIII в. до н.э. (Ашихмина, 1985а. С.8–10). Подобное удревнение, по всей вероятности, было вызвано необходимостью хронологически увязать маклашеевские комплексы с памятниками типа Быргындинской стоянки, которые, по мнению Л.И.Ашихминой, начинают интенсивно смешиваться между собой с конца XI в. до н.э. (1985. С.8; 1985а. С.17).

Выше уже отмечалось, что по всем основным признакам «быргындинская» керамика (сосуды II группы Быргындинской стоянки) проявляют большую степень близости как к нижекамским, так и к бельским (курмантауским) керамическим комплексам начала раннего железного века, составляя вместе с ними единый культурный пласт, хронологические рамки которого определяются VIII–VI вв. до н.э. Выводя из «быргындинской» раннешнуровую керамику, Ашихмина была вынуждена датировать ранний этап существования последней VIII в. до н.э. (1985а. С.62). Однако и эта предложенная ею дата не согласуется с имеющимися материалами.

Время появления керамики, украшенной сложным шнуром, определяется большинством исследователей VII или серединой VII в. до н.э. (Збруева, 1952. С.68, 69; Генинг, Стоянов, 1961. С.81; Денисов, 1968. С.70). Однако большая

Таким образом устанавливается, что на участке Средней Волги от устья Ветлуги до южных границ Татарии, на Каме от устья до Перми и в бассейне Белой была распространена довольно однородная керамика, датируемая по нижекамским и курмантауским комплексам VIII–VI вв. до н.э. Она представляет собой единый культурный и хронологический пласт раннеананьинского времени, в основе которого лежат памятники маклашеевского типа.

часть могильников, где была обнаружена такая керамика (Ананьинский, Котловский, Зуевский) датируется временем не ранее VI в. до н.э. (Збруева, 1952. С.36) и только Луговской могильник относится к более раннему времени. Наличие сосудов, украшенных сложным шнуровым узором в северном ряду этого могильника, отнесенного А.В.Збруевой к VII в. до н.э. (1952. С.31), послужило основой и для всех последующих дат появления в Прикамье раннешнуровой керамики. Однако применение метода датировки этого могильника рядами и привлечение этих дат в качестве опорных вызывает возражения.

Основной упор при определении даты рядов Луговского могильника был сделан Збруевой на наличие железных предметов в погребениях. Многочисленные находки их в погребениях южного ряда и почти полное отсутствие в северном позволили ей сделать вывод, что северный ряд древнее южного и, учитывая общую дату могильника, датировать ряды соответственно VII и VI вв. до н.э. (Збруева, 1947а. С.26; 1952. С.31). При этом она полагала, что в более позднее время число железных предметов должно возрастать. Для определения правоты такого вывода мною были сделаны подсчеты железных предметов с хронологической привязкой по четырем могильникам (Старшему Ахмыловскому; Акозинскому, Луговскому и Зуевскому), содержащим большое число погребений. В качестве хронологической привязки использовались две большие группы кельтов – с линзовидным (КАН-I) и шестигранным (КАН-II) сечением втулки. Первые в целом датируются более ранним временем, тогда как вторые появляются не ранее VI в. до н.э. (1977. С.119–123). Результаты подсчетов показали, что процентное содержание железных предметов, встречающихся в погребениях с КАН-I, значительно превышает процент их встречаемости с КАН-II во всех привлеченных для этого материалах (табл. 44). Следует сказать, что в Котловском могильнике, где были обнаружены только шестигранные кельты (КАН-II), не было встречено ни одного железного предмета. Отсюда следу-

ет вывод, что более поздние погребения содержат значительно меньше железных предметов, чем ранние. Этот вывод подтверждается и другими фактами. К примеру, подсчеты В.А.Иванова, исследовавшего ананьинское вооружение, показали, что уже с самого начала ананьинской эпохи при изготовлении основных видов оружия (наконечников копий и стрел) предпочтение отдавалось железу. Однако преобладание железных наконечников копий и стрел над бронзовыми было характерно только для раннеананьинского периода. Так, железные наконечники копий были обнаружены в 23% погребений раннеананьинских «воинов», а бронзовые только в 12%. На следующем этапе, характеризующем период развитого ананьина, применение железных наконечников остается почти на прежнем уровне (22% всех «воинских» погребений). Зато применение бронзовых возросло более чем в 3 раза (43,6% всех воинских погребений), резко изменяя соотношение в свою пользу (Иванов, 1984. С.32, 36). Аналогичные результаты дают и погребения ананьинских лучников. Железные наконечники стрел, преобладавшие в раннеананьинское время, на следующем этапе уступают место бронзовым и вскоре, очевидно, окончательно вытесняются последними, несмотря на то, что роль дальнобойного оружия (лука и стрел) возрастает более чем в два раза (Иванов, 1984. С.32, 35).

По всей вероятности, вышеприведенные данные отражают общую тенденцию к сокращению употребления железа и увеличению изделий из бронзы в Волго-Камье к середине I тыс. до н.э. Отсюда следует, что принцип построения датировки рядов погребений Луговского могильника по наличию в них железных предметов является неверным. И в южном, и в северном рядах сохранились как ранние, так и более поздние погребения. И поэтому не следует все сосуды со сложной шнуровой орнаментацией, аналогичные происходящим из северного ряда Луговского могильника, безоговорочно датировать VII в. до н.э. (Ашихмина, 1977. С.152). Учитывая, что основная масса богато украшенной шнуром керамики все же происходит с более поздних могильников (Ананьинского, Котловского, Зуевского), время ее распространения, очевидно, следует относить к VI в. до н.э. Поэтому вряд ли стоит считать правомерным выделение в последних работах Л.И. Ашихминой особого «зуево-ключевского» этапа для памятников Среднего Прикамья, характеризующегося наличием раннешнуровой керамики и датированного ею VIII в. до н.э. (1977. С.153, 154; 1985. С.11; 1985а. С.12; 1985в. С.62). На мой взгляд, было бы более правильным все керамические комплексы, украшенные сложными шнуровыми узорами (ранний слой I Зуево-Ключевского городища, нижний горизонт городища Камен-

ный Лог, Каракулинскую и Заюрчимскую VI стоянки и др.), объединить между собой в рамках одного хронологического периода, соответствующего по времени ранней стадии функционирования среднекамских могильников (Ананьинского, Котловского, Зуевского).

Значительной сложностью отличается и вопрос о происхождении раннешнуровой керамики в районах Среднего Прикамья и Нижней Белой. Совместная территория распространения ее с более ранними постмаклашевскими комплексами, круглодонная форма сосудов, наличие раковинной примеси в тесте и ряд общих элементов в орнаментации, казалось бы, сближают эти группы между собой и позволяют говорить об их преемственности. Однако В.А.Ивановым на белых материалах, на мой взгляд, убедительно были показаны основные различия в орнаментации раннешнуровой и курмантауской посуды, что позволило ему отрицать их генетическое родство и говорить о появлении раннешнуровой керамики на берегах Белой уже в сложившемся виде (1982. С.73, Рис. 2, табл. 1, 2).

Л.И.Ашихмина на аналогичных материалах Среднего Прикамья приходит к прямо противоположной точке зрения. По ее мнению, круг памятников, выделенный ею в «быргындинскую» культуру, явился той основой, на базе которой формируются ананьинские раннешнуровые комплексы (1985. С.10; 1985а. С.11).

Для проверки правильности такого заключения воспользуемся теми данными, что приведены самой Ашихминой. Анализ посуды был проведен ею по «Программе статистической обработки керамики из археологических раскопок» (Генинг, 1973). Керамические комплексы сравнивались по наиболее характерным признакам. Сходство и различия между ними устанавливались на основании усредненных коэффициентов сходства по всем выделяемым признакам (Ашихмина, 1978. С.46). Проведенный анализ показал, что определенное, но не очень высокое сходство между сравниваемыми комплексами II группы посуды Быргындинской стоянки и нижнего горизонта городища Каменный Лог прослеживается в технологии изготовления сосудов (66,8%) и в их форме (71,1%). Однако сравнение этих же комплексов по наличию отдельных элементов узора и технике их выполнения дают исключительно низкие результаты, что отмечается и самой исследовательницей. Коэффициент сходства между ними равен всего лишь 27,8% (Ашихмина, 1978. С.51, 52, табл. 23), что скорее свидетельствует об их значительном различии. Это различие обусловлено не только крайне редким использованием одинаковых элементов орнамента, но и выполнением их

в совершенно различной технике (Ашихмина, 1978. Табл. 5, 6, Рис. 2).

Для посуды раннего железного века Быргындинской стоянки характерно использование вдавлений (58,7%), зубчатого штампа (10%) и шнуровых оттисков (30,4%). Для украшения посуды раннего горизонта городища Каменный Лог применялся только шнур (100%). Соответственно различаются и элементы узора. Для раннешнуровой керамики наиболее характерными являются горизонтальные, сгруппированные по 2–4 и более линии шнура, а также часто заключенный между ними узор из наклонных и волнообразных линий, заштрихованные ромбы и «решетка» (Ашихмина, 1977. С.150, Рис. 3, 6, табл. 11).

Узор, характеризующий быргындинскую керамику, представлен елочкой и столбиками, выполненными вдавлениями. Иногда они наносились бессистемно. Реже эти узоры выполнены зубчатым штампом. Шнуровыми оттисками выполнены преимущественно многорядные разреженные линии. Значительно реже встречаются зигзаг, наклонные и перекрещивающиеся линии (Ашихмина, Генинг, 1977. С.110–112, Рис. 3, 7–11, табл. 11). В целом, как уже отмечалось, орнаментация поздней посуды Быргындинской стоянки имеет ту же характеристику, что и нижнекамская. Абсолютно большая часть узоров раннешнуровой керамики не имеет в ней прототипов. Значительная разница ощущается и в степени орнаментированности этих комплексов. Раннешнуровая керамика значительно чаще украшалась по плечу, чем посуда Быргындинской стоянки (Ашихмина, 1977. Табл. 10; Ашихмина, Генинг, 1977. Табл. 2).

Несколько более высокий коэффициент сходства был получен при сравнении орнаментации быргындинской посуды с орнаментом посуды I Икского поселения (43,5%). Однако, как замечает сама исследовательница, значительная часть материалов этого памятника содержит керамику, близкую керамике поселений западных районов Среднего Поволжья – Васильсурскому, Малахейскому и городищу Ройский Шихан на Вятке (Ашихмина, 1978. С.53, табл. 23, Рис. 4, 7–10, 12; 5, 6, 8). Несколько более высокий коэффициент сходства был получен здесь в результате присутствия на части посуды I Икского поселения узоров из наклонных оттисков зубчатого штампа, характеризующих вятско-ветлужскую группу памятников (Ашихмина, 1978. Табл. 6). Однако и это не свидетельствует об их генетическом родстве, поскольку, как будет показано ниже, керамика вятско-ветлужской группы имеет иные истоки. Как одну из любопытных деталей можно отметить наличие в быргындинской керамике большого числа сосудов (28%), украшенных только ямками

(Ашихмина, Генинг, 1977. Табл. 6), что является одной из наиболее характерных черт керамики начала раннего железного века в Волго-Камье. В нижнем горизонте городища Каменный Лог было отмечено только 9,6% таких сосудов, а на I Зуево-Ключевском городище и на Икском I поселении – ни одного (Ашихмина, 1985в. Табл. 8). Очень мало их (1,3%) и на посуде VI Заюрчимского поселения (Денисов, 1968. Табл. 1). Отсюда следует, что сосуды, украшенные только ямками, совершенно не характерны для раннешнуровой керамики. Их число возрастает и достигает уровня предшествующих памятников только на поздних этапах своего развития (Ашихмина, 1977. С.151, табл. 10; 1985в. С.74–77, табл. 8).

Совершенно не характерны для предшествующей керамики и следы лощения на внешней поверхности сосудов, в то время как для собственно шнуровой посуды лощение является одним из наиболее характерных приемов ее обработки (Ашихмина, 1985в. С.64, табл. 3).

Как мы видим, приведенные выше данные не свидетельствуют о преемственности раннешнуровой керамики от еще более ранней, хранящей маклашеевскую традицию. Предложенная Л.И.Ашихминой схема выглядит не совсем убедительно. Для решения проблемы генезиса раннешнуровой керамики ею было привлечено всего лишь 266 фрагментов, из которых в качестве исходных использовано только 25 фрагментов Быргындинской стоянки*. В результате остались нераскрытыми причины столь резких изменений в керамике, выразившихся: 1) в появлении техники лощения поверхности сосудов, 2) в резком увеличении степени орнаментированности посуды, 3) в исчезновении сосудов, украшенных только ямками, 4) в полном отказе от традиционных узоров, выполненных вдавлениями, оттисками зубчатого штампа и появлении новых узоров, выполненных оттисками шнура. Следует отметить, что существенно изменяется и стиль собственно шнуровых узоров. Раннешнуровая керамика не имеет их прототипов в шнуровых узорах постмаклашеевской посуды, а имеющиеся совпадения единичны.

Значительные отличия раннешнуровой керамики, наиболее резко проявляющихся в орнаментации, позволяют с уверенностью говорить, что

* Быргындинская стоянка (керамика II группы) – 25 фрагментов, ранний слой I Зуево-Ключевского городища – 104 фрагмента; I Икское поселение – 54 фрагмента; нижний горизонт городища Каменный Лог – 83 фрагмента (Ашихмина, 1978; 1985в). Материалы других памятников, обработанные Л.И.Ашихминой, являются более ранними или более поздними, чем перечисленные выше, и непосредственного отношения к проблеме генезиса раннешнуровой керамики не имеют.

ни племена Нижнего Прикамья, ни племена быргындинской, курмантауской или ерзовской групп, наследующих маклашеевскую традицию, в ее формировании участия не принимали. Появление на памятниках Средней Камы раннешнуровой керамики следует рассматривать как результат проникновения сюда в VI в. до н.э. нового населения. В противном же случае возникает естественный вопрос: что послужило причиной столь резких изменений в орнаментации керамики Среднего Прикамья к VI в. до н.э., если до этого времени в посуде Волго-Камья господствовало относительное однообразие?

Истоки керамики, украшенной сложной шнуровой орнаментацией, остаются во многом пока еще неясными. Основная масса памятников, дающих ее, сосредоточена в Пермском Прикамье. Лежащие севернее территории принадлежали лебяжским племенам, изготавливавшим керамику с гребенчатой орнаментацией (Кани-

вец, 1974. Рис. 67; Буров, 1983. Рис. 1).

Следует отметить, что некоторую близость к керамике со сложношнуровой орнаментацией проявляет керамика первой группы, выделяемая на гамаюнских памятниках Зауралья (Косарев, 1981. С.182, Рис. 70). Однако это сходство, безусловно, не может указывать на их прямую связь. Скорее всего можно предполагать формирование этих типов керамики на какой-то общей основе, которую следует помещать в еще очень малоисследованных северных районах Среднего Урала. Нужно сказать, что новые материалы, полученные в результате интенсивно проводящихся в Пермском Прикамье раскопок, отличаются значительной пестротой. К сожалению, они до настоящего времени остаются не верифицированными и неопубликованными. Не исключено, что их детальное изучение укажет конкретную область формирования керамики со сложношнуровой орнаментацией.

3.5. О происхождении и культурной принадлежности ананьинских памятников Вятки и Ветлуги

Вопрос о преемственности традиций изготовления вятско-ветлужской (гребенчато-шнуровой) керамики является весьма важным. Здесь необходимо повторить, что постмаклашеевская керамика была распространена только на Средней Волге, Каме и Белой. Следовательно, гребенчато-шнуровая керамика вятско-ветлужской группы не имеет в ее лице местных корней, что ставит под сомнение положительное решение вопроса об их преемственности. Не свидетельствуют в пользу этого и значительные различия между вятско-ветлужской и нижекамской керамикой, отмеченные выше.

В поисках истоков формирования керамики вятско-ветлужской группы значительно больше привлекают к себе внимание керамические комплексы памятников ананьинского времени Северного Приуралья. Сравнение их с вятско-ветлужскими позволяет говорить не только об их значительном сходстве, но и показывает их полное тождество. Судя по количеству известных здесь памятников, Северное Приуралье являлось основной областью распространения гребенчато-шнуровой керамики в раннем железном веке (Канивец, 1974. Рис. 68; Ашихмина, 1977а. Рис. 1). Многие исследователи считают, что в основе ее формирования лежит посуда лебяжской культуры, относящаяся, по их мнению, к концу эпохи бронзы (Савельева, 1971. С.177 и др.; Лузгин, 1967. С.98; 1972. С.86; Канивец, 1974. С.135; Стоколос, Королев, 1984. С.27; Ашихмина, 1979а; 1985б. С.22).

Г.М.Буров, например, наиболее ранние комп-

лексы гребенчато-шнуровой керамики прямо называет позднелебяжскими (1967. С.122–125). Действительно, занимая бассейны рек Печоры и Вычегды, эта керамика наследует территорию распространения предшествующей лебяжской керамики (Канивец, 1974. Рис. 67, 68; Буров, 1983. Рис. 1). Трудно не обратить внимания на единство в композиционном построении и элементах узора лебяжской и наследующей ей гребенчато-шнуровой керамики. Основное их различие, пожалуй, выражается только в замене гребенчатой техники на шнуровую при нанесении сплошных горизонтальных линий (Рис. 23–29). Имеются также сосуды и с переходными типами орнамента, когда на одном и том же сосуде содержатся как зубчатые, так и шнуровые горизонтальные линии (Рис. 21, 1, 4, 7). Значительное сходство между лебяжской и гребенчато-шнуровой посудой наблюдается и в способе оформления ямок, сопровождающих основной узор (табл. 8). Все это, несомненно, указывает на лебяжскую основу гребенчато-шнуровой керамики. Однако наличие на постлебяжской посуде большого числа шнуровых узоров, наряду с гребенчатыми, дает основание предполагать в ее сложении участие еще одного компонента. Наиболее вероятным претендентом на эту роль, очевидно, следует считать керамику с «классической» шнуровой орнаментацией, которая распространилась в это же время в Среднем Прикамье.

В настоящее время трудно указать конкретно область формирования гребенчато-шнуровой посуды. Для этого потребуются дальнейшие ис-

следовательские поиски. Но думается, что такой зоной могло быть Пермское Прикамье, на памятниках которого встречаются в чистом виде как «классические» сложношнуровые, так и гребенчатые (лебяжские) керамические комплексы.

Появление гребенчато-шнуровой керамики на Вятке и Ветлуге следует рассматривать как результат продвижения сюда некоторой части северно-приуральского населения. Оно заняло приустьевые районы этих рек на Каме и Волге. Именно этим можно объяснить наличие гребенчато-шнуровой керамики в верхних отложениях слоев некоторых камских и волжских памятников, расположенных в районах вятского и ветлужского устья.

Среди памятников ананьинского времени Северного Приуралья выявляется культурный тип, названный чаркабожским (Канивец, 1974. С.116–120, 139–145, Рис. 65, 66). По мнению исследователей, он отражает взаимоассимиляционный процесс между местными и пришлыми зауральскими (гамаюнскими) племенами (Канивец, 1974. С.142–144; Ашихмина, 1984. С.122). Интересен тот факт, что при движении в вятский бассейн северо-приуральские племена увлекли за собой и часть этого смешанного населения. На некоторых нижнекамских памятниках известны отдельные находки керамики, орнаментированные крестовыми и змеевидными отпечатками (Рис. 30). Но, пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией этому могут служить материалы I и II Чутайских городищ, расположенных в Вятском бассейне, на границе Татарии и Кировской области. Несмотря на незначительный объем проводившихся здесь работ, оба памятника дали керамику, большая часть которой имеет узоры, выполненные крестовым и фигурным штампом (Рис. 31). Любопытно отметить, что некоторые из фрагментов имеют смешанную крестово-шнуровую орнаментацию (Рис. 30, 2, 4; 31, 1, 5, 6, 8), свидетельствующую

о нивелировке двух традиций.

Заселение северно-приуральскими племенами бассейна рек Вятки и Ветлуги происходило, очевидно, в одно время с заселением Средней Камы племенами, изготавливавшими керамику со сложношнуровой орнаментацией, то есть в VI в. до н.э. Значительная однородность описанной выше керамики ранних вятских городищ свидетельствует о ее существовании в рамках одного узкого хронологического периода. По материалам городища Ройский Шихан было датировано VII–V вв. до н.э. (Архипов, 1962. С.196, 203). В то же время находки костяных предметов со стилизованным изображением животных на городищах Ройский Шихан и Аргыжском не позволяет датировать эти памятники временем ранее VI в. до н.э. Как было показано выше, эту же дату фиксируют и некоторые поздние комплексы поселений Нижней Камы, содержащие гребенчато-шнуровую керамику.

Следует отметить, что заселение Вятки и Ветлуги племенами Северного Приуралья в VI в. до н.э. шло по уже проторенным дорогам. По всей вероятности, отдельные группы лебяжского населения проникали сюда и ранее, то есть в самом начале раннего железного века. Находки керамики лебяжского облика известны на вятских стоянках Буй I (Трефц, 1985. Рис. 4, 4, 5), Лобань I (Гусенцова, Сенникова, 1988. Рис. 10, 3), Этанцы II (Сенникова, 1980. Рис. 3, 10), на Чутайском I городище (Рис. 29, 5), а также составляют значительную категорию находок на камских городищах Сухой Берсут и Черепашье, расположенных недалеко от Вятского устья.

Лебяжская керамика была обнаружена и на Ветлуге в материалах Богородского городища (Рис. 29, 1, 2), а также в материалах Ардинского городища (Рис. 29, 4) и Малахайского селища (Рис. 29, 3), расположенных на Волге, неподалеку от Ветлужского устья.

3.6. О культурной принадлежности ананьинских кельтов

Кельты являются самыми характерными и многочисленными из орудий Волго-Камья ананьинского времени. Наиболее полно сведения обо всех известных к настоящему времени кельтах отражены в работах А.Х.Халикова (1977), В.С.Патрушева (1975) и С.В.Кузьминых (1977; 1983).

По своей форме кельты разделяются на две большие группы – плоские ананьинские (КАН) и трубчатые аозинско-меларские (КАМ) (Халиков, 1977. С.108; Патрушев, 1975. С.29; Кузьминых, 1983. С.57–90). Кроме того, ананьинские кельты (КАН) всеми указанными авторами по форме втулки подразделяются на кельты с линзовидным или овальным ее сечением (КАН-

I) и кельты с шестигранной втулкой (КАН-II).

Кельты аозинско-меларские (КАМ) сконцентрированы преимущественно в западных пределах Волго-Камья (Халиков, 1977. Рис. 47; Кузьминых, 1983. Рис. 56). А.Х.Халиков рассматривает их наличие у средневожского населения ананьинского времени как одну из особенностей этого региона (Халиков, 1962. С.115). Ряд других исследователей, определяя форму кельтов как один из важнейших показателей, связывает их с кругом памятников, оставленных населением, изготавливавшим «текстильную» керамику (Кузьминых, 1983. С.157, 158; Патрушев, 1984. С.167; 1986. С.43–45).

Кельты с овальным или линзовидным сечением втулки (КАН-I) были распространены на всей территории Волго-Камья (Халиков, 1977 Рис. 44; Кузьминых, 1983. Рис. 46-а). Наибольшее число находок КАН-I приходится на район Среднего Поволжья с Усть-Камьем, что, по мнению С.В.Кузьминых, было обусловлено большим числом исследованных здесь ранних ананьинских могильников, в которых КАН-I резко преобладают над КАН-II (1983. С.76).

КАН-II также распространены на всей территории Волго-Камья, однако основная их масса сосредоточена в восточных районах – по Каме, исключая ее приустьевую часть, и Вятке (Халиков, 1977. Рис. 45; Кузьминых, 1983. Рис. 46-б). Особую группу, по мнению исследователей, составляют средневожские КАН-II, представленные преимущественно материалами Старшего Ахмыловского и Акозинского могильников (Халиков, 1977. С.123; Кузьминых, 1983. С.78; Патрушев, 1984. С.168, 169).

Общераспространенным является мнение, что КАН-I являются наиболее ранними, а появление основной массы КАН-II относится ко времени не ранее VI в. до н.э. (Халиков, 1977. С.119; Кузьминых, 1983. С.78, 177; Патрушев, 1984. С.74).

К решению вопроса о происхождении основных типов КАН исследователи подходят по-разному. А.В.Збруева считала, что ананьинские кельты наследуют сейминскую традицию (1952. С.108–110). Б.Г.Тихонов (1960. С.42) и С.В.Кузьминых (1983. С.77) усматривают использование сейминских традиций только при изготовлении КАН-II. Формирование КАН-I С.В.Кузьминых, вслед за А.Х.Халиковым, предполагает на базе кельтов с лобным ушком эпохи поздней бронзы, причем в восточных пределах общности, по его мнению, возобладала первая, а в западных – вторая линия развития (1983. С.77).

Иной точки зрения придерживается А.Х.Халиков, считая, что КАН-II является результатом развития КАН-I. Он указывает при этом на то, что традиции орнамента КАН-II во многом преемственны с орнаментом КАН-I. Причем одним из главных его аргументов против сторонников сейминской линии развития КАН-II является их большой хронологический разрыв с сейминскими кельтами (Халиков, 1977. С.123). Очевидно, следует согласиться с А.Х.Халиковым, отрицающим прямую генетическую преемственность КАН-I и КАН-II. Однако различия между этими сериями кельтов в общем оформлении, пропорциях и большей частью в орнаментации проступают настолько явно, что дают повод сомневаться и в их генетическом родстве. В связи с этим автор отдает предпочтение мнению о формировании КАН-I и КАН-II

на различной основе, что подтверждается, как будет показано ниже, и другими фактами.

Отметим, что автор не согласен и с вышеизложенным замечанием С.В.Кузьминых о том, что преобладание КАН-I над КАН-II в районе Усть-Камья обусловлено лишь только большим числом исследованных здесь раннеананьинских памятников. Общее число известных погребений с памятников Нижней Камы значительно уступает числу погребений с синхронных памятников Марийского Поволжья. Однако, последние содержат очень большой процент КАН-II (Халиков, 1962. С.38–40; Кузьминых, 1983. Табл. 1). Редкие находки КАН-II с памятников Нижней Камы, а также Белой – не случайность, и в этом явлении отразилась одна из основных особенностей сложившейся в VI в. до н.э. этнической ситуации. Об этом свидетельствуют результаты, полученные путем сопоставления данных картографирования кельтов и керамики ананьинского времени в Волго-Камье.

Выше уже было показано, что керамика, аналогичная находкам нижекамских городищ, была распространена на обширной территории, занятой в предшествующее время маклашеевскими племенами (Рис. 57). Она наследует традицию изготовления маклашеевской посуды и представляет собой единый культурный и хронологический пласт. Исключение составляют только бассейны рек Вятки и Ветлуги, где, несмотря на то, что имеются немногочисленные маклашеевские комплексы, керамика, аналогичная нижекамской, неизвестна. Важно то, что именно в это время и в этих же пределах были распространены ананьинские кельты (КАН-I) с линзовидным сечением втулки (Рис. 59А). Встречаясь почти на всей территории Волго-Камья, они остаются совершенно не известными в бассейнах рек Вятки и Ветлуги, свидетельствуя об отсутствии здесь изготавливавшего их населения. Очевидно, это надо ставить в прямую зависимость от проникновения на рубеже IX–VIII в. до н.э. в бассейны рек Вятки и Ветлуги лебяжского населения из Северного Приуралья, которое вытеснило отсюда маклашеевские племена, прервав их дальнейшее развитие. Следы их пребывания, как уже отмечалось, достаточно четко фиксируются как на собственно ветлужских и вятских поселениях, так и в их приустьевых районах на Каме и Волге.

В VI в. до н.э. в Прикамье получают широкое распространение кельты с шестигранным сечением втулки (КАН-II), причем, исключительно в тех пределах, где в это же время распространилась керамика с высоким процентным содержанием узоров, выполненных шнуровой техникой (Рис. 58, 59Б). Это позволяет рассматривать КАН-II как одну из принадлежностей и этничес-

ким показателем населения, изготовлявшего и гребенчато-шнуровую керамику. Исключение здесь составляет только бассейн р. Ветлуги, где шестигранные кельты неизвестны. Однако их много на средневожских могильниках, расположенных в районе распространения гребенчато-шнуровой керамики ветлужской группы. На территории Усть-Камья с прилегающим участком Волги и в бассейне Белой КАН-II так же, как и шнуровая керамика, фактически не встречаются,

а отдельные их находки значительно отличаются от классических шестигранных кельтов, встречающихся в Ананьинском, Котловском и Зуевском могильниках. Скорее, здесь они представляют собой промежуточную форму между КАН-I и КАН-II. Об этом можно судить по наличию орнаментальных поясков, окружающих втулку, и отсутствию у большей их части орнамента на фаске – черт, характерных для КАН-I.

3.7. К вопросу о выделении этнокультурных компонентов населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху

Предположение о неоднородности волго-камского населения с VI в. до н.э. подтверждается и другими фактами.

Исследовавший цветную металлургию Волго-Камья, С.В.Кузьминых выделяет две фазы существования ананьинского металлургического очага. На второй фазе, совпадающей по времени с функционированием могильников Ананьинского, Зуевского, Котловского и Релки, происходят, по его мнению, значительные изменения в типах изделий, в соотношении их химических и металлургических групп, связанные с переориентацией связей ананьинских племен от южных на восточные (Кузьминых, 1983. С.176–180). В какой-то мере этот вывод подтверждается и отмеченным выше сокращением к VI в. до н.э. употребления в Волго-Камье изделий из железа. Это в полной мере согласуется с несвойственным или ограниченным для некоторых зауральских и сибирских племен употреблением железа в первой половине I тыс. до н.э. (Членова, 1967. С.14; Бельтикова, 1981. С.125; Борзун, 1982. С.105). Напомним, что взаимовстречаемость железных предметов с шестигранными кельтами гораздо реже, чем с линзовидными (табл. 44).

Не противоречат этому выводу и антропологические материалы. Серия черепов, полученная из Ананьинского, Луговского и Котловского могильников, дала исследователям возможность говорить о том, что в ананьинскую эпоху в Прикамье обитало население с сильно выраженными монголоидными чертами, связанное своим происхождением с Западной или Северо-Западной Сибирью (Трофимова, 1941; 1951. С.103; 1968. С.90; Збруева, 1952. С.21; Алексеев, 1981. С.61). Вместе с тем, средневожские могильники (II Маклашевский, II Полянский, Гулькинский) содержат антропологические материалы с более выраженными европеоидными чертами (Трофимова, 1948. С.39; 1954. С.500; 1968. С.89; Халиков, 1969. С.375; Алексеев, 1981. С.54). По всей вероятности, они характеризуют население всего Волго-Камья, обитавшего здесь еще с эпохи бронзы. Подтвержде-

нием этому служит европеоидная серия черепов, происходящих из Кумысского могильника маклашевского времени, расположенного в восточных пределах Татарии (Акимова, 1962. С.233, 234), то есть на той же территории, где расположены Луговской, Ананьинский и Котловский могильники. Обнаруженные в последних монголоидные черепа иллюстрируют антропологический тип населения, принесшего в Прикамье керамику, украшенную шнуровыми узорами.

Здесь уместно привести замечание М.С.Акимовой, которая считает, что антропологический тип, представленный в Луговском могильнике, не является характерным для всего населения ананьинской культуры, а отражает лишь проникновение какой-то небольшой группы монголоидного населения в местную, в основном европеоидную, среду (1961. С.133, 134).

Все исследователи, изучавшие погребальный обряд ананьинских племен, отмечали очень близкие черты его сходства для всех известных могильников. К таковым они относят: а) расположение их по берегам рек; б) расположение могил рядами, в большинстве случаев без каких-либо внешних признаков; в) речная ориентировка погребенных (головой или ногами к реке); г) наличие одиночных, парных, коллективных и частичных погребений; д) большую роль в погребальном обряде огня; е) сопровождение умерших погребальным инвентарем (Збруева, 1952. С.111–124; Смирнов, 1952. С.67; Халиков, 1962. С.33, 114; 1977. С.88–101). Однако здесь необходимо отметить еще одну немаловажную деталь: в Волго-Камье отсутствуют могильники вне пределов распространения постмаклашевской керамики и кельтов с линзовидным сечением втулки. Нет их и в Северном Приуралье, за исключением одного очень сомнительного случая (Королев, 1985. С.35–37). Это позволяет сделать предположение, что для племен, изготавливавших гребенчато-шнуровую, а, возможно, и сложношнуровую керамику, обряд захоронения умерших в землю не был характерным. Появление же в некоторых волго-камских могильниках погребений с шес-

тигранными кельтами и сосудов со сложношнуровой орнаментацией следует рассматривать как результат взаимосмешения и культурного влияния местного постмаклашеевского населения на пришлое. В связи с этим необходимо отметить, что П.П. Ефименко считал возможным говорить о существовании у ананьинцев наземного способа захоронения (1948. С.23).

Важно отметить еще и тот факт, что появление нового населения в Прикамье относится ко времени гораздо более позднему, чем время начала функционирования многих могильников с уже устоявшимися чертами погребального обряда (Луговской, Мурзихинский I, Пустоморквашинский, Ново-Мордовский I), а некоторые из них уже даже не использовались местным населением (Тетюшский, Мурзихинский II).

Не исключено, что именно с началом проникновения нового населения в Прикамье возникают первые укрепления на поселениях, время возведения которых приблизительно совпадает с ним. В целом же материалы позволяют считать, что отношения между местным и пришлым населением складывались мирным путем и, возможно, выражались в установлении брачно-родственных контактов. Об этом свидетельствуют материалы среднекамских могильников, содержащих совместные погребения с КАН-I и КАН-II, а также погребения с европеоидными, монголоидными и метисными формами черепов (Трофимова, 1948. С.42; 1951. С.101). Об этом же свидетельствует и смешанный характер материалов ранних слоев Галкинского городища (Збруева, 1940. С.98, 99, табл. IV, V), I Зуево-Ключевского городища (Ашихмина, 1985. С.68–82) и слоя ананьинского времени Бирского поселения на Белой (Васильев, Горбунов, 1975. С.156, табл. 2, 3). Районы Средней Белой и Нижнего Прикамья остались недоступными для пришлых среднекамских племен. Однако отдельные находки на памятниках курмантауской и нижнекамской группы свидетельствуют об оживленных взаимоотношениях местных племен с пришельцами. Возможно, что эти отно-

шения заходили несколько дальше, чем обычные деловые связи. Так, антропологические материалы Гулькинского могильника имеют одну интересную особенность: у женских черепов монголоидность была выражена намного сильнее, чем у мужских, что сближает их с монголоидными черепами Луговского могильника (Трофимова, 1954. С.501). Вполне вероятно, что здесь мы имеем дело с обычаем нижнекамских племен брать себе жен со стороны, в данном случае с территории Средней Камы. Элементы смешения встречаются и в керамике. На Нижней Каме известно несколько фрагментов, сочетающих в орнаментации традиционные для местного населения столбики вдавления или елочку, расположенные на шейке и строенные или сдвоенные шнуровые оттиски, расположенные горизонтально под ними (Рис. 9, 1, 2). Весьма интересным в этом отношении является сосуд из Макарьевского городища, на котором имеется два типа орнамента, расположенные на его диаметрально противоположных сторонах. На одной из них нанесен типичный для нижнекамской посуды орнамент, выполненный вдавлениями, на другой – строенные шнуровые оттиски, чередующиеся с наклонными оттисками вдавлений (Рис. 11, 1). Характерно, что большая часть гибридной посуды была обнаружена в верхнем горизонте городища Сорочьи Горы.

Результатом смешения традиций, видимо, следует считать и своеобразную орнаментацию некоторых шестигранных кельтов. Сохранив общую форму и пропорции, эти кельты имеют орнаментацию, близкую к орнаментации КАН-I, что уже отмечалось выше. Показательно то, что эти переходные формы кельтов имеют более широкое распространение, чем КАН-II в целом и совпадают по территории распространения с КАН-I (Кузьминых, 1983. С.69, Рис. 49-б, КАН-64). Следует также отметить, что население Нижнего Прикамья, окруженное с востока и запада племенами вятско-ветлужской группы, поддерживало с ними более тесные взаимоотношения, чем со среднекамскими.

3.8. О судьбе ананьинского населения Нижней Камы

На рубеже VI–V вв. до н.э. ананьинское население покинуло пределы Нижней Камы. Обстоятельства столь неожиданного ухода остаются во многом неясными. А.Х.Халиков ставит его в прямую зависимость от скифо-персидского конфликта 514 г. до н.э. (1977. С.258). Однако это кажется маловероятной причиной того, чтобы такое исключительное в природно-географическом отношении место, каким является район слияния Волги с Камой, оставалось незаселенным после этого почти целое тысячелетие.

Не исключена возможность, что на рубеже VI–V в. до н.э. в этих районах разразилась сильная эпидемия, в результате которой население их покинуло. Память же о ней долгое время служила одной из причин того, что эта область оставалась незаселенной.

Отток населения из Нижнего Прикамья, по мнению исследователей, проходил по двум основным направлениям: в северные или северо-западные районы и в восточные, камские или бельские (Халиков, 1977. С.258; Кузьминых,

1983. С.170; Иванов, 1982. С.74).

Наличие «текстильной» керамики на камских поселениях (Гремячий Ключ, Грохань и др.), очевидно, не следует рассматривать, как результат перемещения нижекамского населения к востоку (Кузьминых, 1983. С.170). Как уже было показано, «текстильная» керамика была связана с комплексами самого начала ананьинской эпохи.

Отдельные находки керамики типа нижекамской вместе с гребенчато-шнуровой известны на некоторых памятниках Волго-Окского междуречья и в более северных районах (Горюнова, 1961. С.22–28; Фосс, 1952. С.89).

По мнению В.А.Иванова, нижекамские племена передвинулись в бассейн Белой, где они образовали так называемый «бельский» вариант ананьинской культуры, ставший одним из основных компонентов сложения кара-абызской культуры (1978. С.15). Действительно, нижекамская керамика имеет значительные черты сходства с кара-абызской. Однако, на наш взгляд, пока нет достаточных оснований усматривать в ней истоки керамики «бельского» варианта ананьинской культуры. Правильнее, видимо, будет предполагать самостоятельное развитие бельских племен, безусловно, родственных нижекамским, на базе курмантауской группы населения раннеананьинского времени. Керамика курмантауской группы имеет очень много общих черт с кара-абызской, особенно в орнаментации. По мнению А.Х.Пшеничнюка (1973), наиболее убедительны в этом отношении материалы Усть-Юрюзанского поселения, где в раннем комплексе четко прослеживается постепенный переход от курмантауской керамики к посуде «бельского» варианта ананьинской культуры.

После того как в VI в. до н.э. в связи с приходом на Среднюю Каму и Нижнюю Белую нового населения были нарушены прямые контакты нижекамских племен с бельскими, развитие последних происходило в условиях относительной изоляции (Иванов, 1982. С.74). Памятники, являющиеся промежуточным звеном между курмантаускими и кара-абызскими, вероятно, нет необходимости выделять в особый «бельский» вариант ананьинской культуры и скорее следует рассматривать как раннекараабыз-

ские. В раннекараабызских могильниках (Старший Шиповский, по ул. Трактовой) еще сохраняются бронзовые кельты с линзовидным сечением втулки (Пшеничнюк, 1967. С.157; 1982. С.98, Рис. 4, 15), свойственные для круга памятников Волго-Камья, предшествовавших по возрасту шнуровой керамике.

Думается, что в поисках следов населения, покинувшего Нижнюю Каму, могут оказаться весьма перспективными результаты исследования памятников Пермского Прикамья. В пользу этого свидетельствуют значительные изменения в керамике этого региона к позднеананьинскому времени. Керамика со сложношнуровой орнаментацией, широко распространившаяся здесь с VI в. до н.э., вновь начинает приобретать черты, сближающие ее с ерзовской и нижекамской. Значительно реже (всего лишь 6%) начинают встречаться сосуды чашевидных форм. Преобладающими становятся высокие сосуды с прямой или отогнутой шейкой. Исчезает их лощение. Сокращается число сосудов, украшенных оттисками шнура (до 20%) и зубчатого штампа (до 6%). Зато вновь появляется орнамент из вдавлений, образующих елочку, столбики и зигзаги (Вечтомов, 1967. С.144, табл. 1, 127–140). Позднее этот тип орнаментации будет являться одним из наиболее характерных для гляденовской посуды Верхнего и Среднего Прикамья (Поляков, 1967. С.209, 210, Рис. 3, табл. 2).

Своеобразно складывается судьба племен, населявших волжские памятники, расположенные ниже устья р. Камы. Характеризуемые чертами, отражающими процесс взаимоассимиляции нижекамских и аозинских племен (Марков, 1985), их культура после ухода из Нижнего Прикамья окончательно складывается на территории Самарской Луки и доживает здесь до IV–III вв. до н.э. (Матвеева, 1975. С.98).

С уходом населения из Нижнего Прикамья начинается длительный период его запустения вплоть до появления здесь азелинских, а затем именковских племен середины I тыс. н.э. И только отдельные невыразительные находки, происходящие из случайных сборов, свидетельствуют о кратковременном посещении этой территории пьяноборскими племенами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют быть твердо уверенным в том, что раннеананьинскую общность не следует рассматривать как нечто однородное, единое и неделимое. Ее составляли несколько групп населения, имевших различные генетические истоки. Из них наиболее многочисленной является та, которая сформировалась на позднебронзовой маклашеевской основе. Памятники этой группы занимают участок Средней Волги от устья Ветлуги до южной границы Татарии, Каму от ее устья до Перми и Белую с максимальной их концентрацией в приустьевых районах Камы (Рис. 57). Маклашеевская основа этой группы памятников подтверждается целым рядом фактов: единством территории; сходством погребального обряда, керамики и некоторых типов вещей; использованием в течение длительного времени одних и тех же могильников и мест поселений; данными стратиграфии. Наиболее яркими показателями, определяющими эту группу памятников, являются кельты с линзовидным сечением втулки и керамика, обладающая довольно устойчивым набором специфических признаков. Для последней наиболее характерной формой являются горшковидные сосуды с относительно высокими цилиндрическими горловинами, довольно резко переходящими в шаровидное тулово. В подавляющем большинстве орнамент располагается только на шейке. В орнаментации господствуют узоры, vyplненные вдавлениями. Значительно реже сосуды украшались оттисками зубчатого штампа или шнура. Исследования постмаклашеевских памятников в районе их максимального сосредоточения (в Усть-Камье) позволило разработать для них периодизацию, основанную на стратиграфических наблюдениях. Для каждого периода были выделены эталонные керамические комплексы, позволившие рассматривать их в развитии.

Значительно меньшим числом представлены памятники другой группы, расположенные в среднем течении Камы от устья Вятки до Перми и в низовьях Белой. Особенностью их распространения является то, что они в большинстве своем сосредоточены в районе Пермского Прикамья. Ниже по Каме памятники этой группы встречаются реже (Рис. 58). Определяет эту группу памятников очень специфичная лощеная посуда приземистых чашевидных форм, украшенная богатой шнуровой орнаментацией, и кельты с шестигранным сечением втулки. Появление этой керамики в Прикамье, как и шестигранных кель-

тов, относится ко времени не ранее VI в. до н.э. Как уже было отмечено, памятники со сложношнуровой керамикой распространились на той же территории, на которой, хотя и не очень плотно, обитало постмаклашеевское население. Однако сравнение керамики обеих групп памятников не позволяет считать, что одна из них послужила основой для сложения другой. К сожалению, из-за недостаточной изученности пока только очень приблизительно можно назвать область формирования керамики со сложношнуровой орнаментацией. Думается, что такой областью может быть северная часть Среднего Урала.

Судя по имеющимся материалам, племена, изготавливавшие керамику со сложношнуровой орнаментацией, распространившись в Среднем Прикамье, вошли в контакт с местным постмаклашеевским населением. Об этом свидетельствуют смешанные керамические комплексы ранних слоев некоторых поселений (Зуево-Ключевское I, Галкинское, Бирское). Об этом же свидетельствуют и материалы некоторых среднекамских могильников, в которых наряду с погребениями, содержащими постмаклашеевскую посуду и кельты с линзовидной втулкой, появляются погребения с шестигранными кельтами и сложношнуровой посудой.

Третья группа памятников представлена еще меньшим числом. Она характеризуется наиболее ярко чашевидной керамикой с гребенчато-шнуровой орнаментацией и наличием кельтов с шестигранной втулкой. В распространении памятников этой группы есть свои особенности. Они занимают бассейны рек Вятки и Ветлуги, а также их приустьевые районы на Каме и Волге. Интересно, что на Волге и Каме между этими районами гребенчато-шнуровая керамика, за исключением единичных фрагментов, не встречается (Рис. 58). Все это заставляет отказаться от мысли, что заселение вятского и ветлужского бассейна шло через Волгу или Каму (Бадер, 1951. С.22). Следует сказать, что самые северные камские памятники также содержат некоторый процент гребенчато-шнуровой посуды (Вечтомов, 1968. С.81, 82), которую можно типологически отнести к вятско-ветлужской группе. Такая значительная удаленность районов распространения типологически близкой гребенчато-шнуровой посуды становится легко объяснимой, если учесть, что верховья рек Ветлуги, Вятки и Камы находятся в непосредственной близости друг от друга.

Как уже отмечалось выше, формирование гребенчато-шнуровой керамики является результатом взаимосмещения племен лебяжской культуры Северного Приуралья и племен, изготавливавших керамику со сложношнуровой орнаментацией. Основным районом ее распространения является бассейны Печоры и Вычегды. Отсюда она в VI в. до н.э. проникла на Вятку, Ветлугу и в верховья Камы.

На Средней Волге от устья Ветлуги до южных границ Татарии выделяется еще одна группа памятников. Для нее определяющими являются находки кельтов аозинско-меларского типа и своеобразной керамики с «текстильными» отпечатками. Орнаментация этой керамики очень близка орнаментации постмаклашеевской посуды. Объясняется это длительным сосуществованием (с конца эпохи бронзы) и постоянными контактами двух групп населения, живущих на одной территории. С.В.Кузьминых склонен выделять группу населения, оставившую кельты аозинско-меларского типа и «текстильную» керамику, и относить его к особой аозинской культуре (Кузьминых, 1977. С.4; 1983. С.7). Думается, что он прав, считая это население обособленным. Подтверждением этому могут служить наши наблюдения. Как было показано выше, аозинское население покинуло приустьевые районы Камы и территорию казанского течения Волги намного раньше постмаклашеевского, что говорит об их относительной самостоятельности и независимости. В.С.Патрушев склонен считать, что население, изготавливавшее и использовавшее кельты ананьинского типа (КАН), обладало более архаичными чертами по сравнению с населением, использовавшим аозинско-меларские кельты (КАМ). К такому выводу его привел тот факт, что в Старшем Ахмыловском могильнике в погребениях с КАМ железные предметы встречаются чаще, чем в погребениях с КАН (Патрушев, 1984. С.195). Действительно, как в Старшем Ахмыловском, так и в Аозинском могильниках, раскладка железных предметов по группам кельтов получается именно такой. Но следует учесть, что здесь не бралось во внимание то, что кельты с линзовидной втулкой и кельты с шестигранной втулкой принадлежали различным группам населения. Объединение этих кельтов в одну группу и очень низкий процент встречаемости железных предметов с шестигранными кельтами позволили говорить о более передовом укладе хозяйства населения, изготавливавшего аозинско-меларские кельты. Однако это соотношение перераспределяется, если провести подсчет отдельно по каждой из групп кельтов. На первое место по употреблению железа выдвигается группа населения, использовавшего КАН-I, и только на второе – КАМ. Для населения, использовав-

шего КАН-II и керамику с большим содержанием шнуровых узоров, употребление железа было наименее характерным (табл. 44). По всей вероятности, именно в связи с его появлением в Прикамье намечается тенденция к упадку черной металлургии и одновременному подъему цветной. Это явление совпадает по времени с началом второй фазы развития ананьинского металлургического очага (Кузьминых, 1983. С.176–180). С появлением этого населения, очевидно, следует связывать и наличие в погребениях Луговского, Ананьинского и Котловского могильников монголоидных черепов. Возможно, что совместное проживание различных групп населения в Волго-Камье было зафиксировано и свидетельством Геродота. Описывая земли фиссагетов, которых ряд исследователей отождествляет с ананьинскими племенами (Смирнов К.Ф., 1964. С.270; Халиков, 1977. С.248), он указывал, что «в тех же краях по соседству с ними обитают люди по имени иирки» (Геродот, IV, 22).

На рубеже VI–V в. до н.э. постмаклашеевское население покинуло пределы Нижней Камы. Его судьба, как и обстоятельства ухода остаются еще во многом загадочными. Отдельные находки керамики, близкие нижекамским, были обнаружены на некоторых памятниках, расположенных к западу и северо-западу от Нижнего Прикамья (Фосс, 1952. С.89; Горюнова, 1961. С.22–28). Однако более вероятно, что нижекамское население переместилось в северо-восточном направлении, где на относительно поздних ананьинских памятниках наблюдается неожиданное появление керамики с узорами, аналогичными нижекамским (Вечтомов, 1967. С.144, табл. 1).

Несколько иначе сложилась судьба смешанных аозинско-маклашеевских племен, обитавших на волжских поселениях, расположенных южнее устья Камы. По всей вероятности, памятники белогорского типа на Самарской Луке, которые они оставили после ухода с территории Усть-Камья, представляют еще одну самостоятельную группу ананьинского населения.

Заключая, отмечу, что настоящее исследование открывает дальнейшую перспективу для изучения памятников ананьинского времени как в Волго-Камье, так и за его пределами. Выяснение характера связей между выделяемыми группами населения, определение их роли и места помогут глубже разобраться в вопросах, связанных с решением многих проблем, стоящих перед исследователями культур Волго-Камья послеананьинского времени. Это в конечном итоге может сыграть положительную роль и в исследованиях, связанных с проблемой этногенеза современных финноязычных народов Среднего Поволжья и Прикамья: мари, мордвы, удмуртов и коми.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова М.С. Антропологический состав населения пьяноборской культуры // Вопросы антропологии. 1961. №3. С.133–134.
- Акимова М.С. Палеоантропологические материалы из погребений эпохи бронзы и раннего железа с территории Среднего Поволжья // ТМАЭ. 1962. Т. 2. С.232–240.
- Алабин П.В. Ананьинский могильник // Вестник географического общества. 1860. №6. С.87–120.
- Алексеев В.П. К палеоантропологии ананьинской культуры // СЭ. 1981. №4. С.53–62.
- Археологическая карта ТАССР: Предкамье. М., 1981.
- Археологическая карта ТАССР: Западное Закамье. Часть 1. Казань, 1986.
- Архипов Г.А. Ананьинские городища на р. Вятке // ТМАЭ. 1962. Т. 2. С.188–205.
- Архипов Г.А., Патрушев В.С. Ардинское городище // АЭМК. 1982. Вып. 6. С.51–82.
- Архипов Г.А. Основные этапы этногенеза марийцев // АЭМК. 1985. Вып. 9. С.5–23.
- Ашихмина Л.И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977. С.139–166.
- Ашихмина Л.И. Раннеананьинские поселения на верхней Мезени // МАЕСВ. 1977а. Вып. 6. С.37–47.
- Ашихмина Л.И. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на Средней Каме // МАЕСВ. 1978. Вып. 7. С.38–70.
- Ашихмина Л.И. К вопросу о происхождении ананьина в Удмуртском Прикамье // Вопросы финно-угроведения: ТД на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. С.58.
- Ашихмина Л.И. Некоторые проблемы эпохи раннего железа на Европейском Северо-Востоке // Там же. 1979а. С.57.
- Ашихмина Л.И. Керамика гамаюнского типа на поселениях в бассейне Печоры // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С.112–122.
- Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры Среднего Прикамья / Доклад на VI МКФУ // Серия препринтов «Научные доклады» Коми филиала АН СССР, вып. 119. Сыктывкар, 1985.
- Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ): АКД. М., 1985а.
- Ашихмина Л.И. Культуры эпохи раннего железа в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985б. С.20–34.
- Ашихмина Л.И. Керамика ананьинских поселений Среднего Прикамья // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1985в. С.55–80.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977. С.93–138.
- Бадер О.Н. Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней историей Поволжья // СЭ. 1951. №2. С.15–41.
- Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // МИА. 1951а. №22. С.110–158.
- Бадер О.Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции [1947–1952] // УЗ ПГУ. 1953. Т. 9, вып. 3. С.3–88.
- Бадер О.Н. Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры // УЗ ПГУ. 1960. Т. 12, вып. 1. С.132–150.
- Бадер О.Н. Ананьинское и более поздние селища на Огурдинской стоянке близ Усолья // УЗ ПГУ. 1960а. т. 12, вып. 1. С.151–159.
- Бадер О.Н. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // ОКВАЭ. 1961. Вып. 2. С.110–271.
- Бадер О.Н., Кадиков Б.Х. Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Сарапулом // СА. 1957. № 3. С.136–158.
- Бадер О.Н., Оборин В.А. Очерки работ Камской археологической экспедиции в 1955–1956 гг. // УЗ ПГУ. 1960. Т. 12, вып. 1. С.3–33.
- Бадер О.Н., Соколова З.П. Стоянка Боровое озеро IV на Чусовой // СА. 1953. Т. 18. С.265–280.
- Беговатов Е.А., Истомин К.Э., Марков В.Н., Руденко К.А., Чижевский А.А. Новые находки ананьинского времени с Мурзихинского могильника // Финно-угры России. Вып.1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой.
- Беговатов Е.А., Марков В.Н. Мурзихинский II могильник // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992. С.57–72.
- Беговатов Е.А., Марков В.Н., Патрушев В.С. Исследования Мурзихинского I могильника // АО–1984. М., 1986. С.115.
- Беговатов Е.А., Марков В.Н., Патрушев В.С. Первый Мурзихинский могильник // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань, 1991. С.20–39.

- Бельтикова Г.В. О зауральской металлургии VII–III вв. до н.э. // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. С.118–125.
- Борзунов В.А. Гамаюнская культура (основные характеристики) // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982. С.78–112.
- Буров Г.М. Древний Синдор: (Из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). М., 1967.
- Буров Г.М. О нижнем хронологическом пределе лебяжской культуры // СА. 1983. №2. С.34–50.
- Вараксина Л.И. Костеносные городища Камско-Вятского края // ИОАИЭ. 1929. т. 34, вып. 3-4. С.83–121.
- Васильев И.Б. Дуванейское поселение позднего бронзового века в Башкирии // СА. 1975. №4. С.250–256.
- Васильев И.Б., Горбунов В.С. Бирское поселение // СА. 1975. №3. С.149–157.
- Васильев И.Б., Иванов В.А. О памятниках предананьинского времени в Приуралье // Вопросы этнической истории в первобытную эпоху. Йошкар-Ола, 1982. С.14–18.
- Верещагина И.Б., Ашихмина Л.И. Раннеананьинские поселения в бассейне Северной Двины // МАЕСВ. 1980. Вып. 8. С.42–70.
- Вечтомов А.Д. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗ ПГУ. 1967. №148. С.135–155.
- Вечтомов А.Д. К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху раннего железа // УЗ ПГУ. 1968. №191. С.72–86.
- Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // МИА. 1951. №22. С.159–180.
- Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С.3–34.
- Габяшев Р.С., Марков В.Н., Халиков А.Х. Рец.: АЭМК. Вып.1–9. Серийное издание Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории // СА. 1988. №3. С.271–277.
- [Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Кузьминых С.В., Марков В.Н. и др.] Археологические памятники Центрального Закамья. Казань, 1988.
- [Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Кузьминых С.В., Марков В.Н. и др.] Археологические памятники Восточного Закамья. Казань, 1989.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в Пьяноборскую эпоху // ВАУ. 1970. Вып. 10.
- Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. №1. С.114–136.
- Генинг В.Ф., Совцова Н.И. О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // УЗ ПГУ. 1967. № 148. С.51–71.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии // ВАУ. 1961. Вып. 1. С.76–90.
- Геродот. История. Т. IV. Л., 1972.
- Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. №94.
- Гусенцова Т.М., Сенникова Л.А. Многослойное поселение Лобань I // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1988. С.118–134.
- Денисов В.П. Новые археологические памятники на р. Вятке // СА. 1958. №3. С.111–119.
- Денисов В.П. К истории населения Среднего Прикамья в эпоху поздней бронзы // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С.28–37.
- Денисов В.П. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье // ВАУ. 1961. Вып. 1. С.66–75.
- Денисов В.П. Культуры эпохи бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. 1967. №148. С.29–50.
- Денисов В.П. Заюрчимское VI поселение – памятник раннего железного века в Среднем Прикамье // УЗ ПГУ. 1968. №191. С.49–71.
- Ефименко П.Н. К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-Камья // Археология. Т. II. Київ, 1948. С.3–43 (на укр. яз).
- Збруева А.В. Пижемское городище // ИГА-ИМК. 1935. Вып. 106. С.265–297.
- Збруева А.В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // АЖ. 1936. №4. С.414–427.
- Збруева А.В. Галкинское городище // МИА. 1940. №1. С.83–99.
- Збруева А.В. Свиногорское городище // МИА. 1940а. №1. С.100–110.
- Збруева А.В. Происхождение ананьинской культуры // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С.37–42.
- Збруева А.В. Городище Грохань // КСИИМК. 1947. Вып. 16. С.52–64.
- Збруева А.В. Луговской могильник // ТИЭ. Нов серия. 1947а. Т. 2. С.257–281.
- Збруева А.В. Маклашеевские могильники // КСИИМК. 1948. Вып. 23. С.22–30.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. №30.
- Збруева А.В. Гулькинский могильник // МИА. 1954. №42. С.247–258.
- Збруева А.В. Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры // СА. 1957. №2. С.26–46.

- Збруева А.В. Стоянка имени М.И.Касьянова // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С.47–57.
- Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. 1960. №80. С.10–95.
- Иванов В.А. Памятники типа курмантау и сложение ананьинской общности на территории Башкирии // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С.86–88.
- Иванов В.А. Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977. С.94–102.
- Иванов В.А. Население Нижней и Средней реки Белой в ананьинскую эпоху: АКД. М., 1978.
- Иванов В.А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С.52–77.
- Иванов В.А. Рец.: А.Х.Халиков. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977 // СА. 1983. №2. С.264–270.
- Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1984.
- Измайлов И.Л., Марков В.Н. Железная маска-забрало с территории Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988е. С.120–124.
- Ишмуратова Г.Р. Приказанская и ананьинская керамика поселения Курган // УЗ ПГУ. 1967. №148. С.101–109.
- Ишмуратова Г.Р. Краткие итоги исследования городища «Гремячий Ключ» в 1967 году // ТД II научной конференции молодых ученых. Казань, 1971. С.71–73.
- Ишмуратова Г.Р. Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии // СА. 1975. №1. С.51–64.
- Кавеев М.М. Исследование Елабужского городища // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С.18–27.
- Калинин Н.Ф. Древнейшее население на территории Татарии // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С.23–96.
- Калинин Н.Ф. Казанская стоянка // Историко-археологический сборник. М., 1948а. С.179–186.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ КФАН СССР за 1945–1952 гг. Казань, 1954.
- Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М., 1974.
- Королев К.С. Погребальный обряд населения Средней Вычегды в эпоху раннего железа и средневековья // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С.35–44.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
- Кузьминых С.В. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.): АКД. М., 1977.
- Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.
- Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000. С.104–113.
- Кузьминых С.В., Марков В.Н., Соловьев Б.С. Некоторые дискуссионные проблемы археологии позднего бронзового и раннего железного веков Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула, 1993. С.39–43.
- Лерх П.И. Об Ананьинском могильнике // ОАК за 1865 г. СПб, 1866. С.12–13.
- Лихачев А.Ф. Скифский след на Билярской почве // ИОАИЭ. 1884. Т. 5. С.1–33.
- Лихачев А.Ф. Скифские элементы в чудских древностях Казанской губернии // Труды IV АС. Т. 1. Казань, 1884а. С.152–160.
- Лузгин В.Е. Предананьинское время на Печоре // УЗ ПГУ. 1967. №148. С.93–100.
- Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М., 1972.
- Марков В.Н. Исследования «Девичьего городка» // АО–1978. М., 1979. С.187.
- Марков В.Н. Исследования городища Гремячий Ключ // АО–1980. М., 1981. С.140.
- Марков В.Н. Раскопки городища Гремячий Ключ // АО–1981. М., 1983. С.160–161.
- Марков В.Н. Раскопки городищ на Нижней Каме // АО–1982. М., 1984. С.158–159.
- Марков В.Н. Керамика городища Сорочьи Горы // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984а. С.5–17.
- Марков В.Н. Об особенностях юго-западных памятников ананьинской общности // АЭМК. 1985. Вып. 9. С.38–56.
- Марков В.Н. Исследования городища Черепашье // АО–1983. М., 1985а. С.162.
- Марков В.Н. Булгарские наконечники стрел с городища Гремячий Ключ // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985б. С.28–33.
- Марков В.Н. Городище Гремячий Ключ // АЭМК. 1987. Вып. 13. С.102–130.
- Марков В.Н. О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988а. С.92–113.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности): АКД. Л., 1988б.

Марков В.Н. Работы в Татарии // АО–1986. М., 1988в. С.182–183.

Марков В.Н. Периодизация и хронология памятников ананьинского времени приустьевой части Камы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992б. С.72–79.

Марков В.Н. Антоновское городище: (О поздней дате существования «текстильной» керамики на памятниках Казанского Поволжья и Усть-Камья) // АЭМК. 1992в. Вып. 21. С.98–107.

Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994. С.48–88.

Марков В.Н. Некоторые результаты исследования каменной стелы с изображением из Ананьинского могильника // Там же. 1994б. С.88–93.

Марков В.Н. Памятники раннего железного века на территории Болгара и в его окрестностях // Город Болгар и его округа: ТНК, посвященной 25-летию БГИАЗ. Болгар, 1994в. С.13–16.

Марков В.Н. К постановке проблемы происхождения памятников маклашеевского типа // Эпоха бронзы Нижнего Прикамья. Казань, 1996. С.10–12.

Марков В.Н. Волго-Камье и финский мир в начале эпохи раннего железа // Finno-Ugrica (Казань). 1997. №2. С.3–24.

Марков В.Н. Биляр – из начала истории // Биляр и Волжская Булгария (изучение и охрана памятников): ТНК. Казань, 1997. С.54–56.

Марков В.Н. А.П. Смирнов – исследователь памятников раннего железного века // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья: 60 лет археологического изучения (итоги и перспективы): ТНК. Болгар, 1998. С.11–12.

Марков В.Н. О культурной принадлежности волго-камских бронзовых кельтов ананьинского времени // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. С.56–64.

Марков В.Н. О состоянии хозяйства у населения раннего железного века в Волго-Камье // Проблемы реконструкции хозяйства по археолого-этнографическим данным: ТНК. Йошкар-Ола, 2000. С.26–27.

Марков В.Н. Ананьинская культура // Татарская энциклопедия. Т. 1. Казань, 2002. С.144.

Марков В.Н. О культурной принадлежности волго-камских бронзовых кельтов раннего железного века // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003. С.88–91.

Марков В.Н. Ильичевский археологический

комплекс // Древность и средневековье Волго-Камья. Казань–Болгар, 2004. С.113–116.

Марков В.Н., Чижевский А.А. Погребения эпохи бронзы Мурзихинского II могильника // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Древности. Вып.36. М. – Казань, 2003. С.125–133.

Матвеева Г.И. Поселения раннего железного века на Самарской Луке // Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975. С.93–104.

Матвеева Г.И. Археологические памятники раннего железного века на территории Куйбышевской области. Куйбышев, 1980.

Невоструев К.И. Ананьинский могильник // Труды I АС. Т. 2. М., 1871. С.595–632.

Нефедов Ф.Д. Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893–1894 гг. // МАВГР. 1899. Т. 3. С.42–72.

Оборин В.А. Обсуждение докладов и сообщений по проблеме происхождения ананьинской культурной общности и ее локальных вариантов // УЗ ПГУ. 1967. №148. С.216–223.

Обыденнов М.Ф. Культура населения Южного Урала в конце бронзового века: АКД. М., 1981.

Обыденнов М.Ф. Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа, 1986.

Патрушев В.С. Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.): АКД. Л., 1971.

Патрушев В.С. Акозинско-меларские кельты Марийского Поволжья // СА. 1975. №3. С.28–43.

Патрушев В.С. Жилища эпохи поздней бронзы в Марийском крае // АЭМК. 1982. Вып. 6. С.123–139.

Патрушев В.С. Исследования Акозинского могильника в 1971–1972 годах // Вопросы этнической истории в первобытную эпоху. Йошкар-Ола, 1982. С.19–56.

Патрушев В.С. Марийский край в VIII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984.

Патрушев В.С. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1986.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.

Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // УЗ ПГУ. 1967. №148. С.197–215.

Пономарев П.А. Предварительное сообщение о результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с.Шуран и дер. Сорочьих Гор, произведенных летом 1881 г. // ИОАИЭ. 1884. Т. 3. С.323–325.

Пономарев П.А. О результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с.Шуран и дер. Сорочьих Гор // ИОАИЭ. 1984. Т. 4. С.77–83.

- Пономарев П.А. Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. 1. Ананьинский могильник: (Археологический этюд) // ИОАИЭ. 1892. Т. 10, вып. 4. С.405–438.
- Пономарев П.А. По следам первобытных звероловов Камско-Вятского края: (Результаты летних экскурсий 1912 г.) // ПЗОЕКазанУ. 1912–1913 (1914). Год 44, приложение к протоколам №290. С.1–12.
- Пономарев П.А. Поиски следов населения переходной эпохи от бронзы к железу в низовьях Камы и по Волге, выше Камского Устья: (Отчет об экскурсии 1913 г.) // ПЗОЕКазанУ. 1913–1914 (1915). Год 45, приложение к протоколам №298. С.1–10.
- Пшеничнюк А.Х. О периодизации кара-абызских памятников // УЗ ПГУ. 1967. №148. С.156–170.
- Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура // АЭБ. 1973. Т. 5. С.162–243.
- Пшеничнюк А.Х. Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С.94–105.
- Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М., 1971.
- Сальников К.В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // СЭ. 1954. №4. С.11–24.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967а.
- Сальников К.В. Новые материалы по истории племен эпохи бронзы Башкирии // УЗ ПГУ. 1967б. №148. С.72–92.
- Сальников К.В. Итоги изучения памятников эпохи бронзы на Южном Урале // СА. 1968. №1. С.3–9.
- Сенникова Л.А. Поселение Останцы II на Средней Вятке // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980. С.135–146.
- Смирнов А.П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск, 1949.
- Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. №28.
- Смирнов А.И. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. 1961. №95.
- Смирнов И.Н. Каракулинский могильник // ИОАИЭ. 1895. Т. 12, вып. 4. С.263–272.
- Смирнов И.Н. Материалы для археологии Восточной России А.А.Спицына. М., 1893 (рецензия) // ИОАИЭ. 1894. т. 12, вып. 3. С.256–262.
- Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов М., 1964.
- Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // ТМАЭ. 2000. Т. 6.
- Спицын А.А. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятского края // МАВГР. 1893. Т. 1. С.25–64.
- Спицын А.А. Отчет о раскопках Зуевского могильника // МГАИМК 1933. Вып. 2. С.10–14.
- Старостин П.Н. Жилища поселения «Курган» // УЗ ПГУ. 1967. №148. С.110–115.
- Старостин П.Н. Работы на Троицко-Урайском I городище в 1973 г. // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С.31–41.
- Стоколос В.С., Королев В.С. Археологическая карта Коми АССР. М., 1984.
- Стоянов В.Е. Отчет об исследованиях Богородицкого городища. Казань-Йошкар-Ола, 1959 // АИИ АНТ.
- Стоянов В.Е. Отчет об исследованиях Русенихинского городища. Казань-Йошкар-Ола, 1959 // АИИ АНТ.
- Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. 1960. №90. С.5–115.
- Трефц М.Н. Поселение эпохи бронзы Буй I на Вятке // СА. 1985. №4. С.124–143.
- Трофимова Т.А. Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С.42–47.
- Трофимова Т.А. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии // Происхождение казанских татар. Казань, 1948. С.27–61.
- Трофимова Т.А. Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья // МИА. 1951. №22. С.97–109.
- Трофимова Т.А. Черепа из Гулькинского могильника ананьинской культуры // МИА. 1954. №42. С.500–505.
- Трофимова Т.А. Еще раз о черепах из Луговского могильника ананьинской культуры: (В связи с вопросом о низколице монголоидном типе Сибири) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С.51–91.
- Фосс М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. 1952. №29.
- Халиков А.Х., Архипов Г.А. Марийская археологическая экспедиция 1957 года // ТМариИИ. 1959. Вып. 14. С.109–130.
- Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // ТМАЭ. 1960. Т. 1.
- Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // ТМАЭ. 1962. Т. 2. С.7–187.
- Халиков А.Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. 1967. № 148. С.7–28.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.

Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. 1980. Вып. В 1-24.

Халикова Е.А. II Полянский могильник // УЗ ПГУ. 1967. №148. С.116-132.

Худяков М.Г. Рец.: А.М.Тальгрэн. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale / SMYA. 1919. Т. 31:1 // КМВ. 1922. №1. С.205–211.

Худяков М.Г. Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет. Казань, 1923. С.72–126.

Худяков М.Г. Могильник Маклашеевка II // Материалы Центрального музея ТАССР. Казань, 1930. №2 (1929). С.11–14.

Худяков М.Г. Зуевский могильник // МГА-ИМК. 1933. Вып. 2. С.5–10, табл. 1–VIII.

Черных Е.Н. Городище Алтен-Тау // ОКВАЭ. 1961. Вып. 1. С.152–163.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С.4–42.

Шилов В.П. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С.120–126.

Шмидт А.В. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества // ИГА-ИМК. 1935. Вып. 106. С.13–96.

Штукенберг А.А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы России // ИОАИЭ. 1901. Т. 17, вып. 4. С.165–217.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области): АКД. М., 2002.

Чижевский А.А. Ананьинские (постмаклашеевские) стелы IX–VI вв. до н.э. // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005. С.268–300.

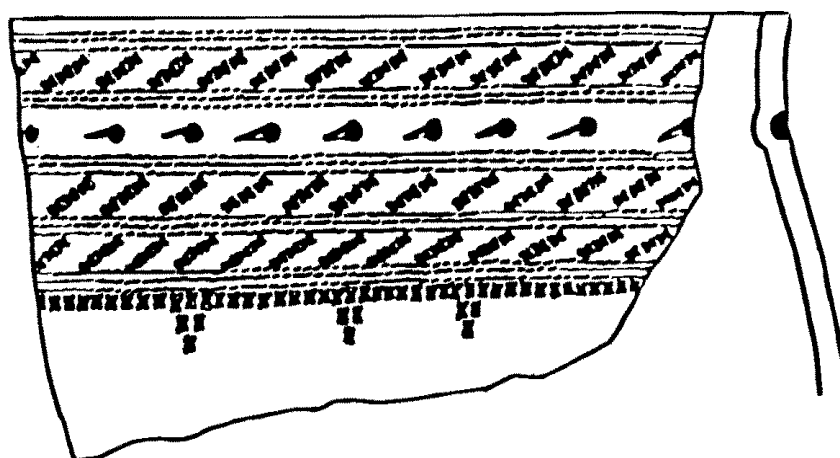
Чижевский А.А., Марков В.Н. Стелы ананьинского типа (классификация и назначение) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова: ТНК. Болгар, 1999. С.14–16.

Tallgren A.M. L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale // SMYA. 1919. Т. 31:1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЖ – Антропологический журнал. М.
АИИ АНТ – Архив Института истории Академии наук Республики Татарстан
АК КГУ – Археологический кабинет Казанского государственного университета
АКТ – Археологическая карта Татарской АССР
АО – Археологические открытия
АС – Археологический съезд
АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа.
АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск
ГМТР – Государственный музей Татарской АССР
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.-Л.
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
Казань.
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова
Казанского филиала АН СССР
КМВ – Казанский музейный вестник. Казань.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАНВГР – Материалы по археологии восточных губерний России. М.
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
МГАИМК – Материалы Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
МКФУ – Международный конгресс финно-угроведов
ОАК – Отчет Археологической Комиссии. СПб.-Пг.
ОЕКУ – Общество естествоиспытателей при Казанском университете
ОКВАЭ – Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. М.
ПЗООКазанУ – Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при
Казанском университете. Казань.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников. М.-Л.
СЭ – Советская этнография
ТД – Тезисы докладов
ТНК – Тезисы научной конференции
Труды АС – Труды Археологического съезда
ТГИМ – Труды Государственного исторического музея
ТИЭ – Труды Института этнографии. М.
ТМарНИИ – Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы
и истории им. В.М.Васильева. Йошкар-Ола.
ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



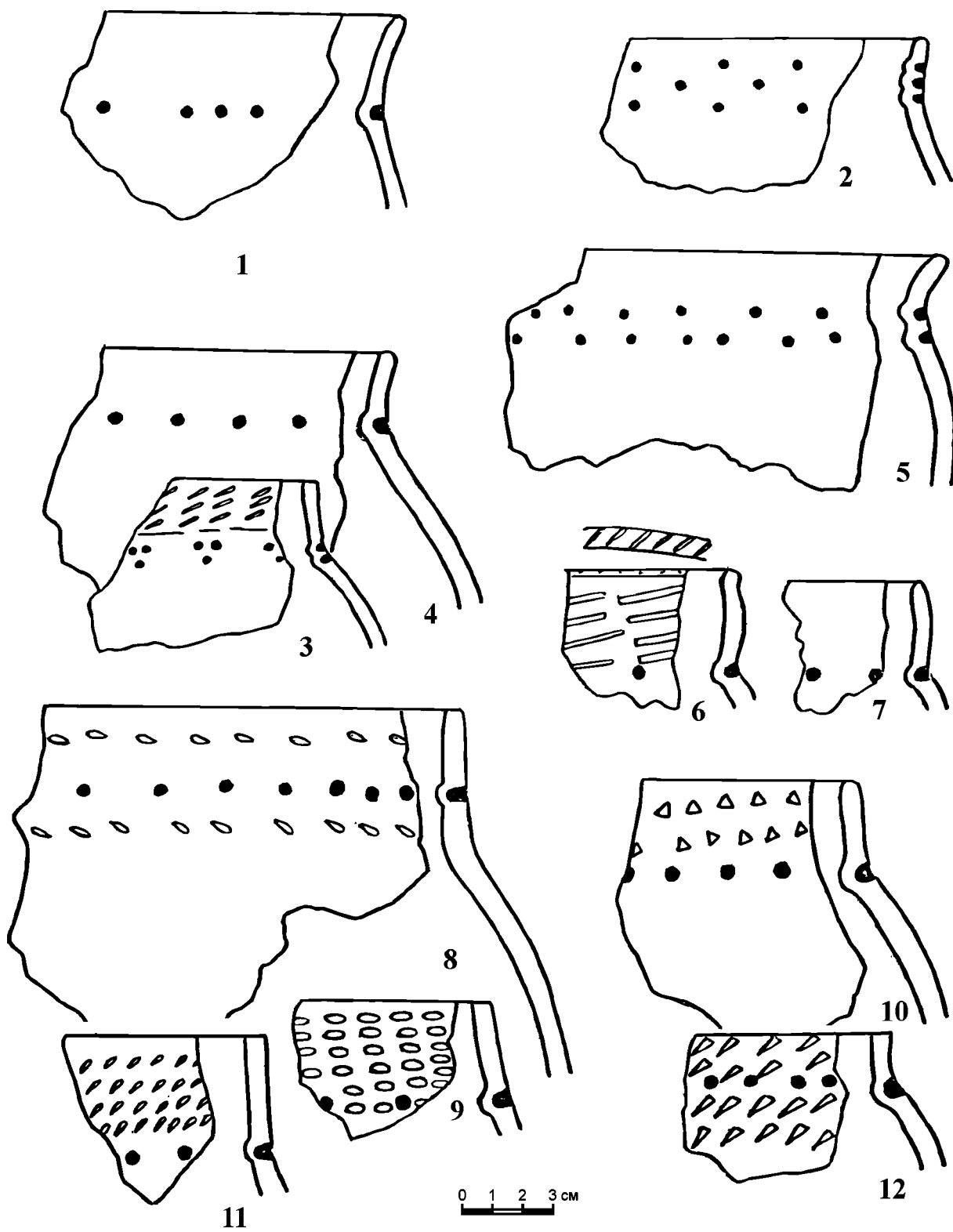


Рис. 1. Городище Гремячий Ключ. Керамика.

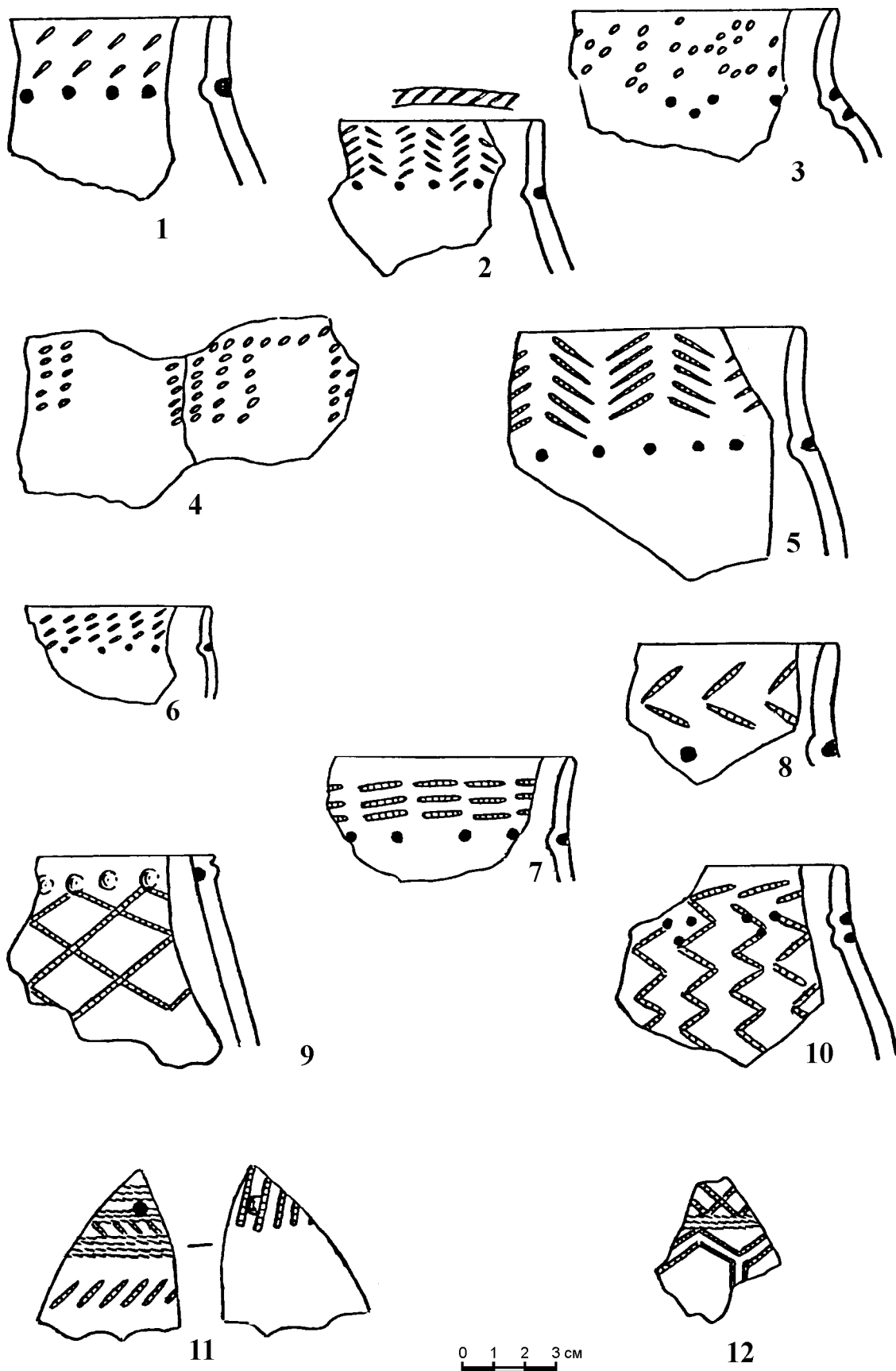


Рис. 2. Городище Гремячий Ключ. Керамика.

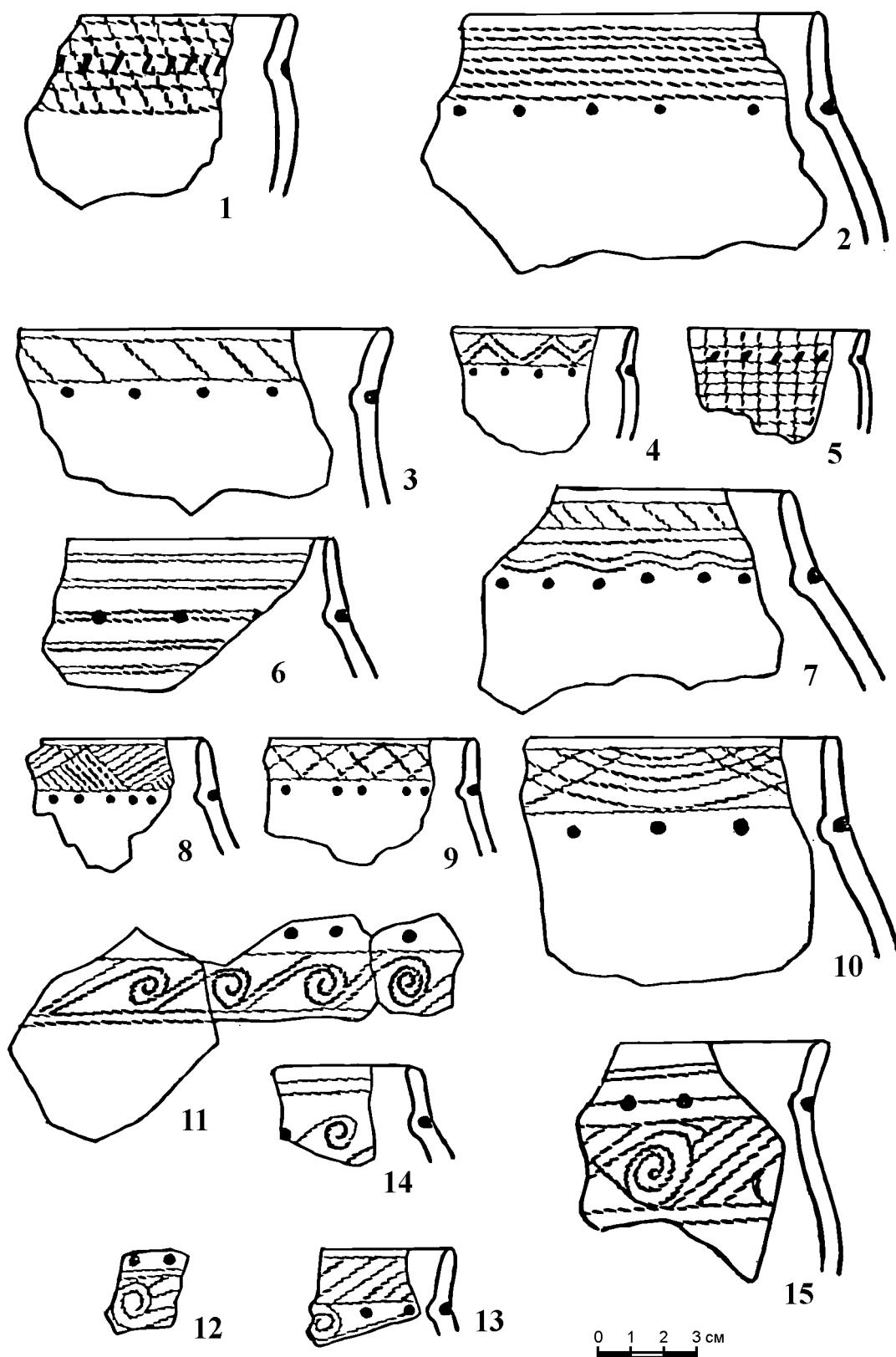


Рис. 3. Городище Гремячий Ключ. Керамика.

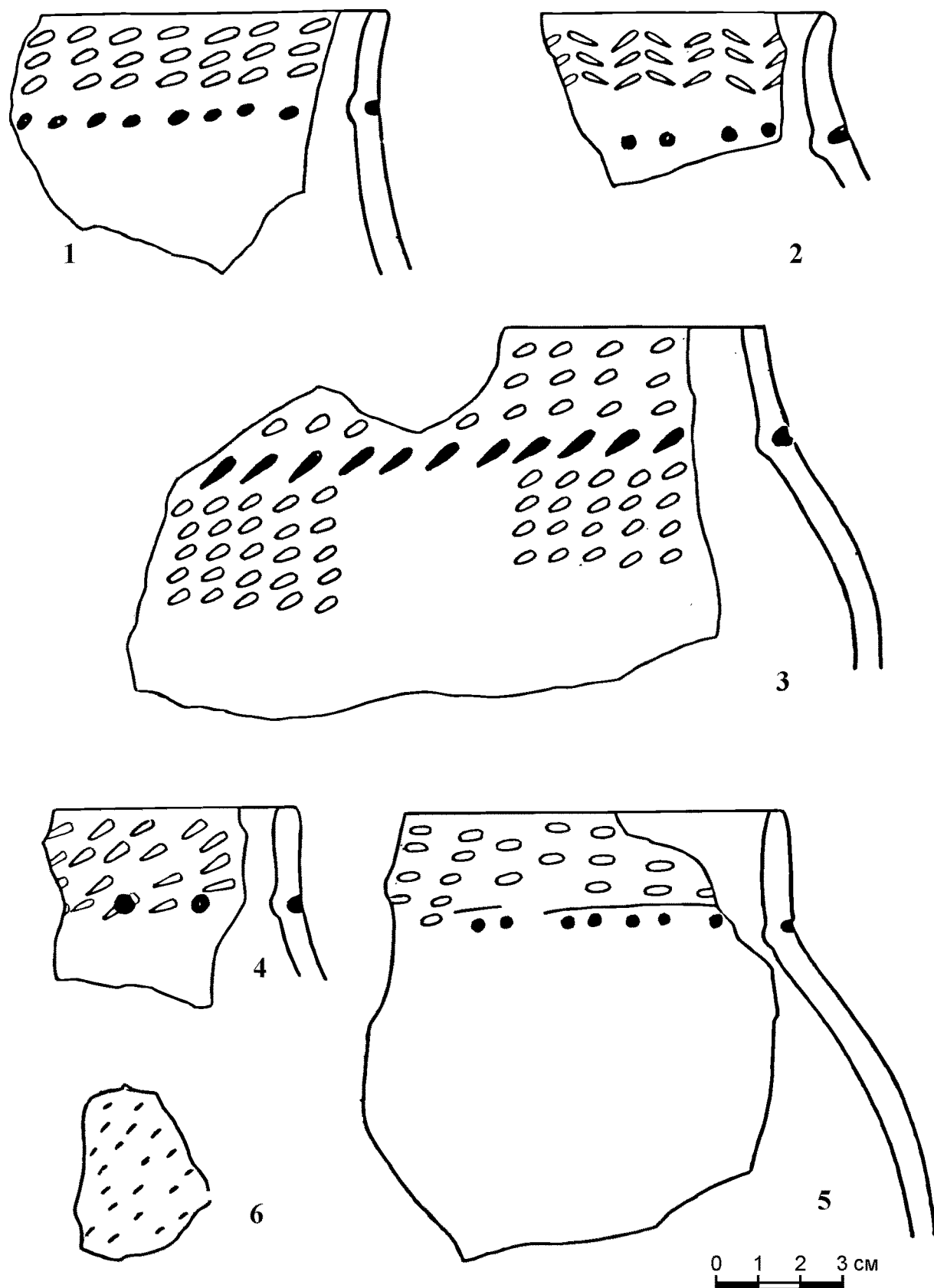


Рис. 4. Городище Сорочьи Горы. Керамика нижнего горизонта.

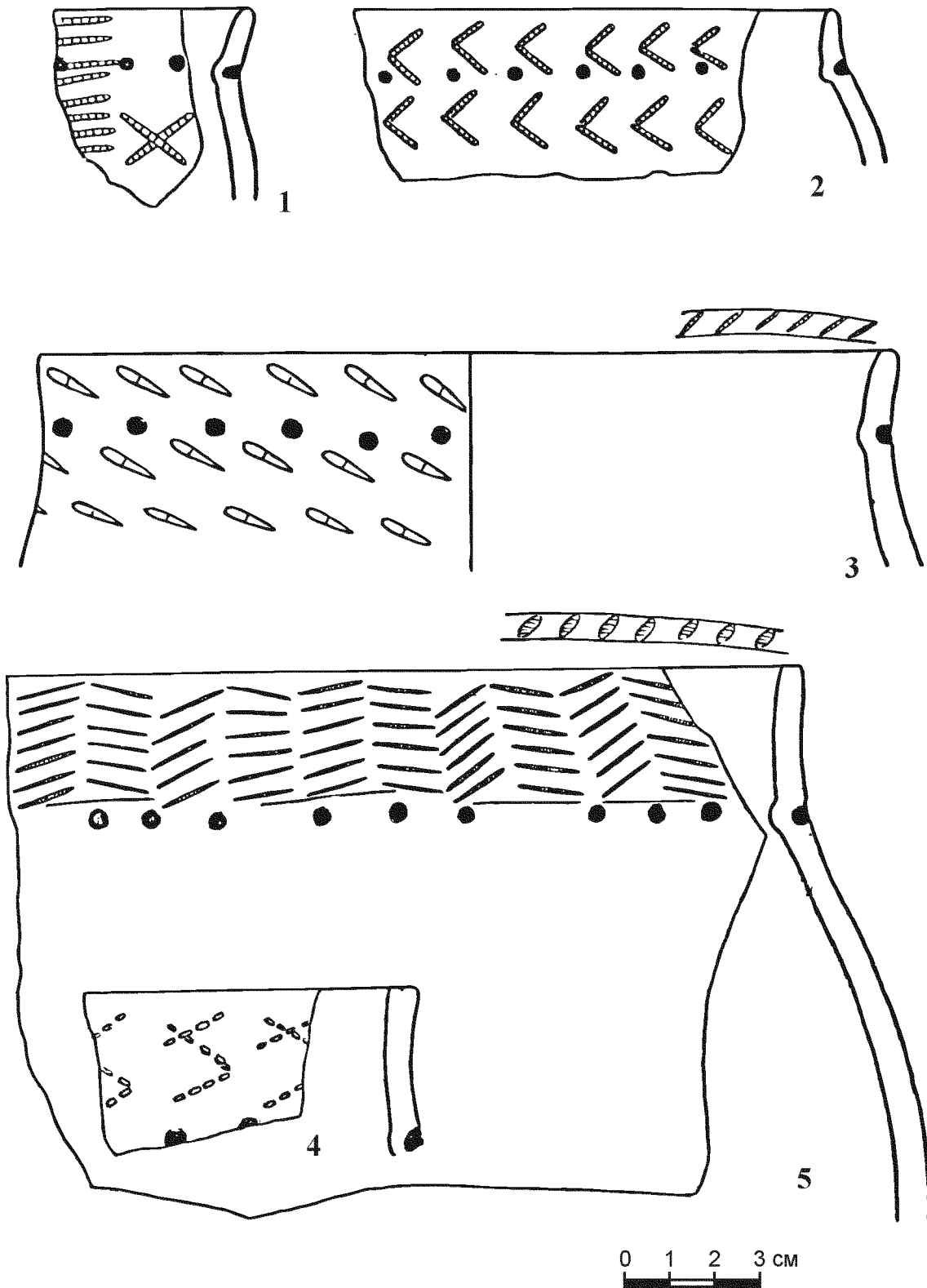


Рис. 5. Городище Сорочьи Горы. Керамика нижнего горизонта.

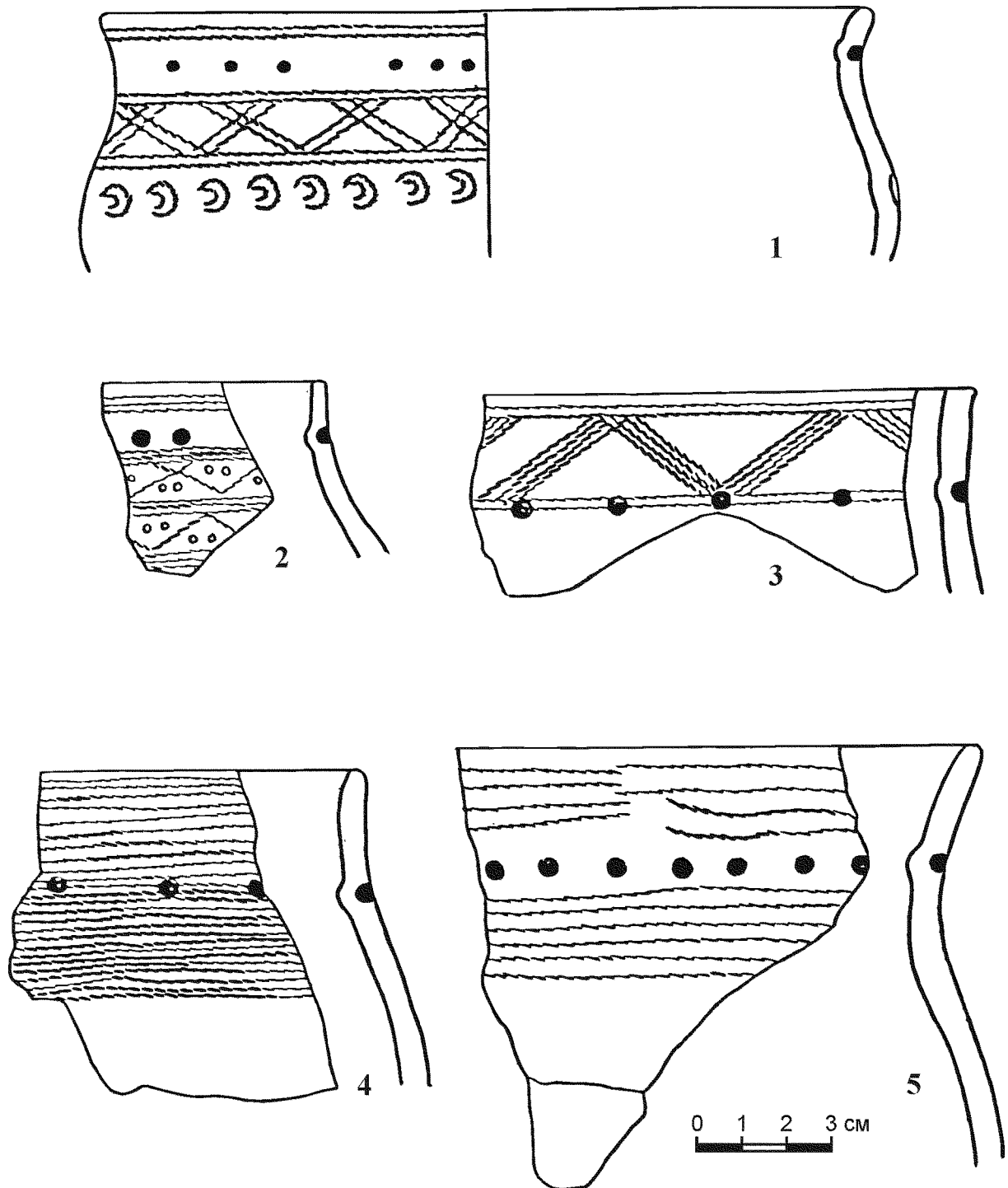


Рис. 6. Городище Сорочьи Горы. Керамика нижнего горизонта.

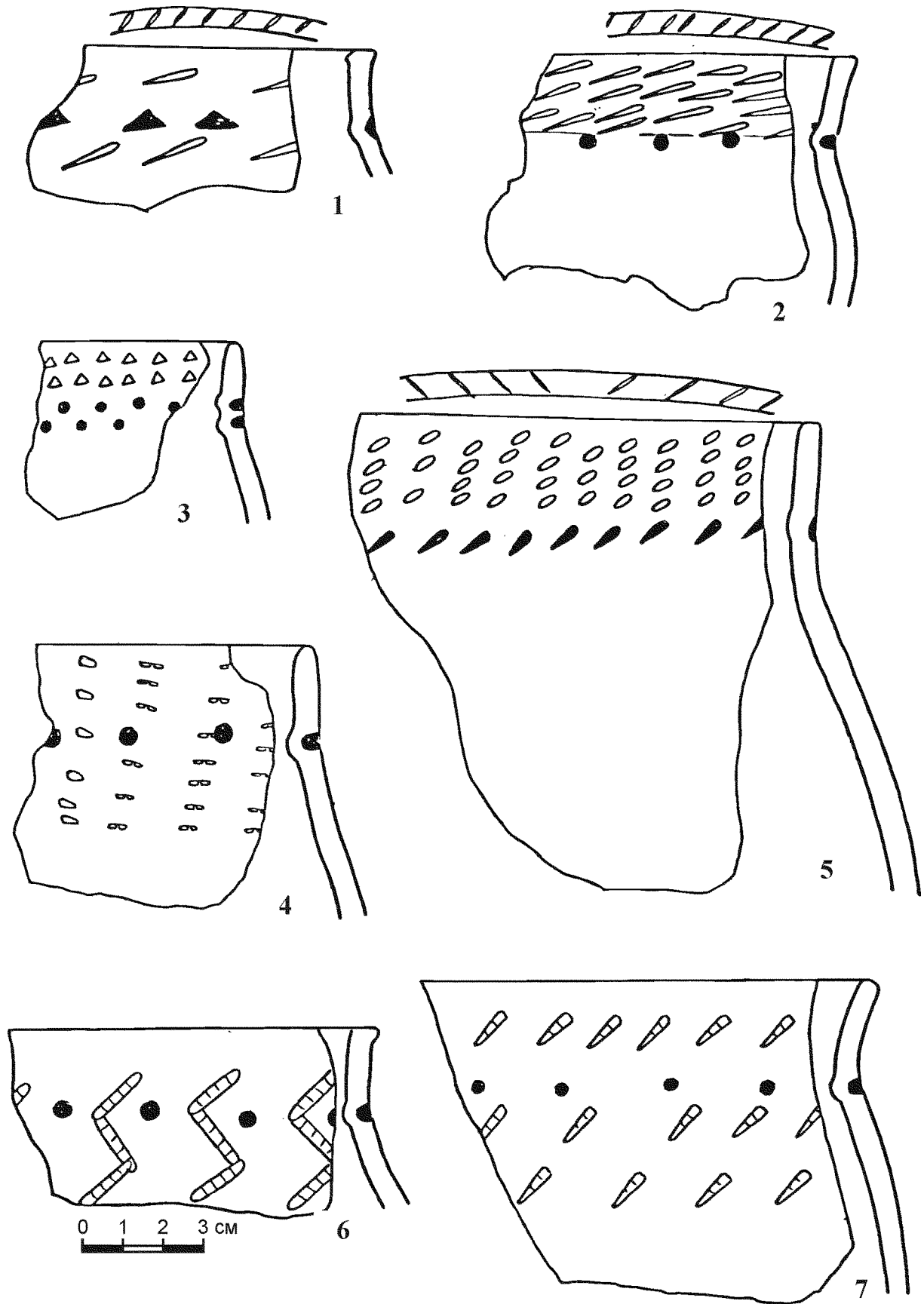


Рис. 7. Городище Сорочьи Горы. Керамика верхнего горизонта.

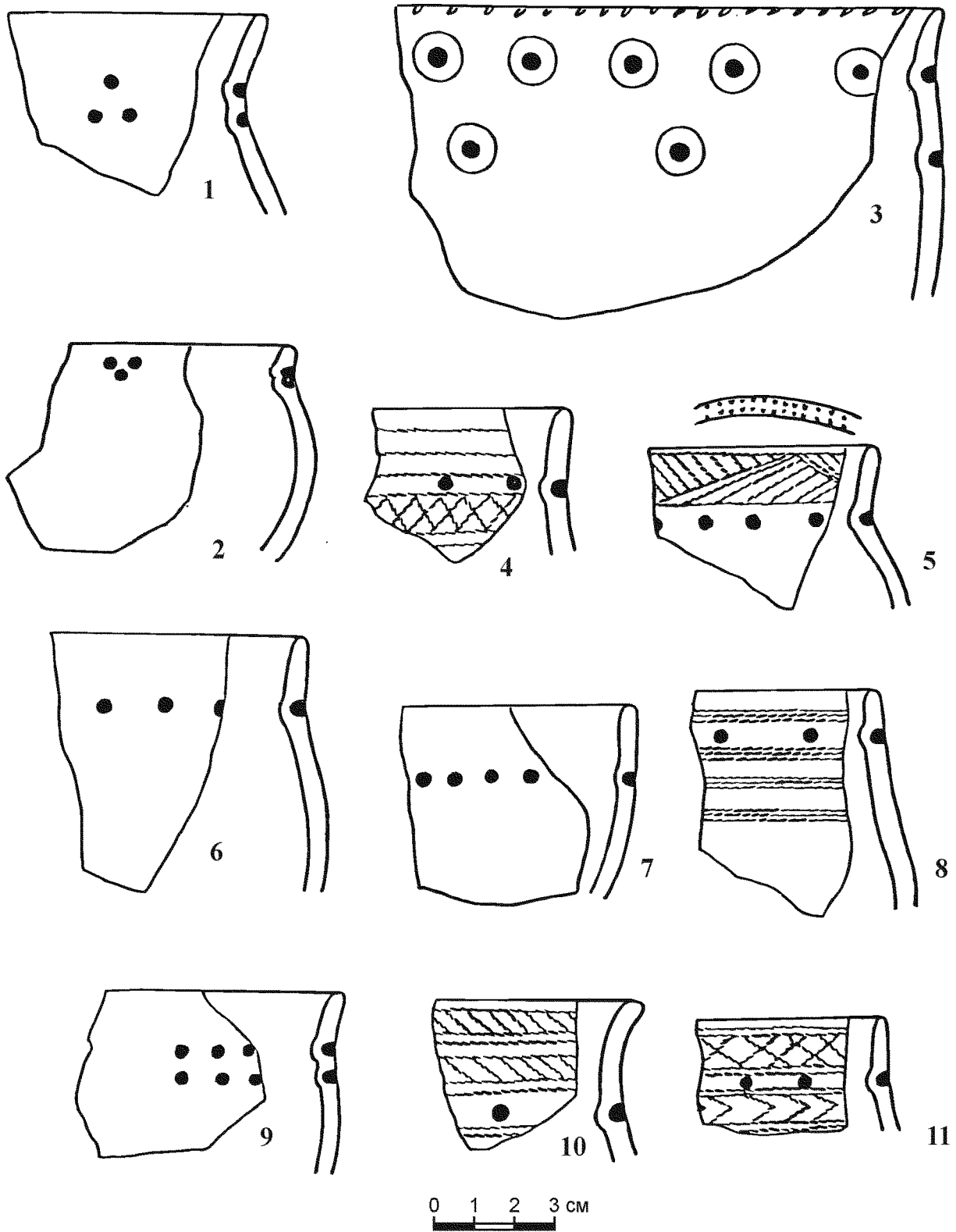


Рис. 8. Городище Сорочьи Горы. Керамика верхнего горизонта.

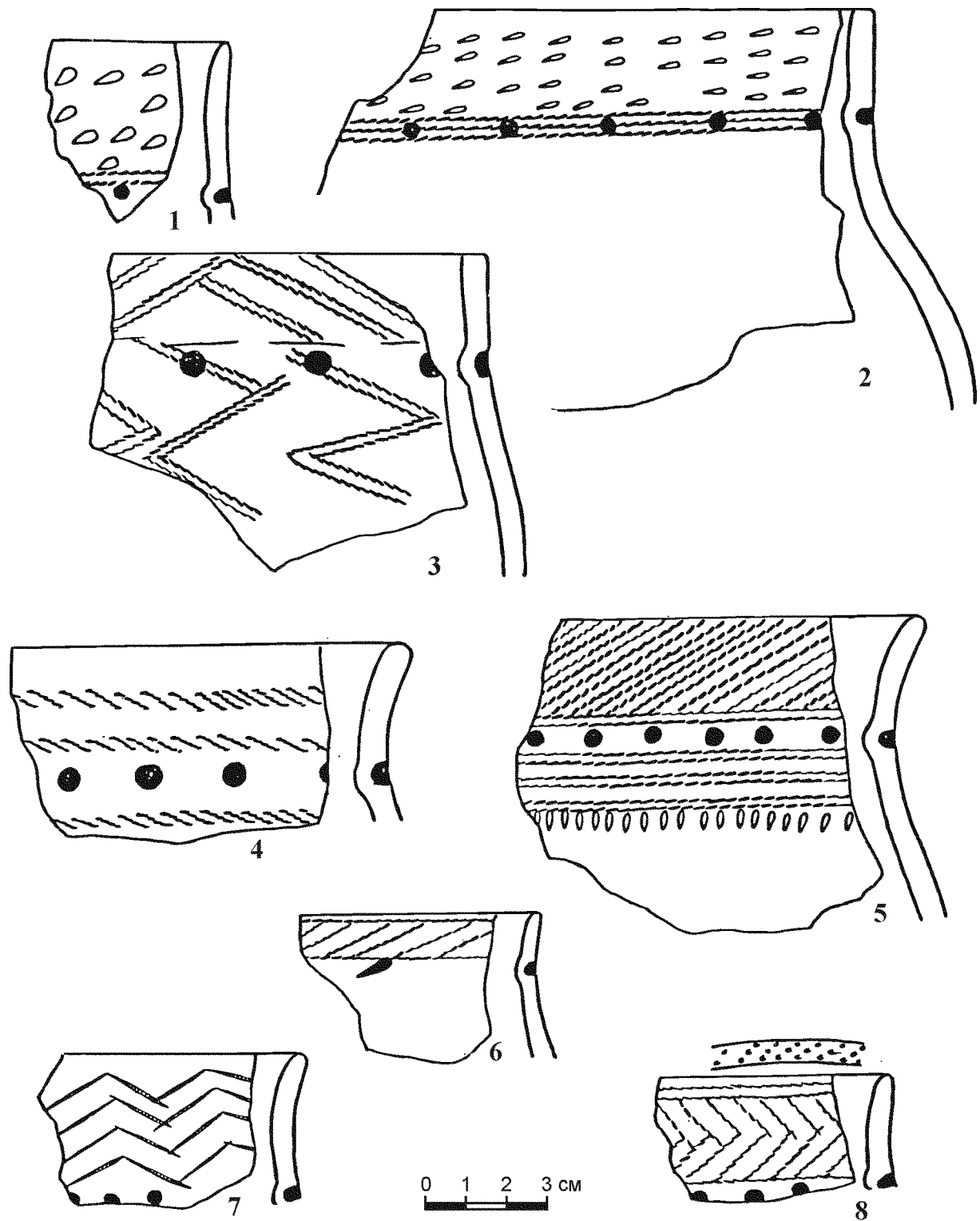


Рис. 9. Городище Сорочьи Горы. Керамика верхнего горизонта.

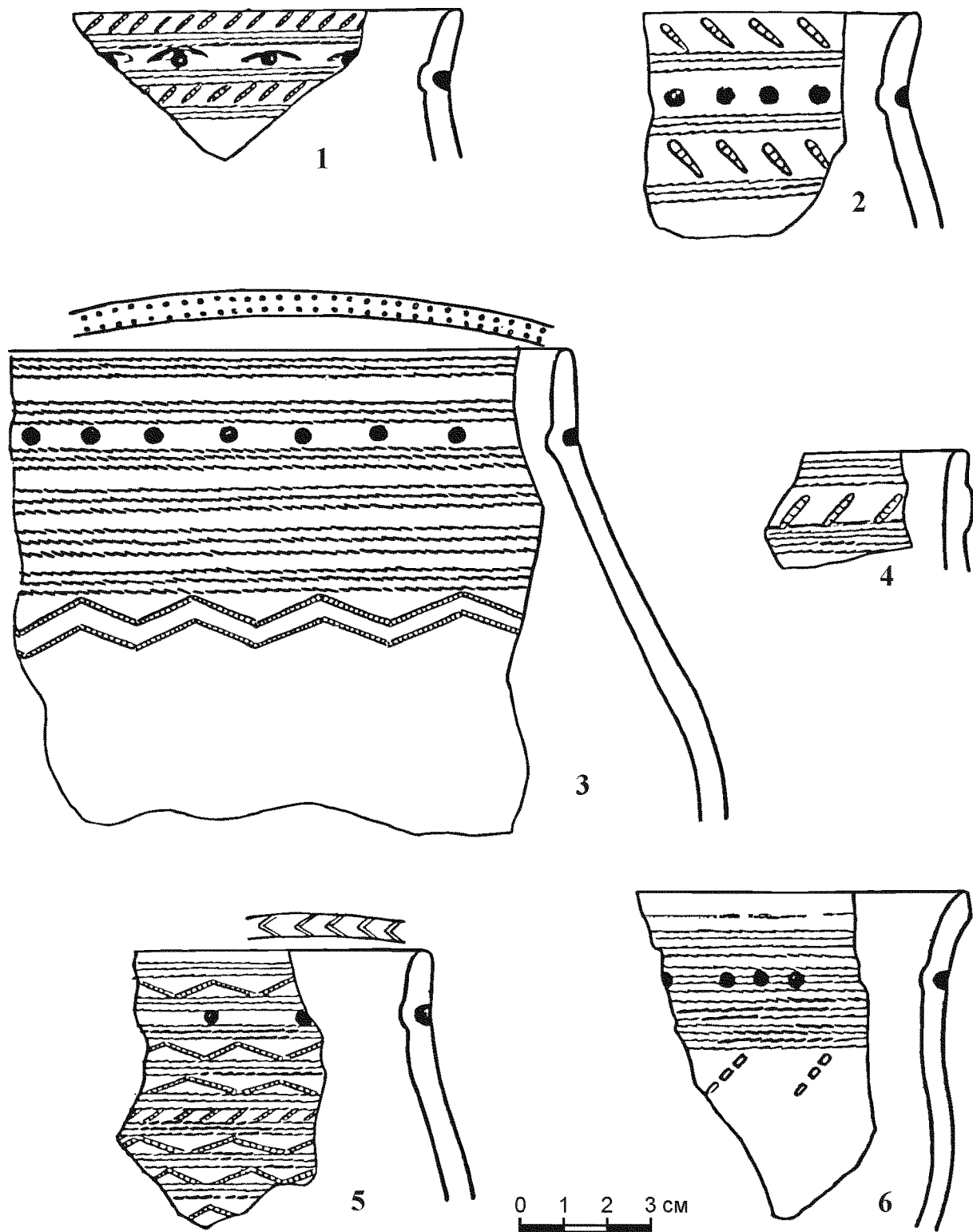


Рис. 10. Городище Сорочьи Горы. Керамика верхнего горизонта.

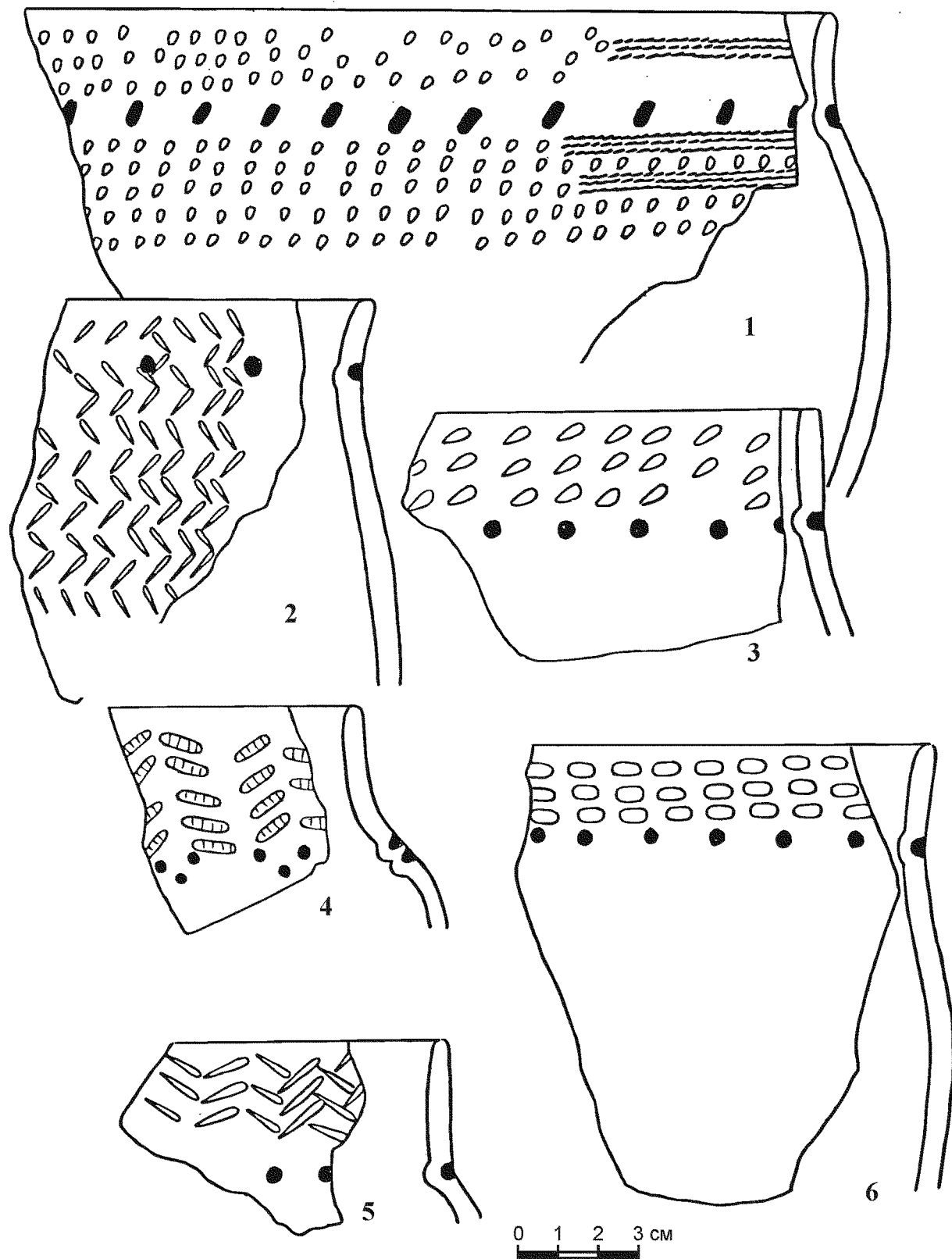


Рис. 11. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика памятников Нижнего Прикамья.
 1 – Макарьевское городище; 2 – Лабышкинское городище; 3 – Мордовско-Каратаевское селище;
 4,5 – Нижнеуслонское поселение; 6 – Сюкеевское III селище.

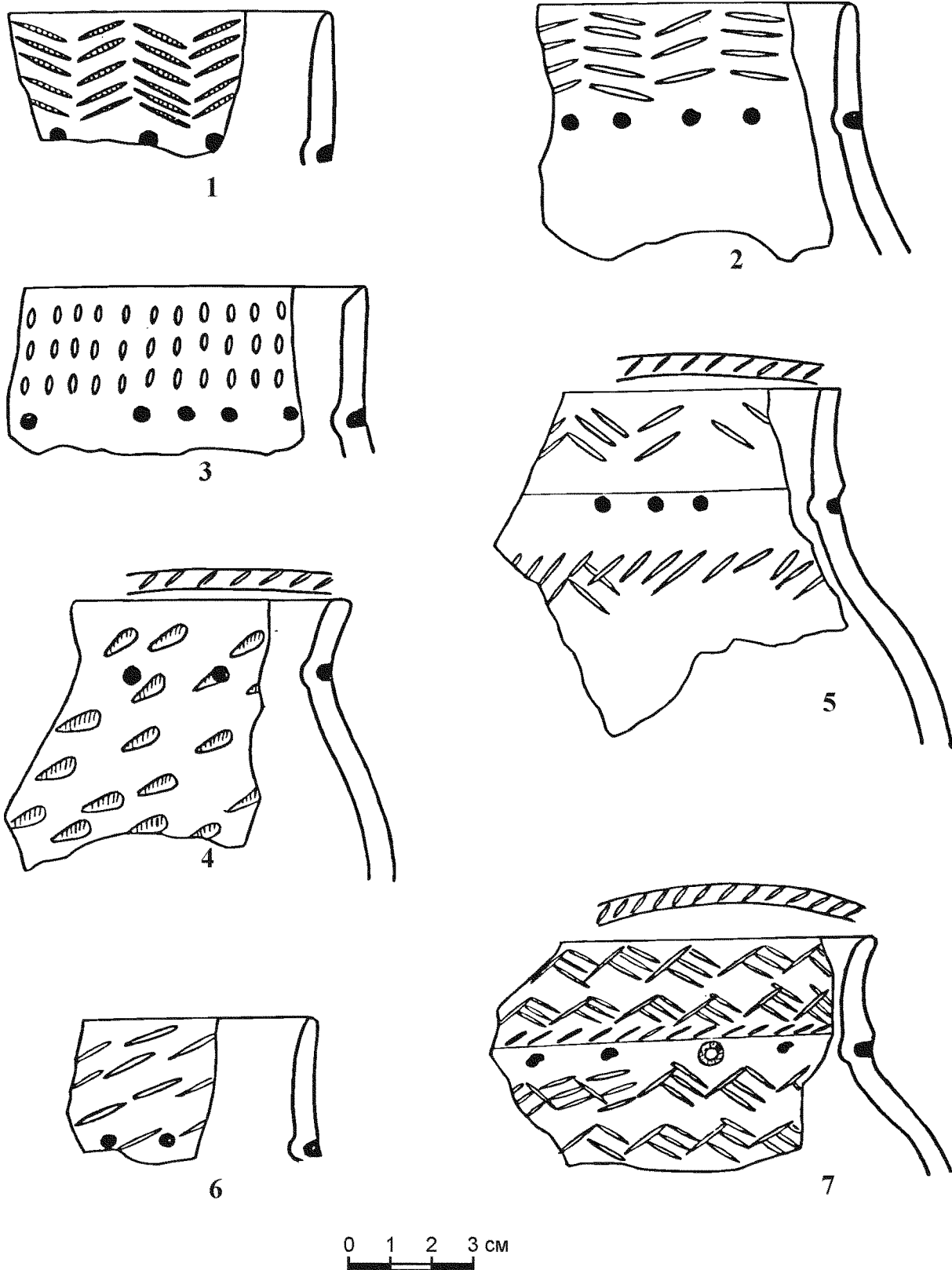


Рис. 12. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика Казанской стоянки.

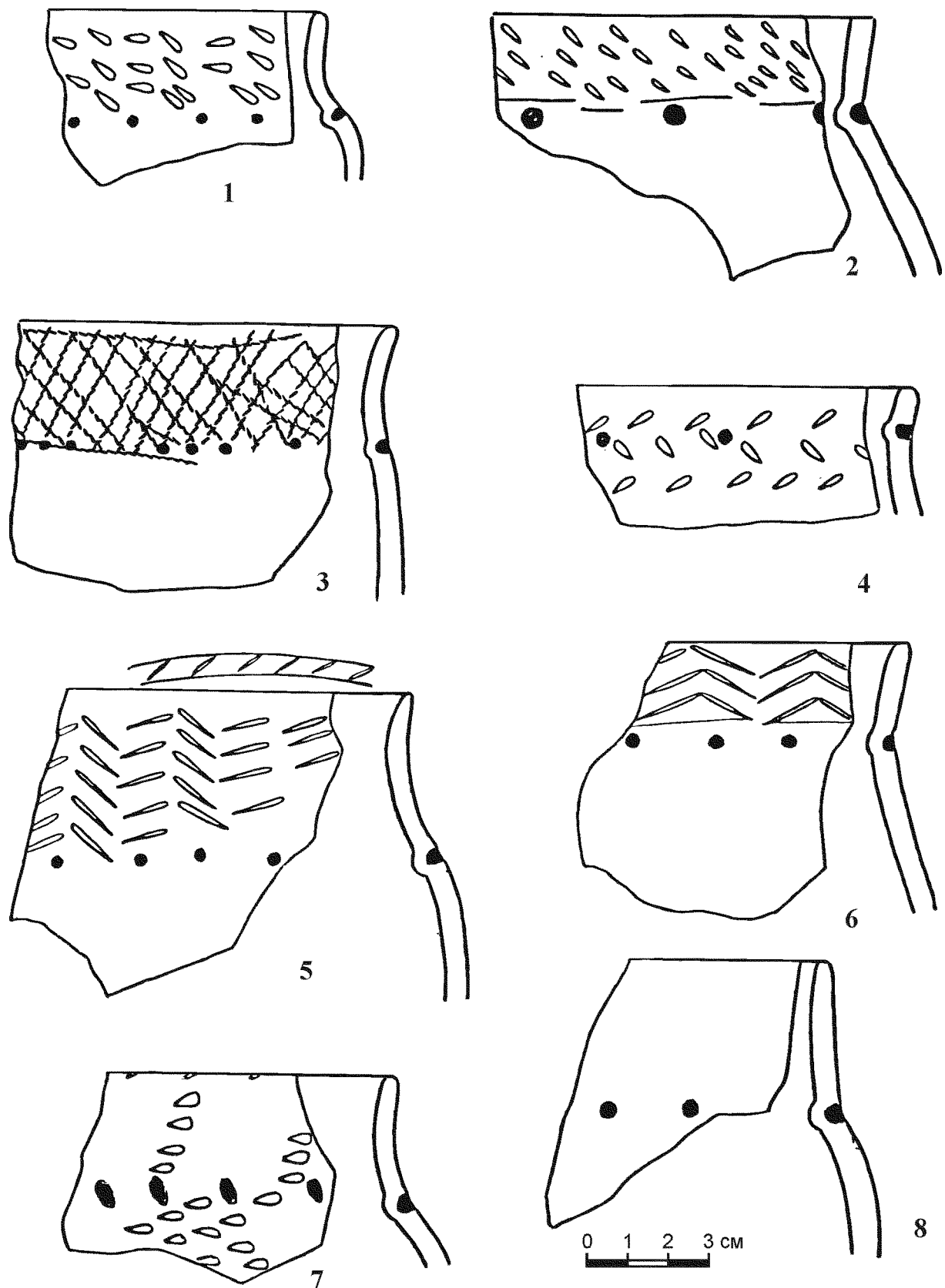


Рис. 13. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика городища Казанка I.

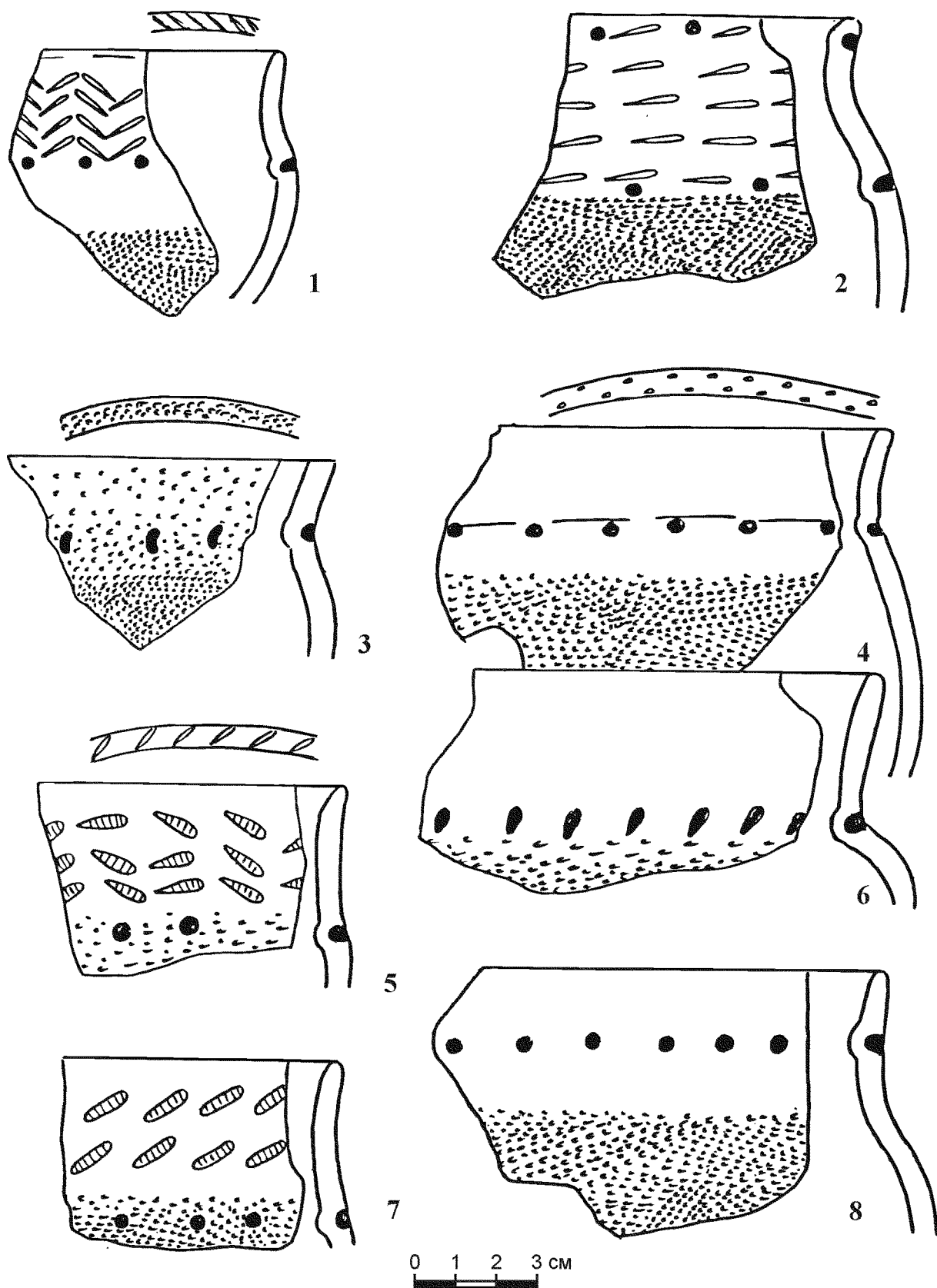


Рис. 14. Городище Казанка I. «Текстильная» керамика ананьинского времени.

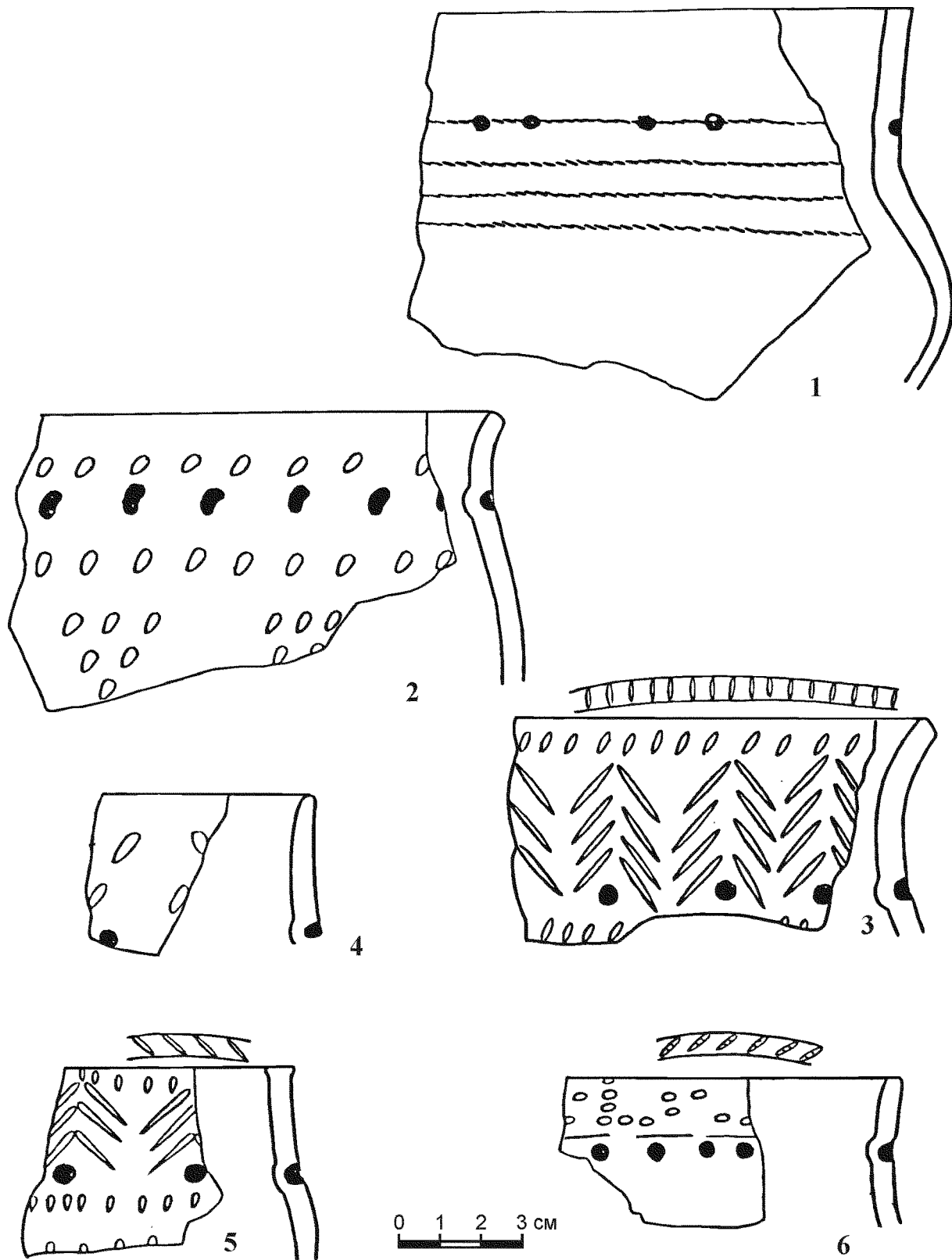


Рис. 15. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика памятников Нижнего Прикамья.
1-3 – Казанский Кремль; 4-6 – Маклашеевский II могильник.

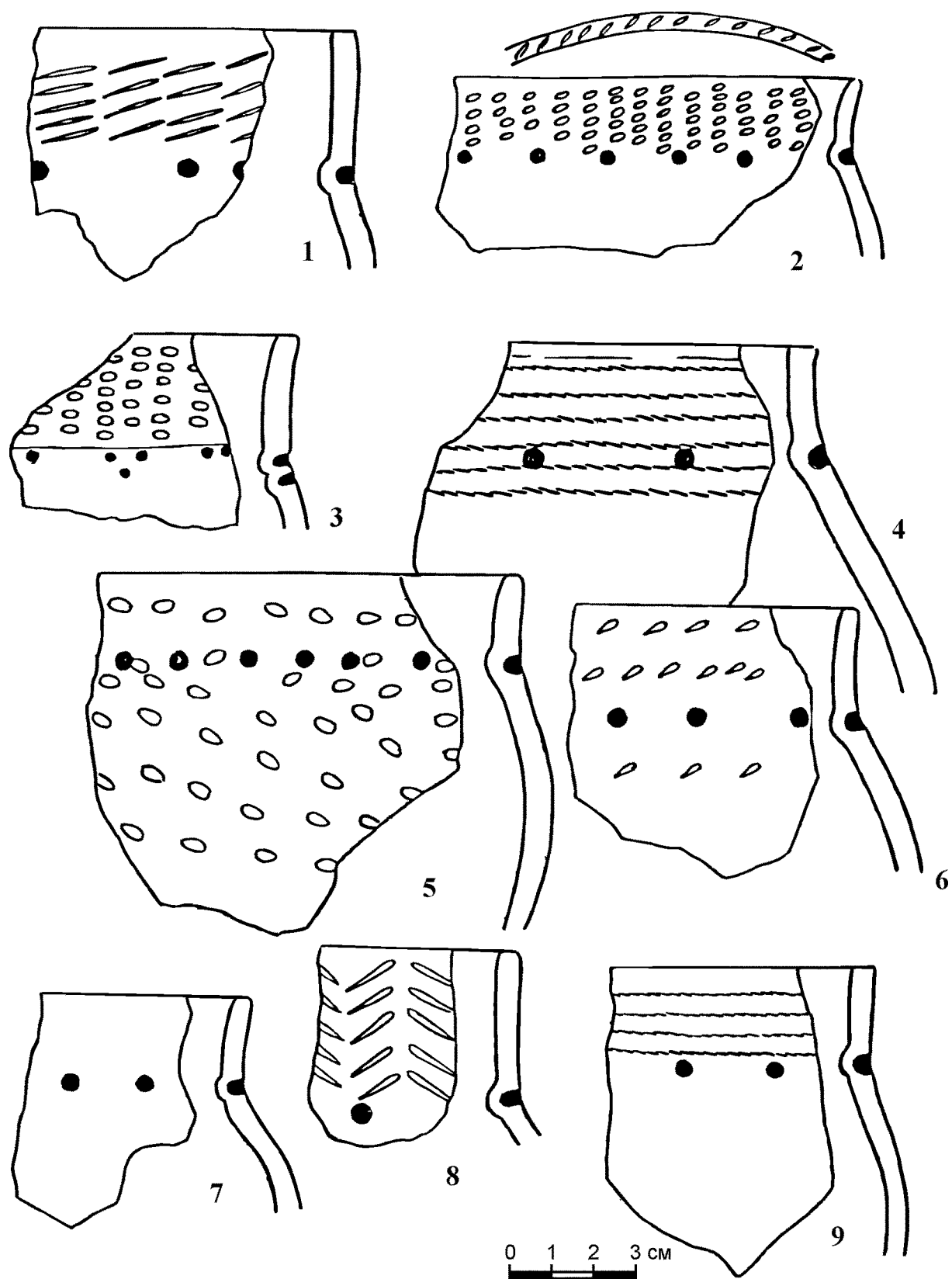


Рис. 16. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика памятников Нижнего Прикамья.
1-3 – Именьковское поселение; 4-9 – Троицко-Урайское I городище.

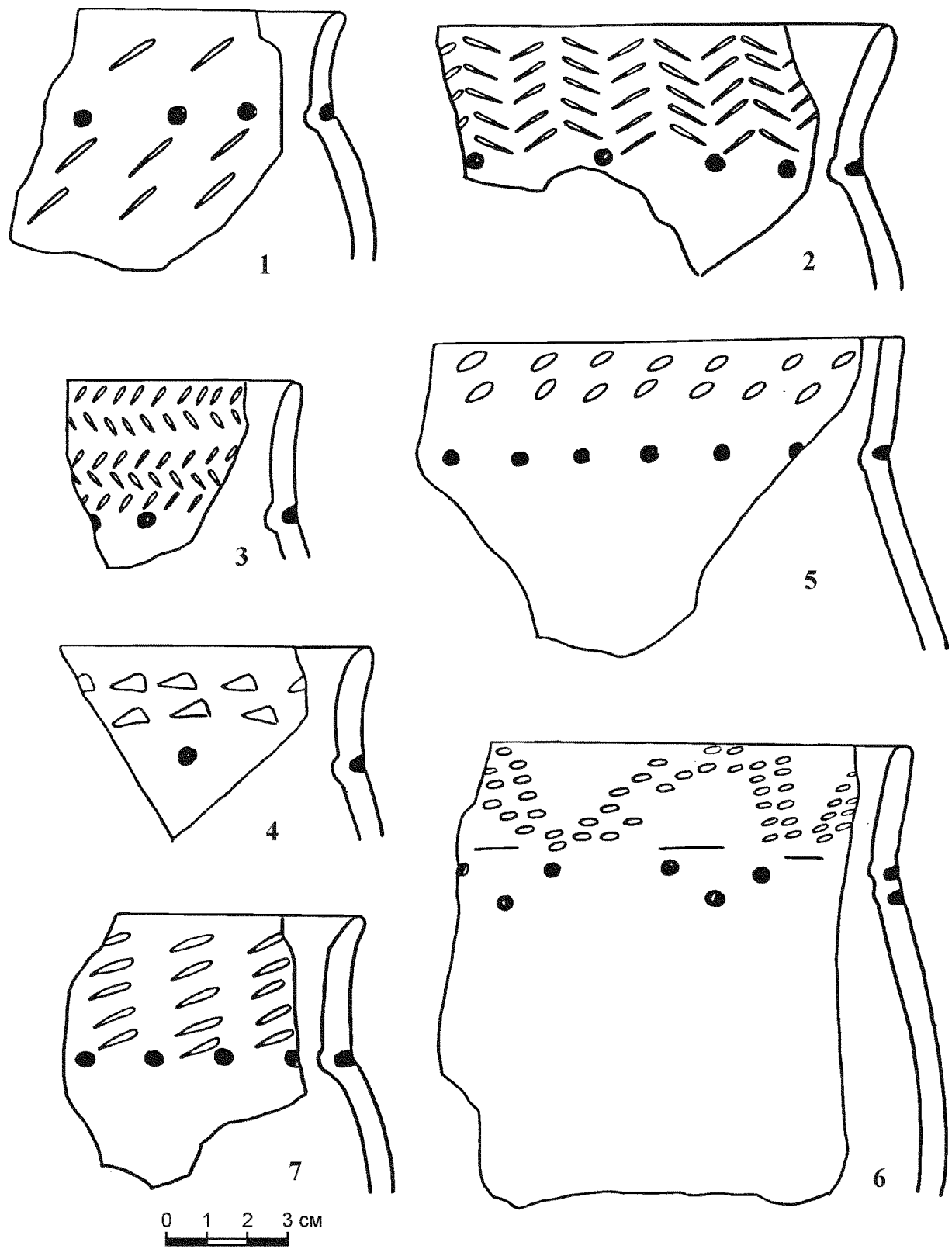


Рис. 17. Ананьинская (постмаклашевская) керамика поселения Курган.

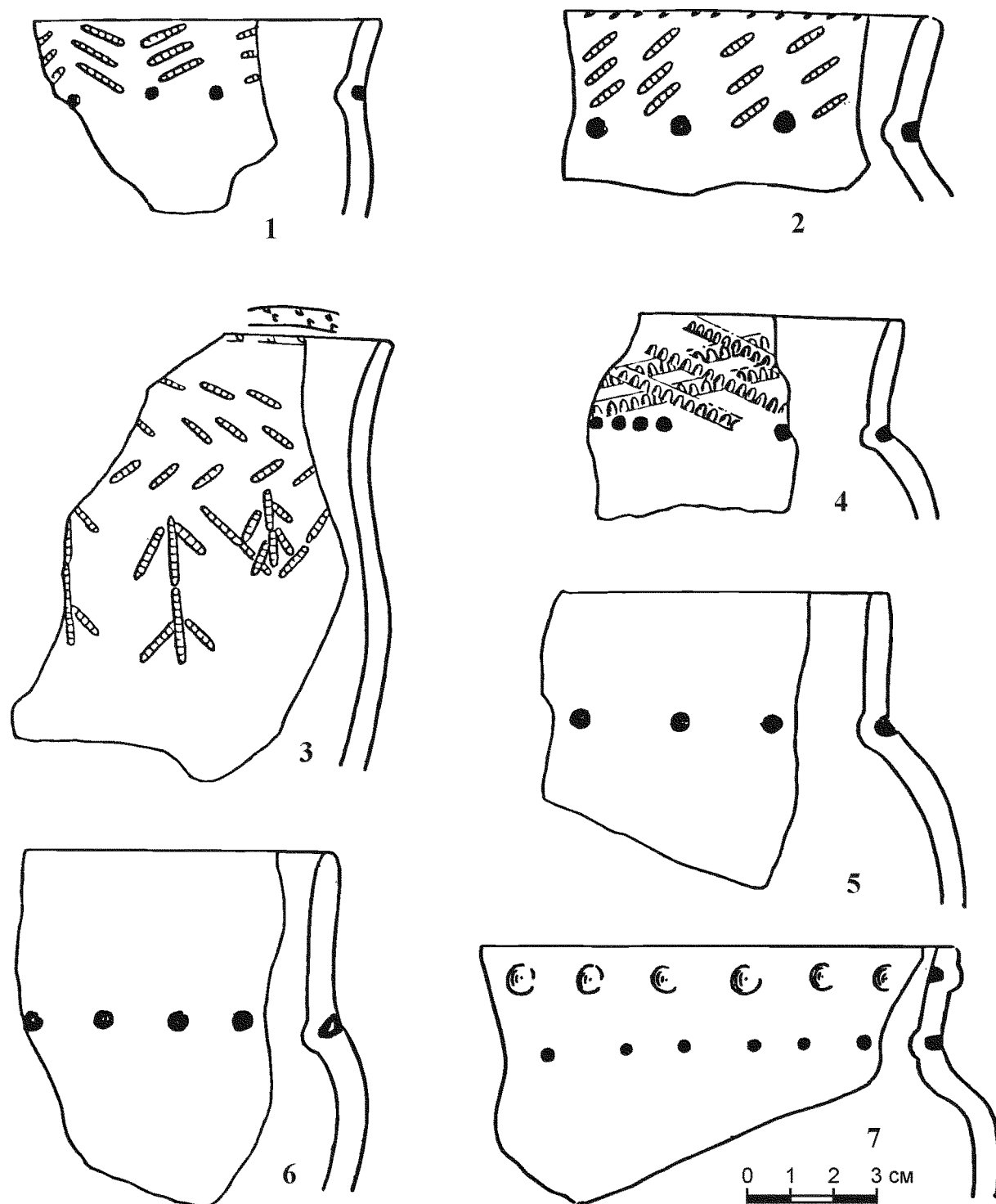


Рис. 18. Ананьинская (постмаклашевская) керамика поселения Курган.

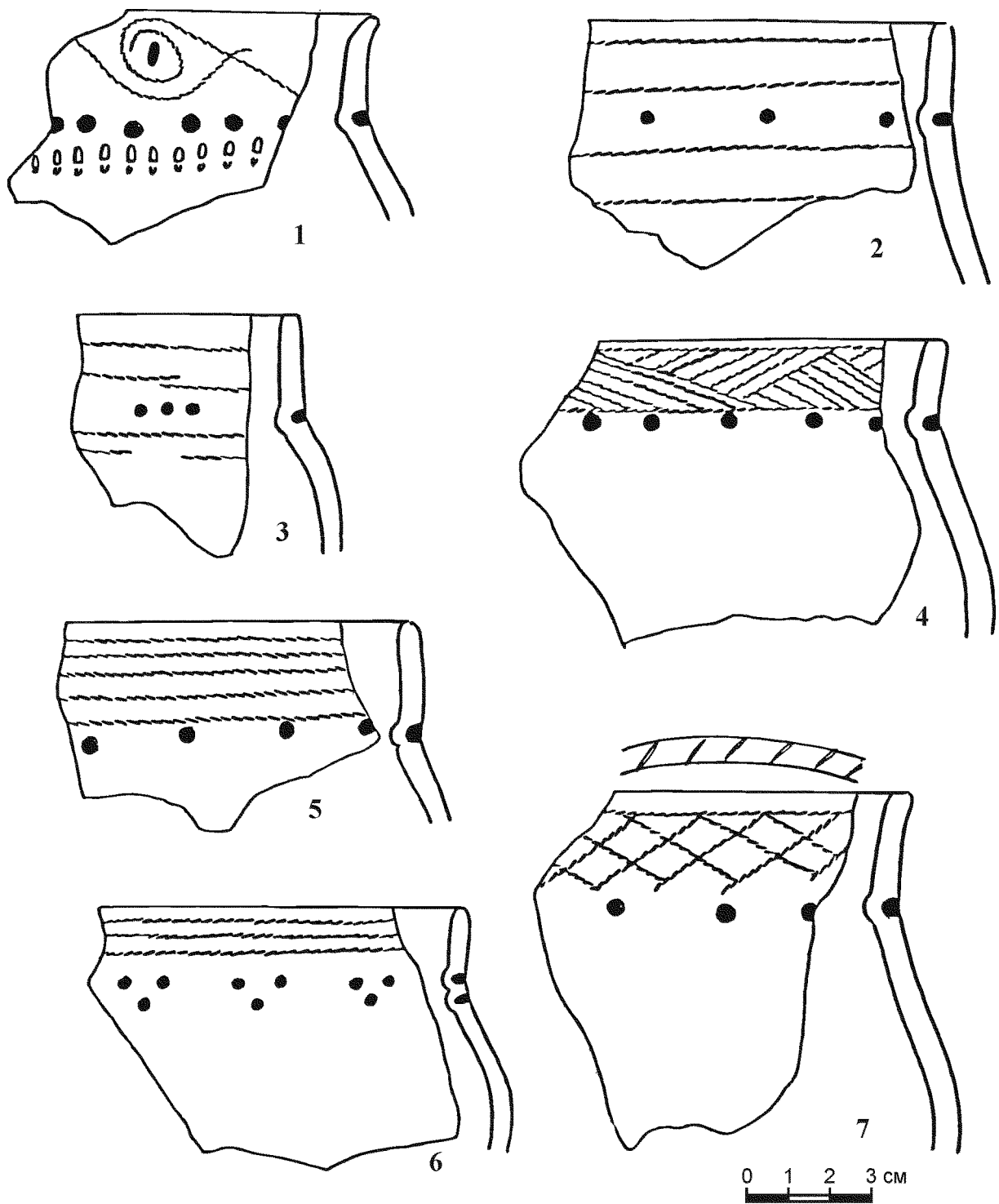


Рис. 19. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика поселения Курган.

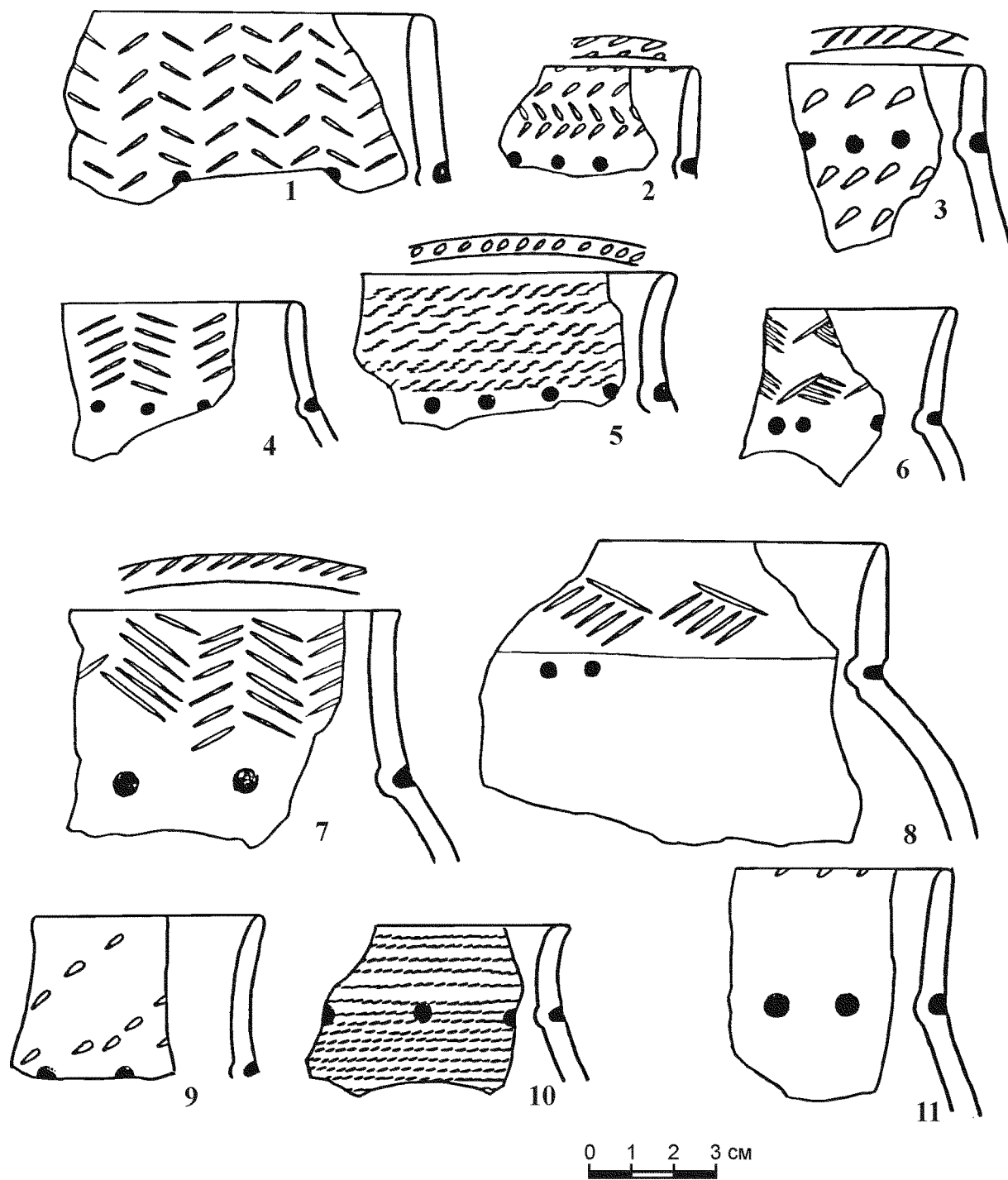


Рис. 20. Городище Черепашье. Керамика первой группы (постмаклашевская).

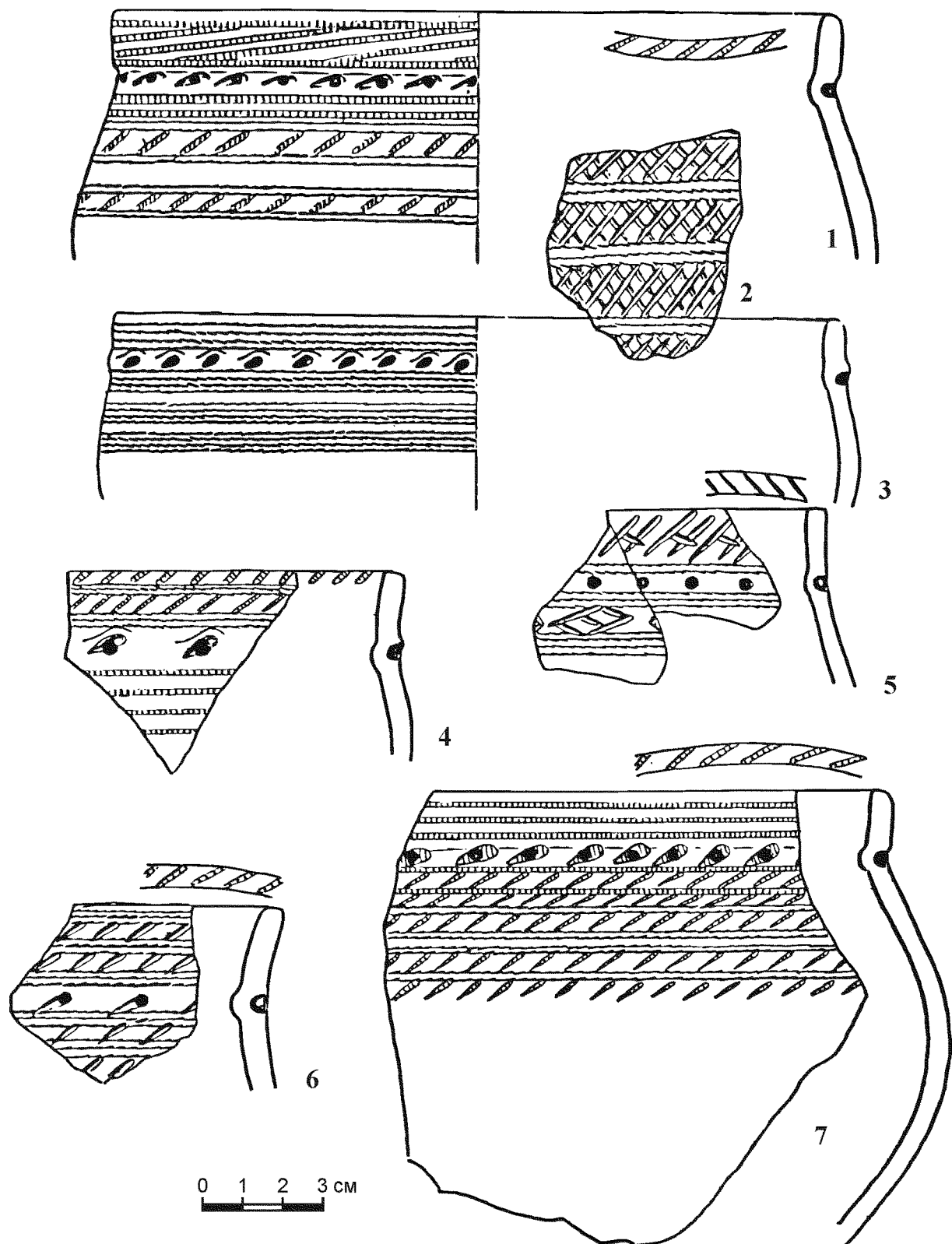


Рис. 21. Городище Черепашье. Керамика второй группы (гребенчато-шнуровая).

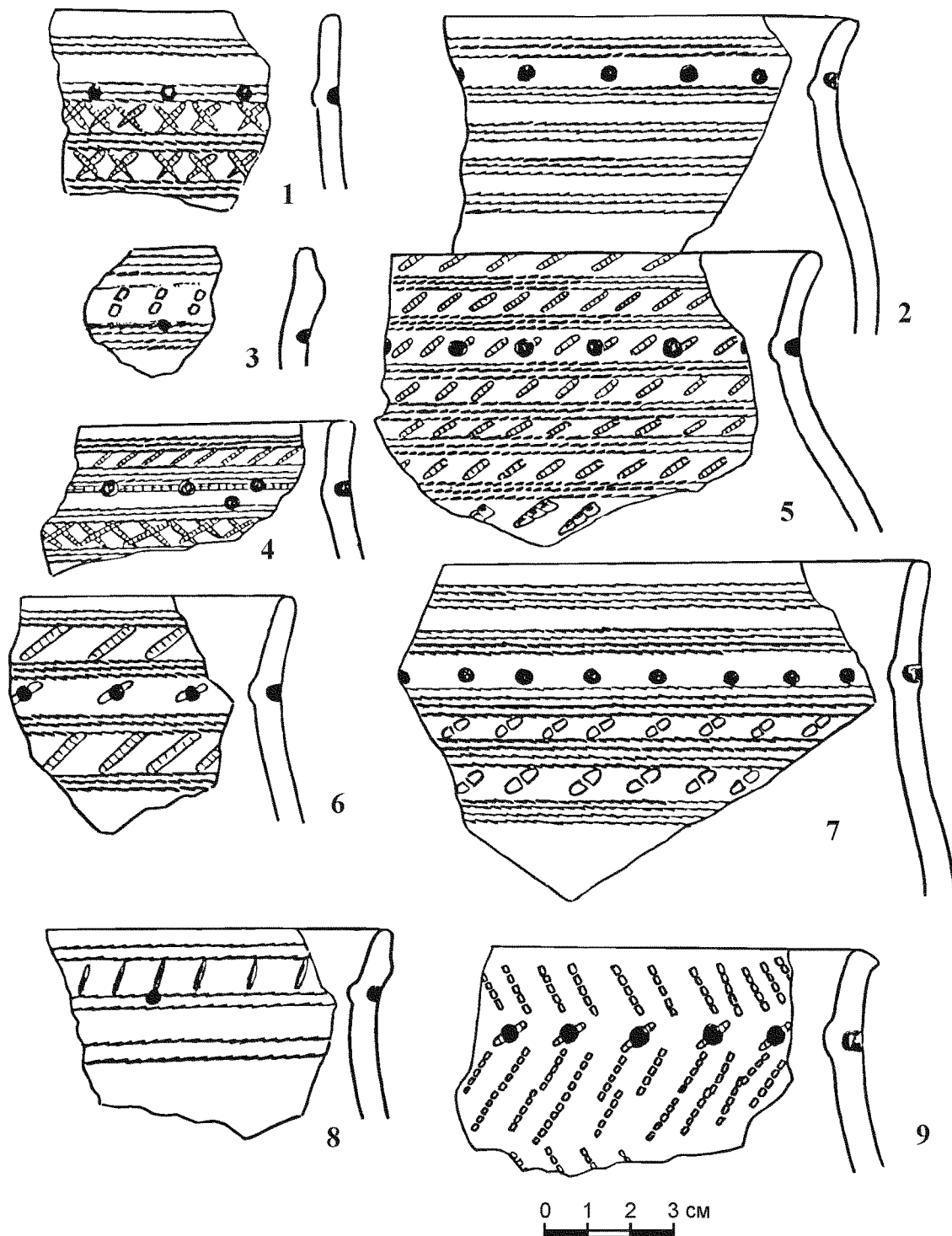


Рис. 22. Городище Сухой Берсут. Керамика второй группы (гребенчато-шнуровая).

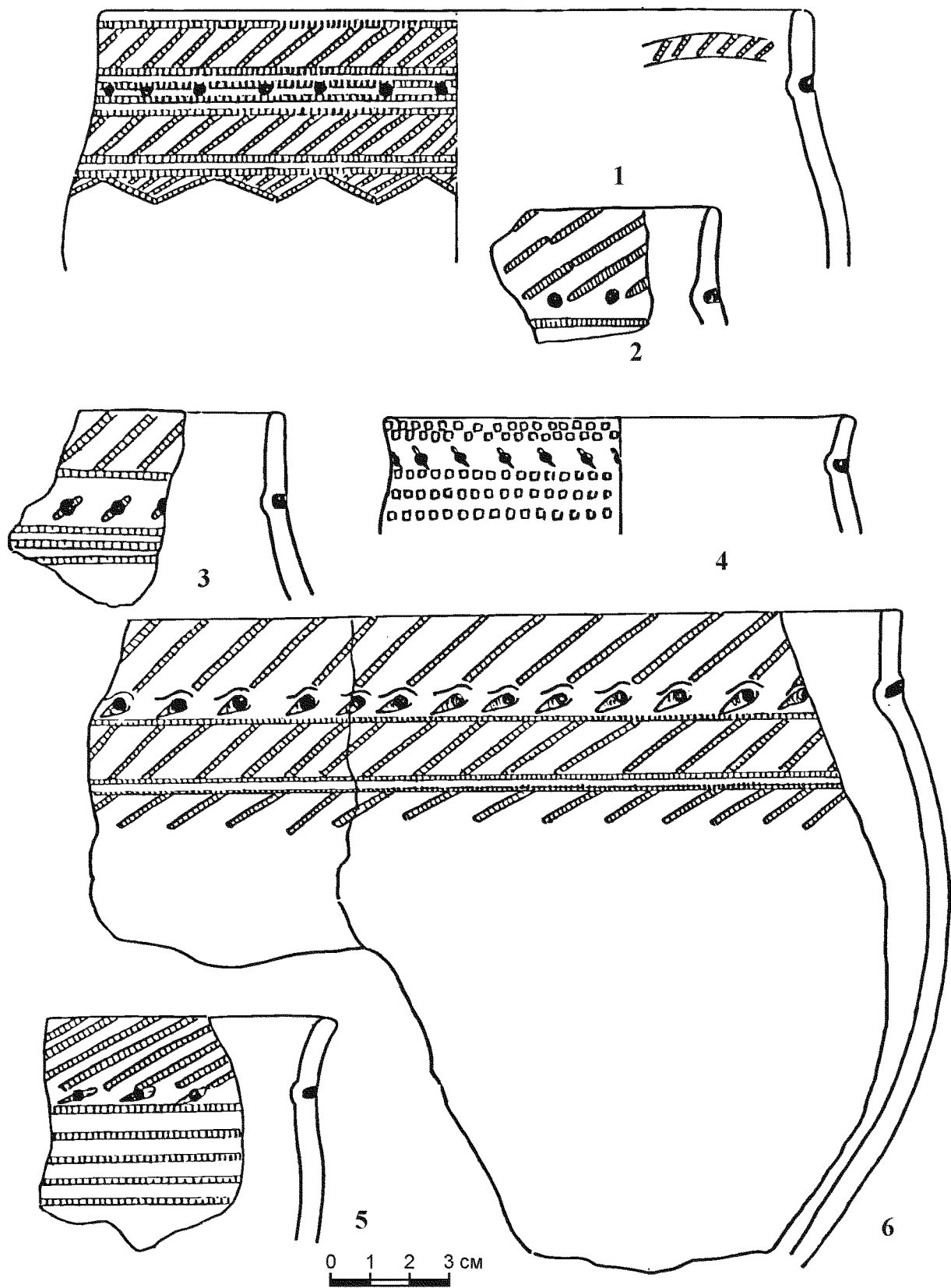


Рис. 23. Городище Черепашье (5,6) и Сухой Берсут (1-4). Керамика третьей группы (лебяжская).

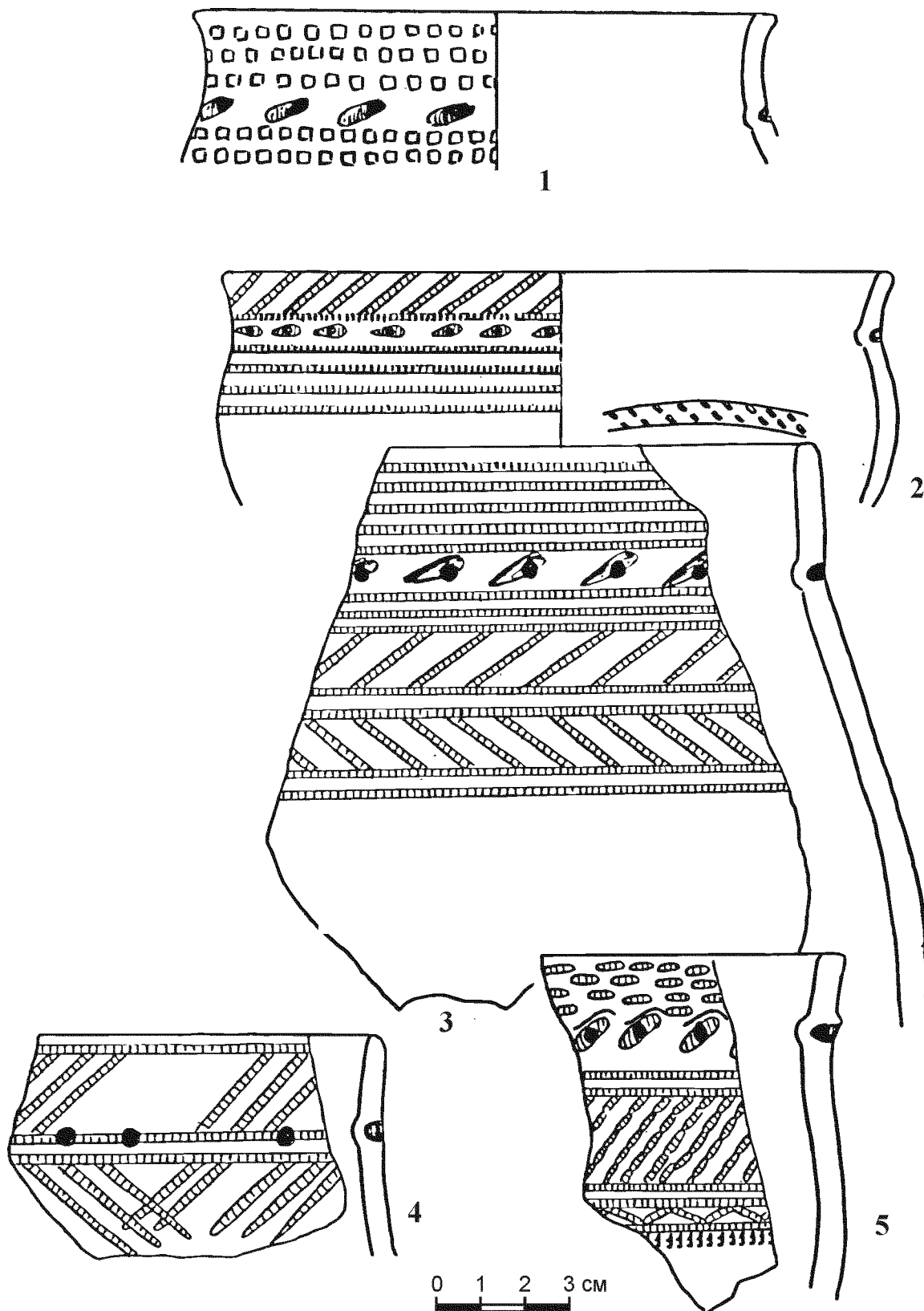


Рис. 24. Лебяжская керамика. 1-2 – городище Сухой Берсут;
3 – городище Гремячий Ключ; 4 – городище Черепашье; 5 – городище Казанка I.

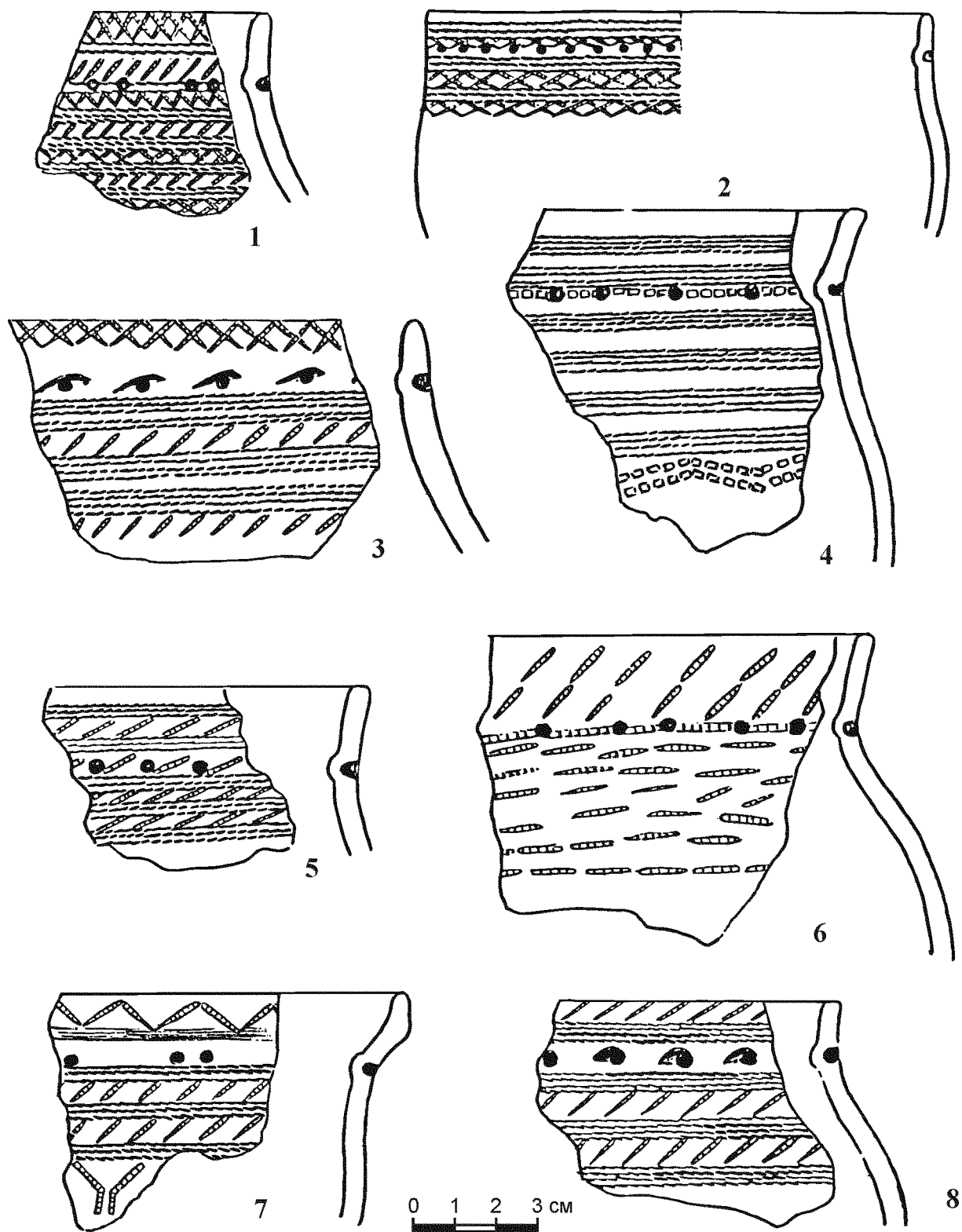


Рис. 25. Керамика городища Ройский Шихан.

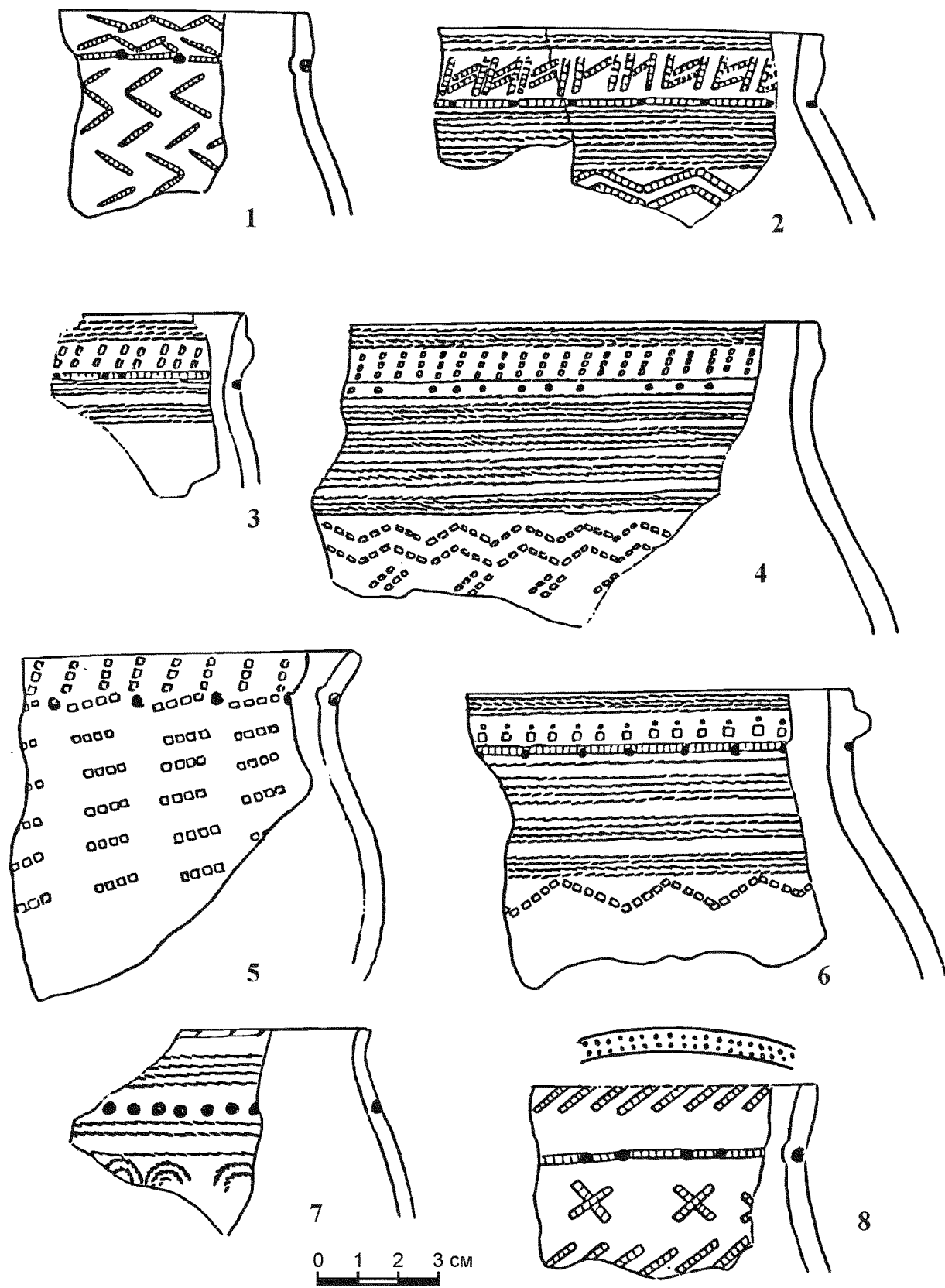


Рис. 26. Керамика Белоглазовского городища.

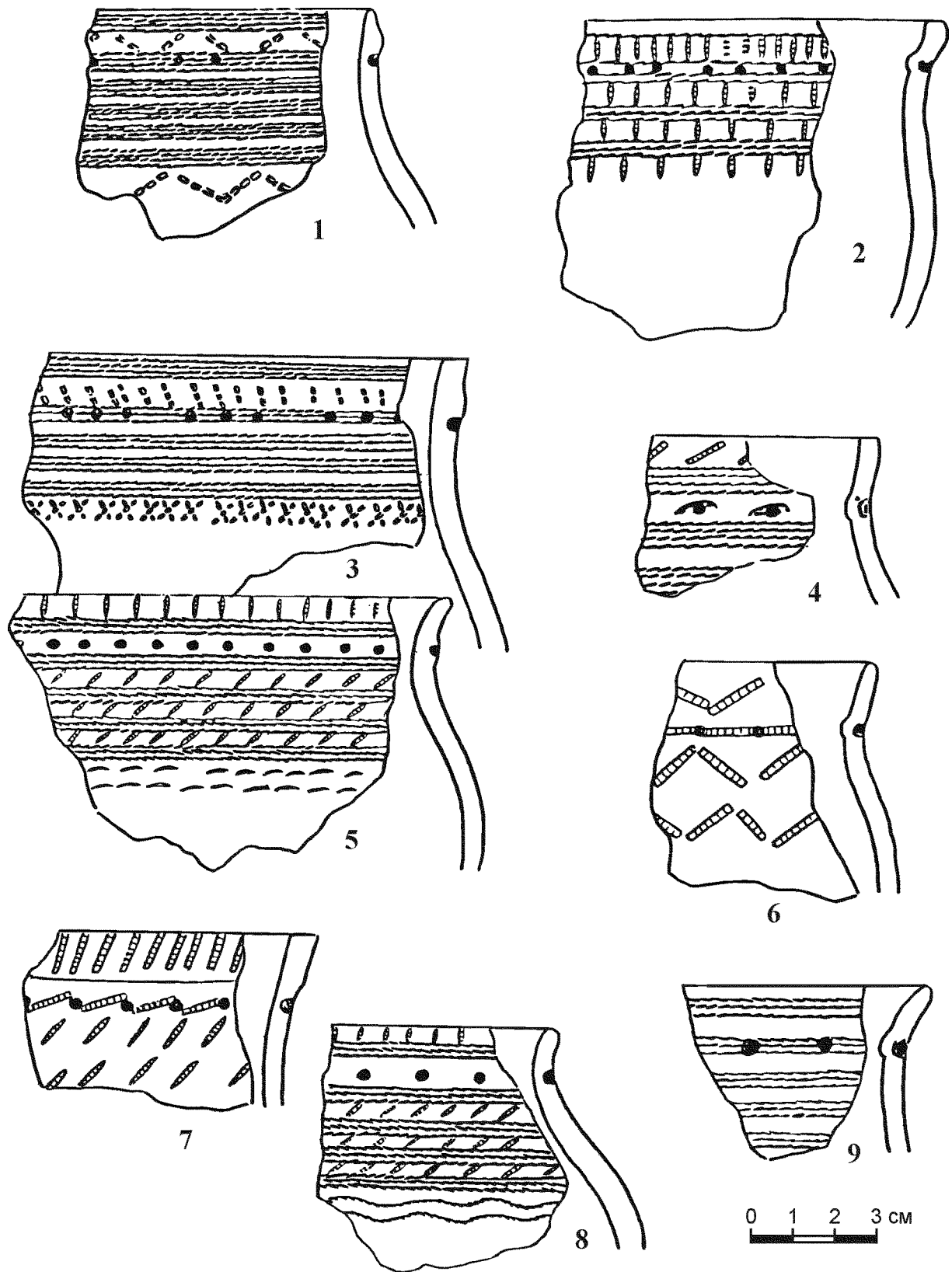


Рис. 27. Керамика Аргыжского городища.

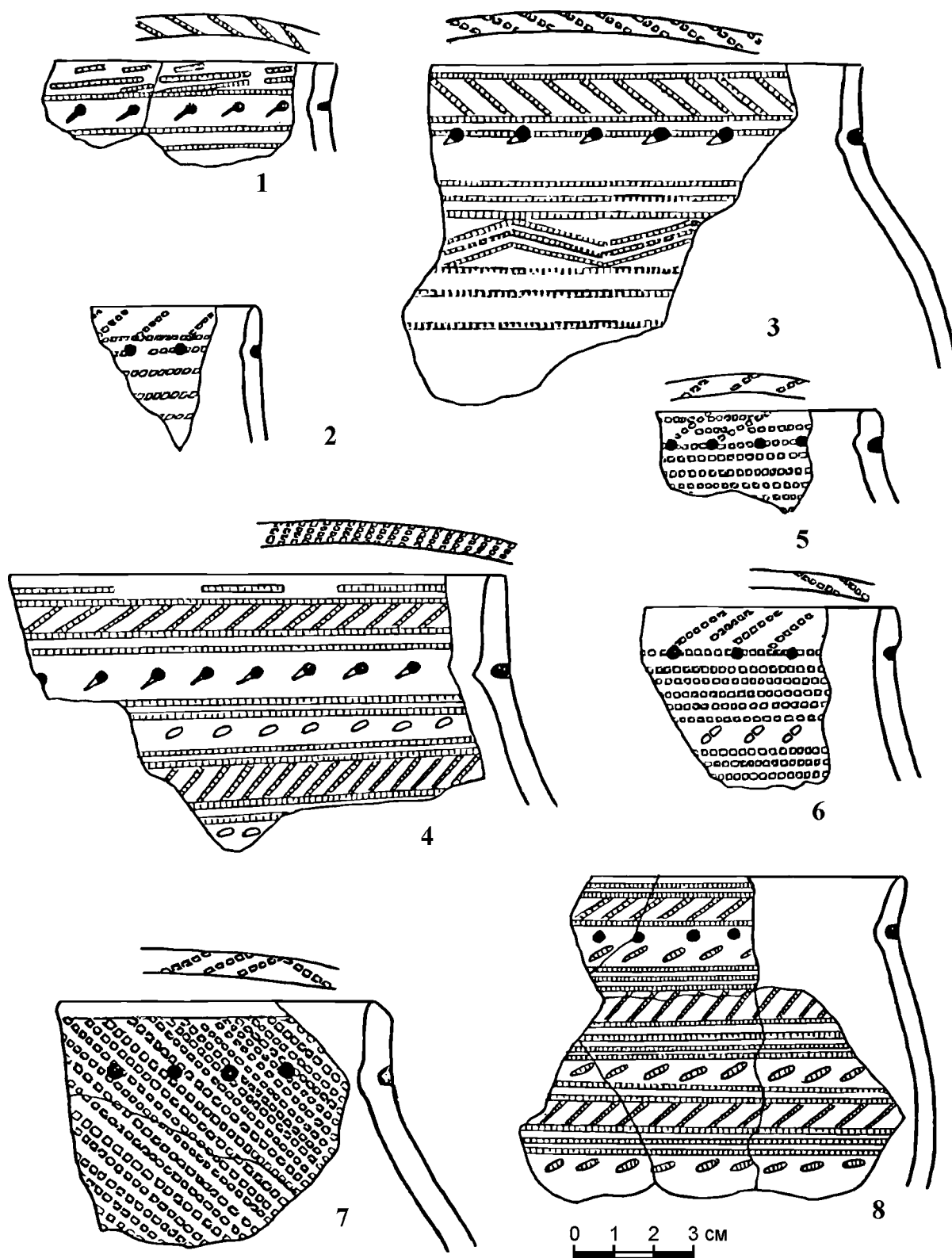


Рис. 28. Лебяжская керамика памятников Северного Приуралья (по В.И. Канивцу и Г.М. Бурову). 1-2 – стоянка Самкоди II; 3 – Знаменская стоянка; 4, 8 – стоянка Озыг II; 5-6 – стоянка Яко I; 7 – Канинская пещера.

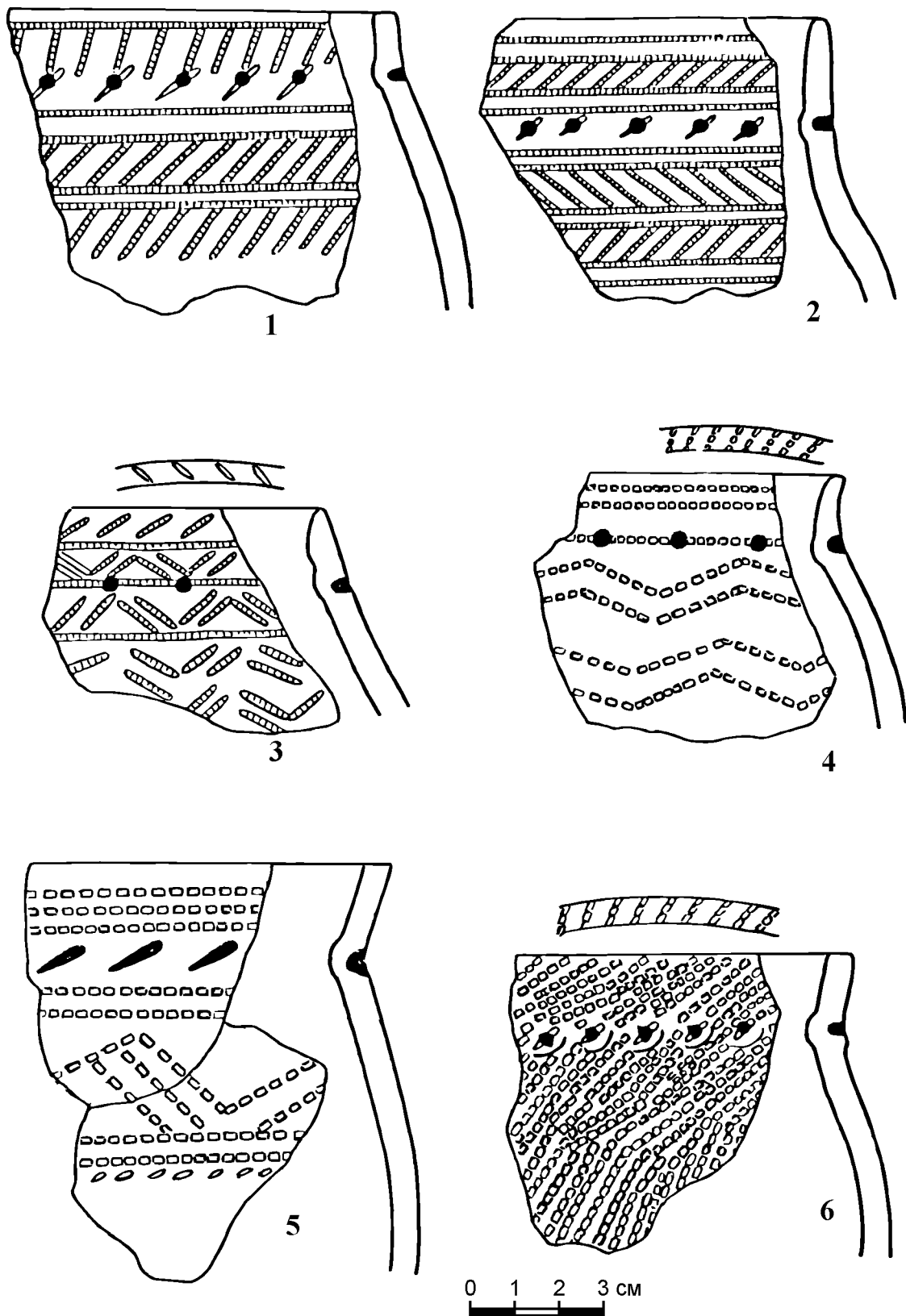


Рис. 29. Лебяжская керамика. 1-2 – Богородское городище на р. Ветлуге (по В.Е. Стоянову); 3 – Малахайское селище на Средней Волге; 4 – Ардинское городище на Средней Волге; 5 – Чутайское I городище на р. Вятке; 6 – городище Сухой Берсут на Нижней Каме.

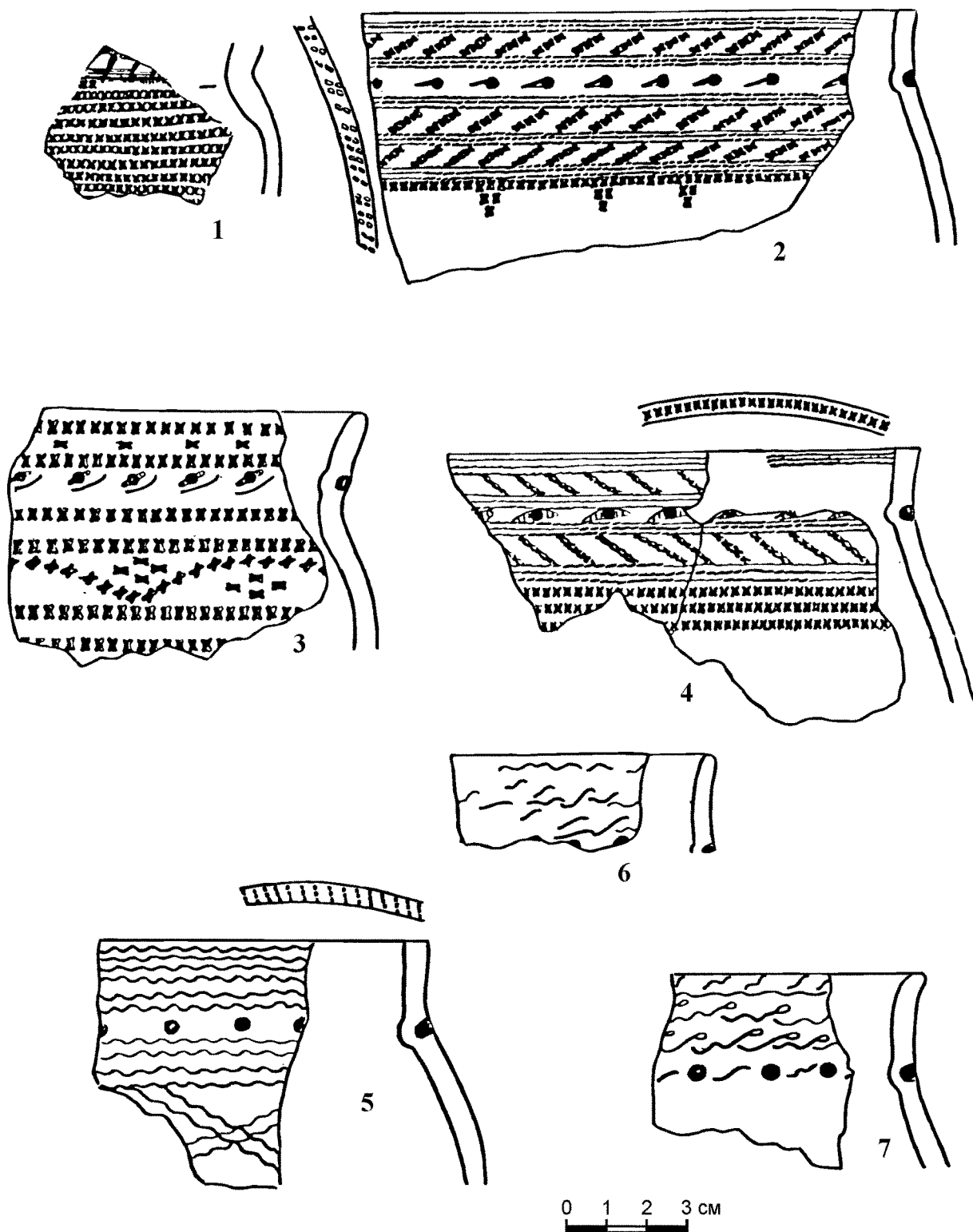


Рис. 30. Керамика с крестовым и волнисто-прочерченным орнаментом с памятников Нижней Камы. 1, 4 – городище Черепашье; 2, 3 – поселение Курган; 5 – городище Сухой Берсут; 6, 7 – городище Гремячий Ключ.

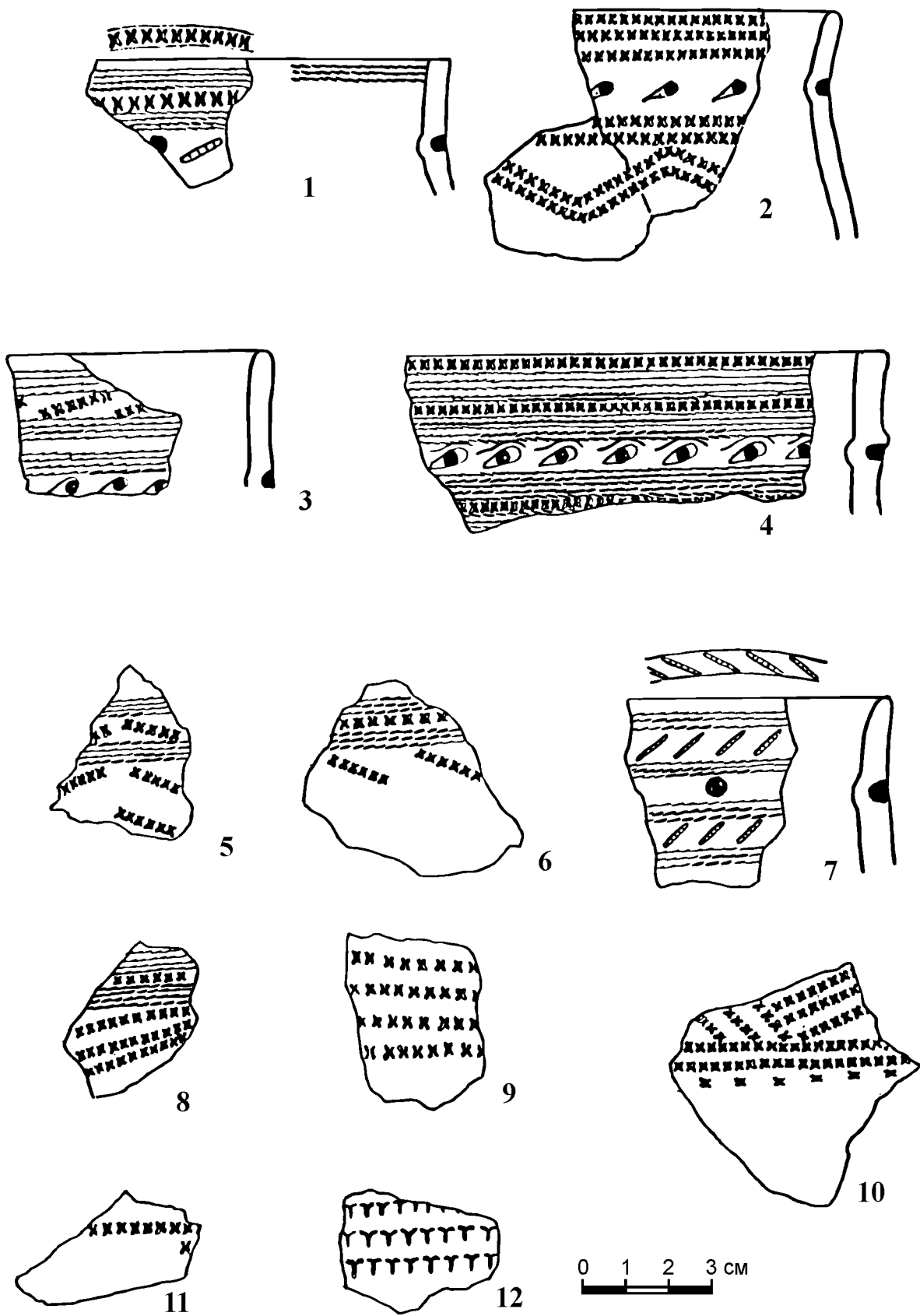


Рис. 31. Керамика I Чутайского (2-3,10-12) и II Чутайского (1,4-9) городищ.

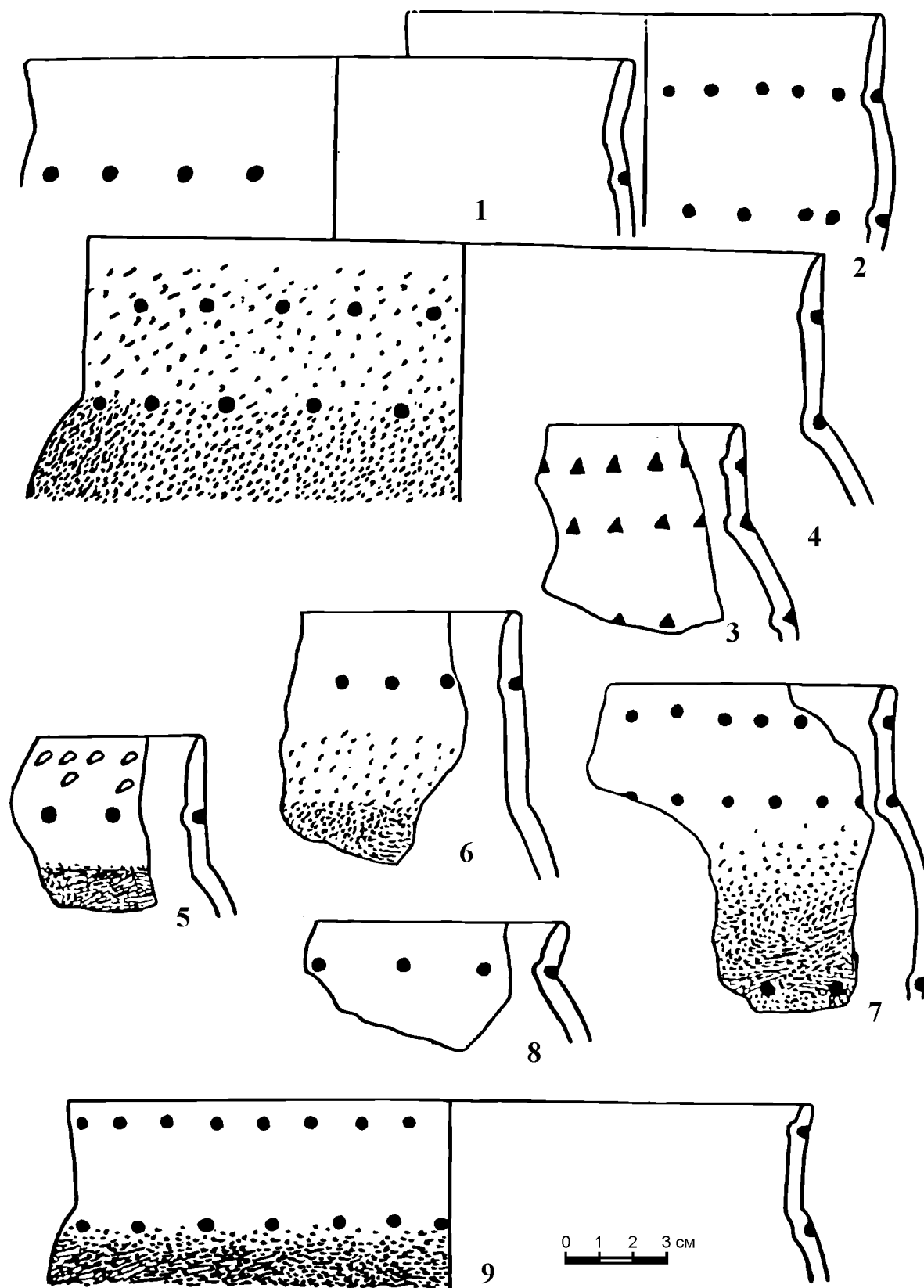


Рис. 32. Керамика южно-волжских памятников ананьинского времени. Группа Ia.
1-7 – Маклашеевский II городище; 8-9 – Зольное поселение.

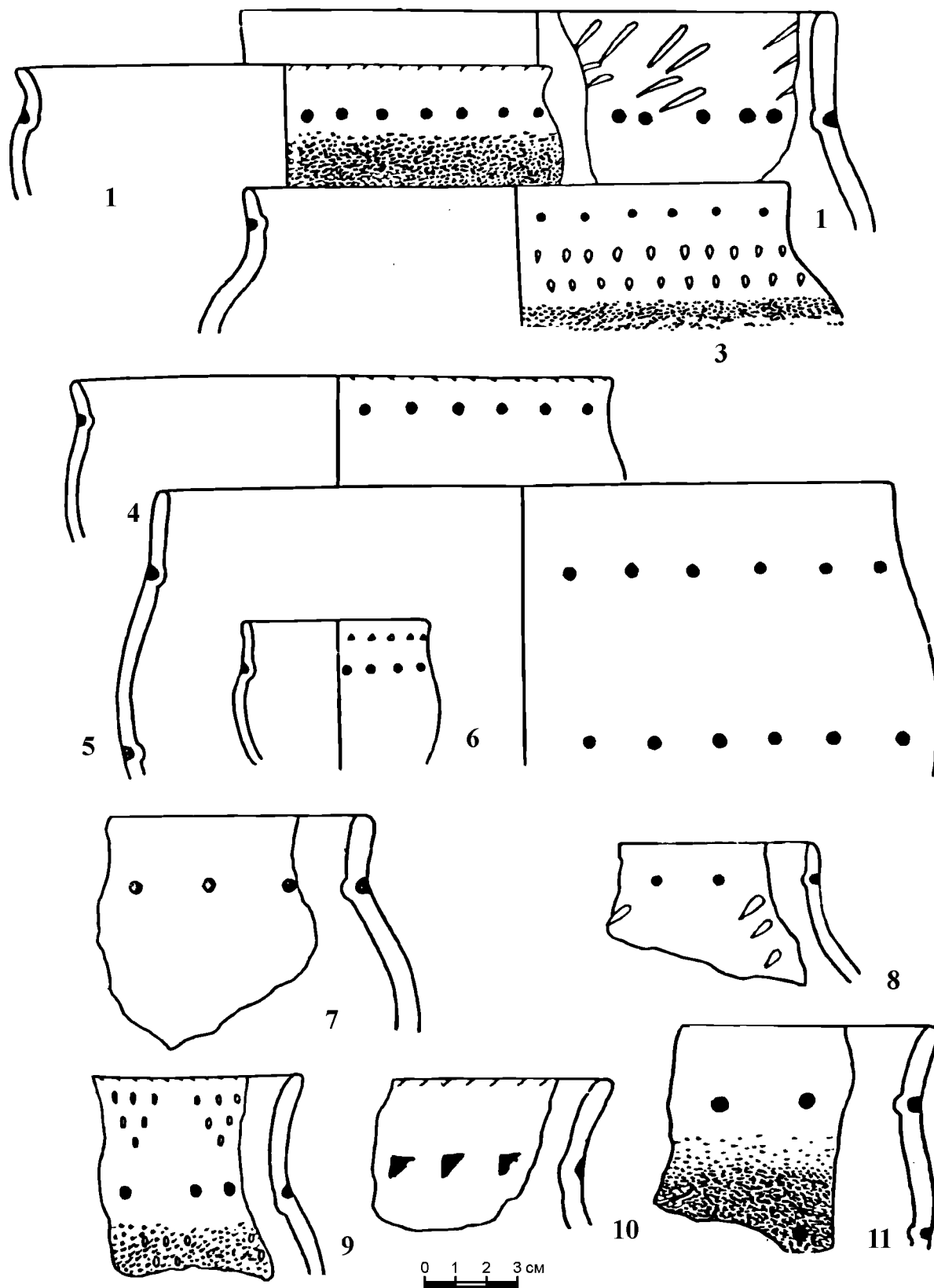


Рис. 33. Керамика южно-волжских памятников ананьинского времени. Группа Ib.
1-8, 11 – Маклашеевский II городище; 10 – Зольное поселение; 9 – Гулькинское поселение.

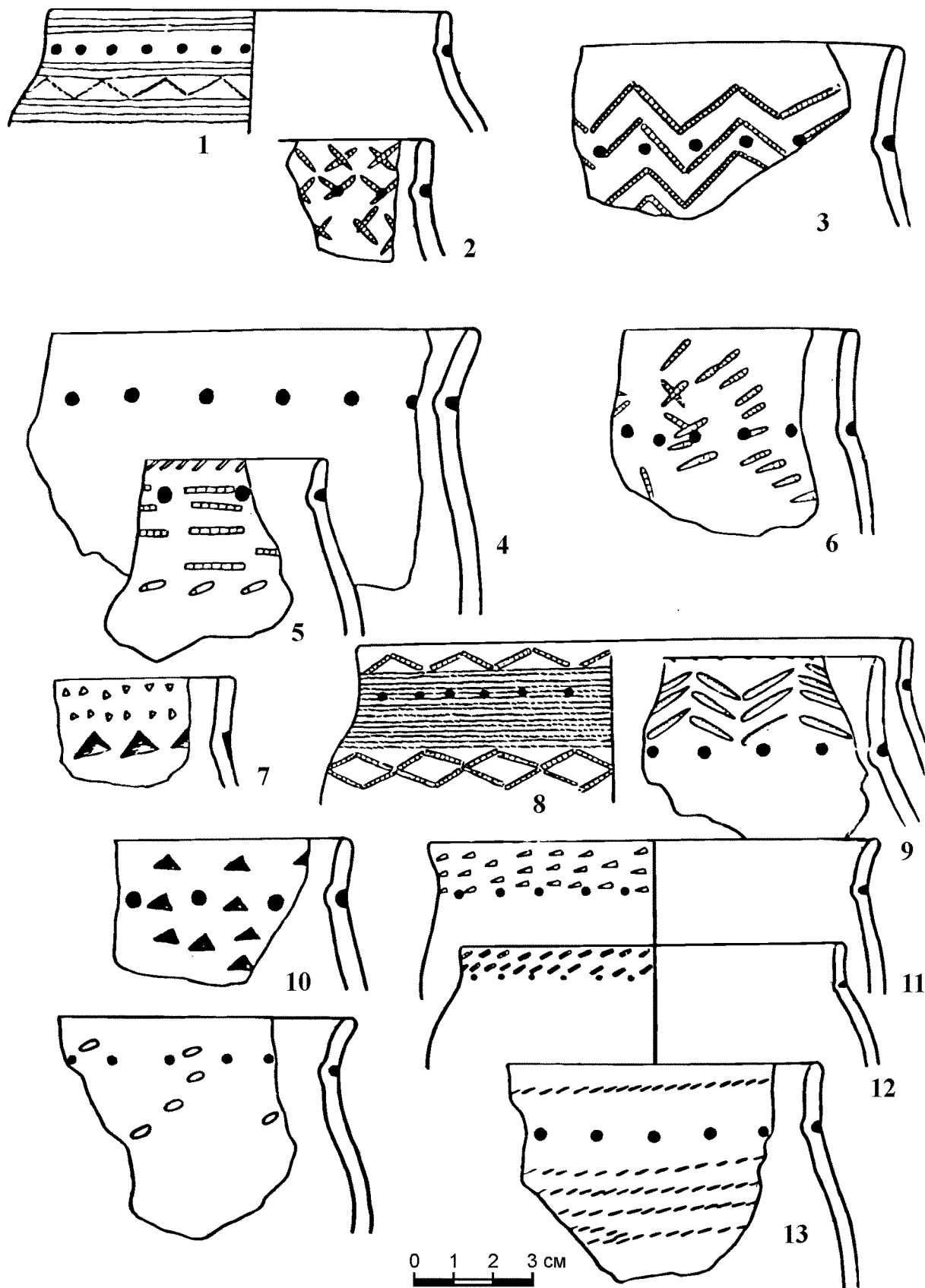


Рис. 34. Керамика южно-волжских памятников ананьинского времени.
Группа II. 1-14 – Маклашеевский II городище.

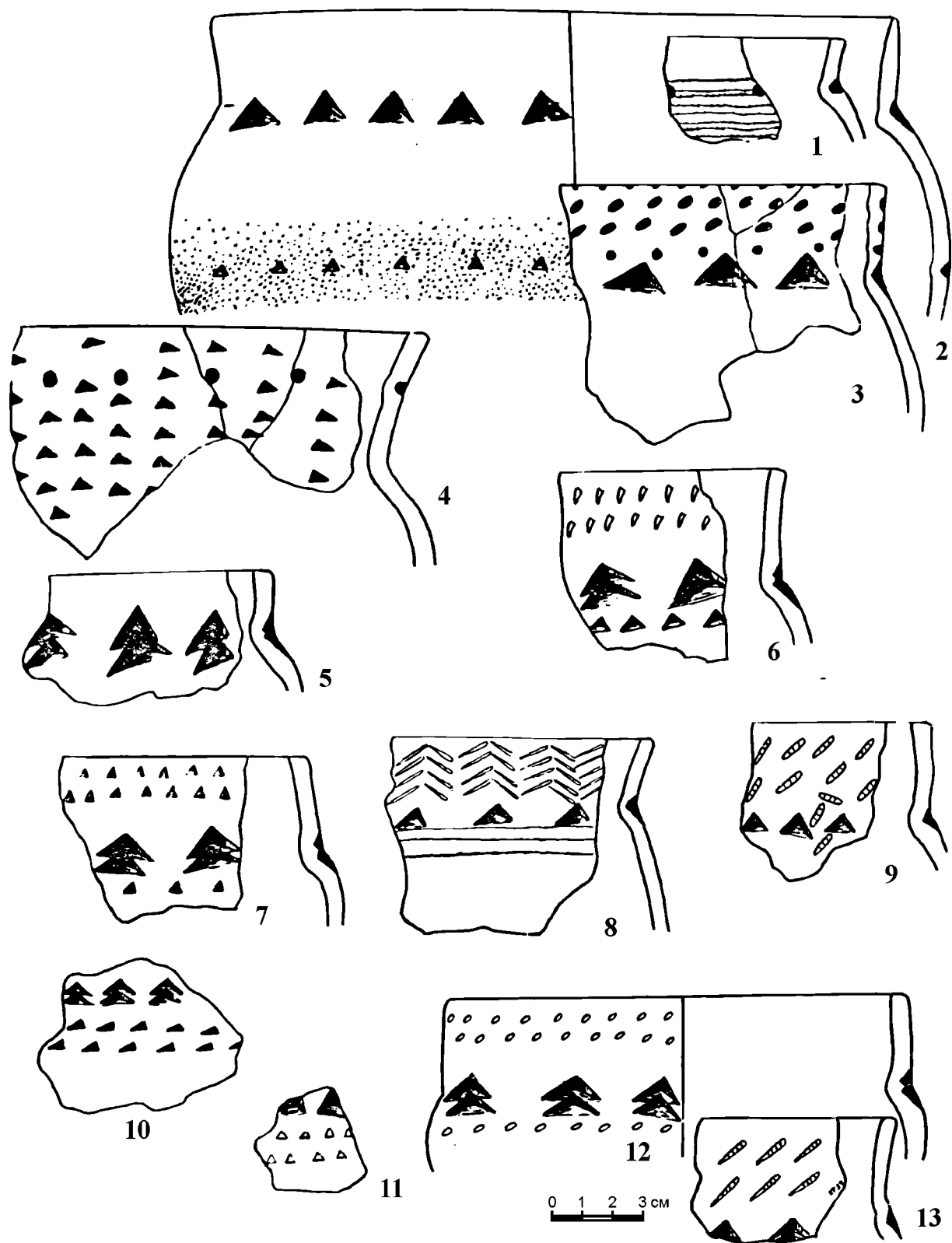


Рис. 35. Керамика южно-волжских памятников ананьинского времени.
 Группа Ша. 1-4, 9, 12 – Маклашеевский II городище; 5-8 – Гулькинское поселение;
 7, 10, 11 – Зольное поселение; 13 – Мантовское местонахождение.

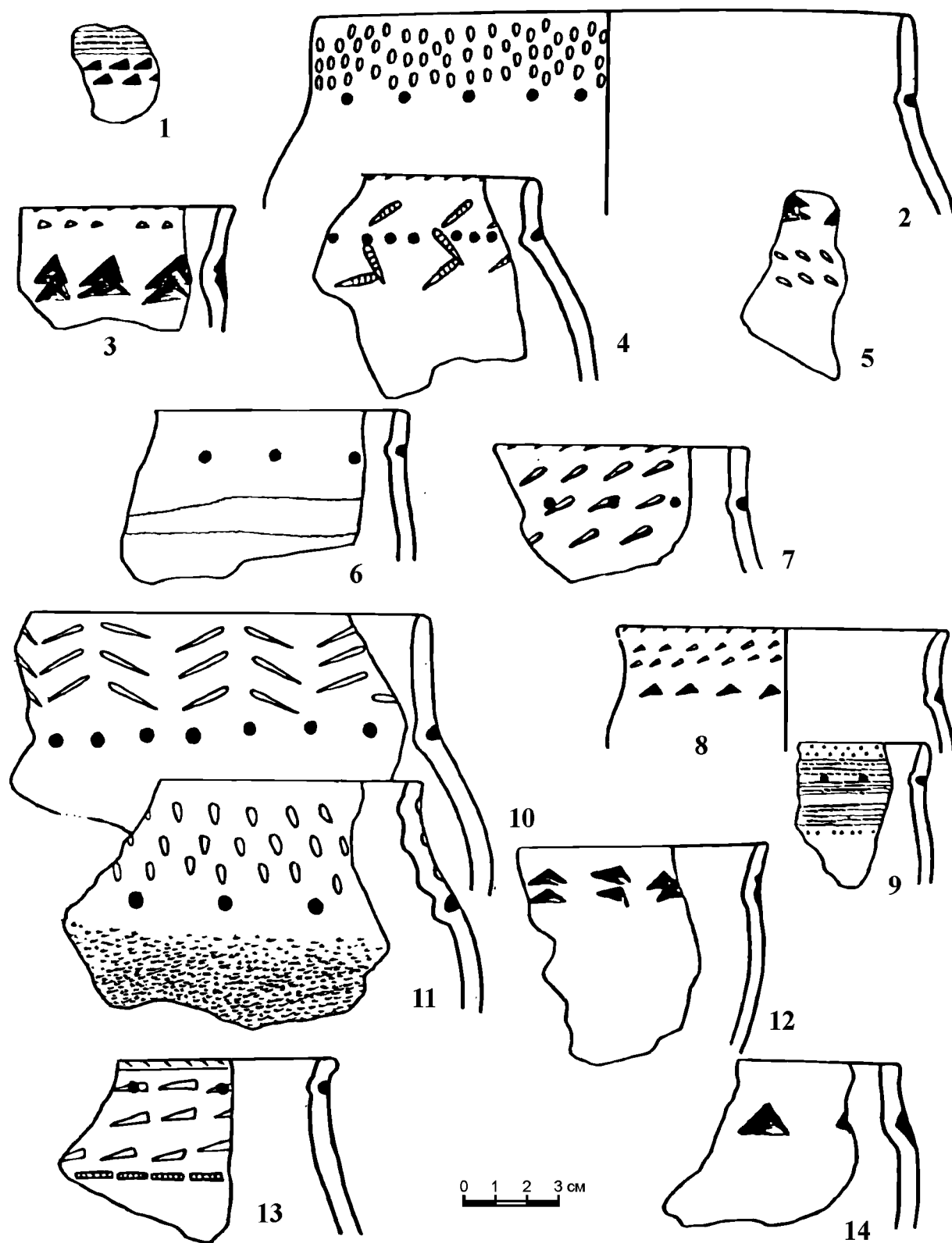


Рис. 36. Керамика южно-волжских памятников ананьинского времени. Группа ШБ.
1, 5 – Зольное поселение; 2-4, 6-12 – Маклашеевский II городище; 13, 14 – Гулькинское поселение.

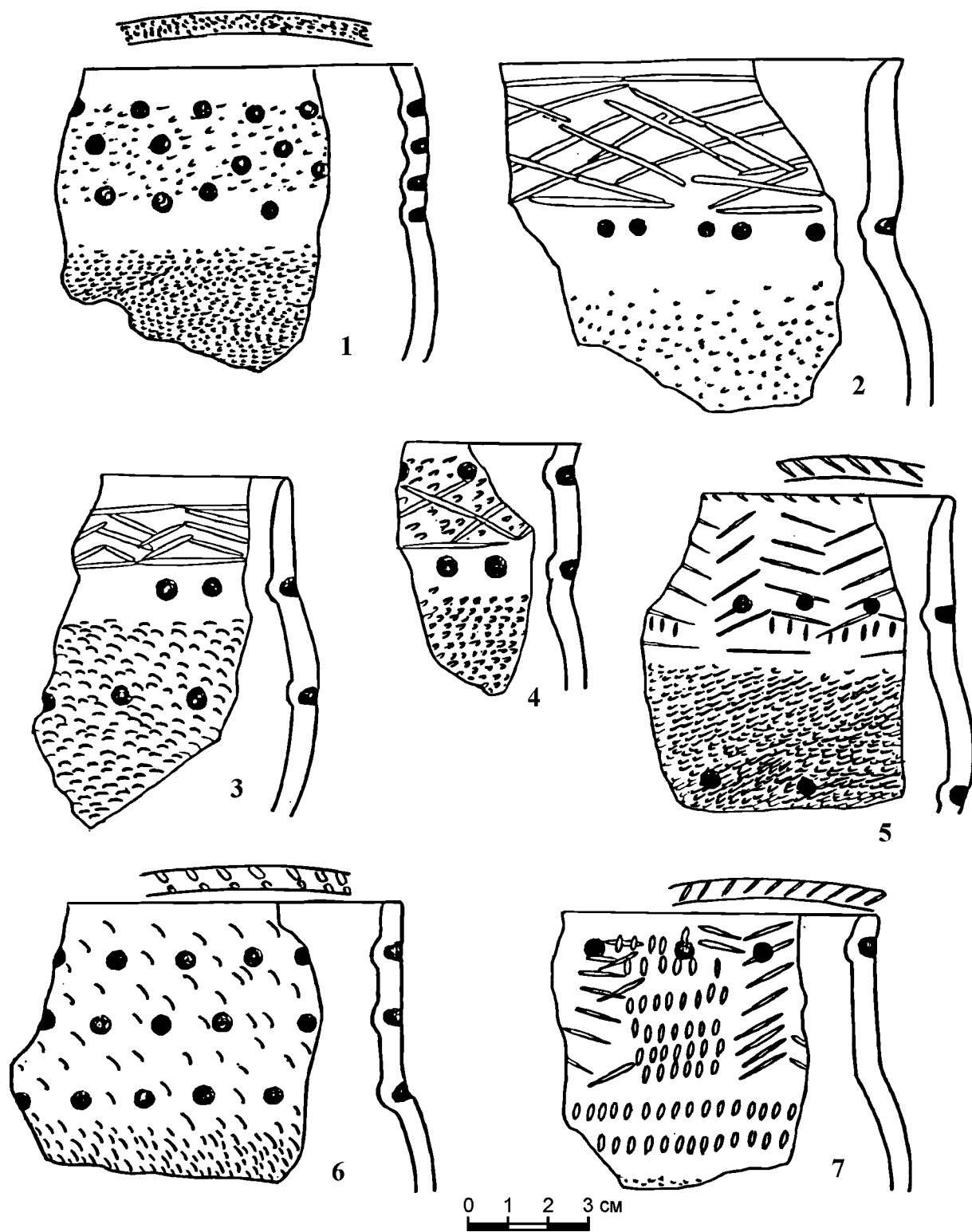


Рис. 37. Поселение Курган. «Тепильная» керамика конца эпохи бронзы.

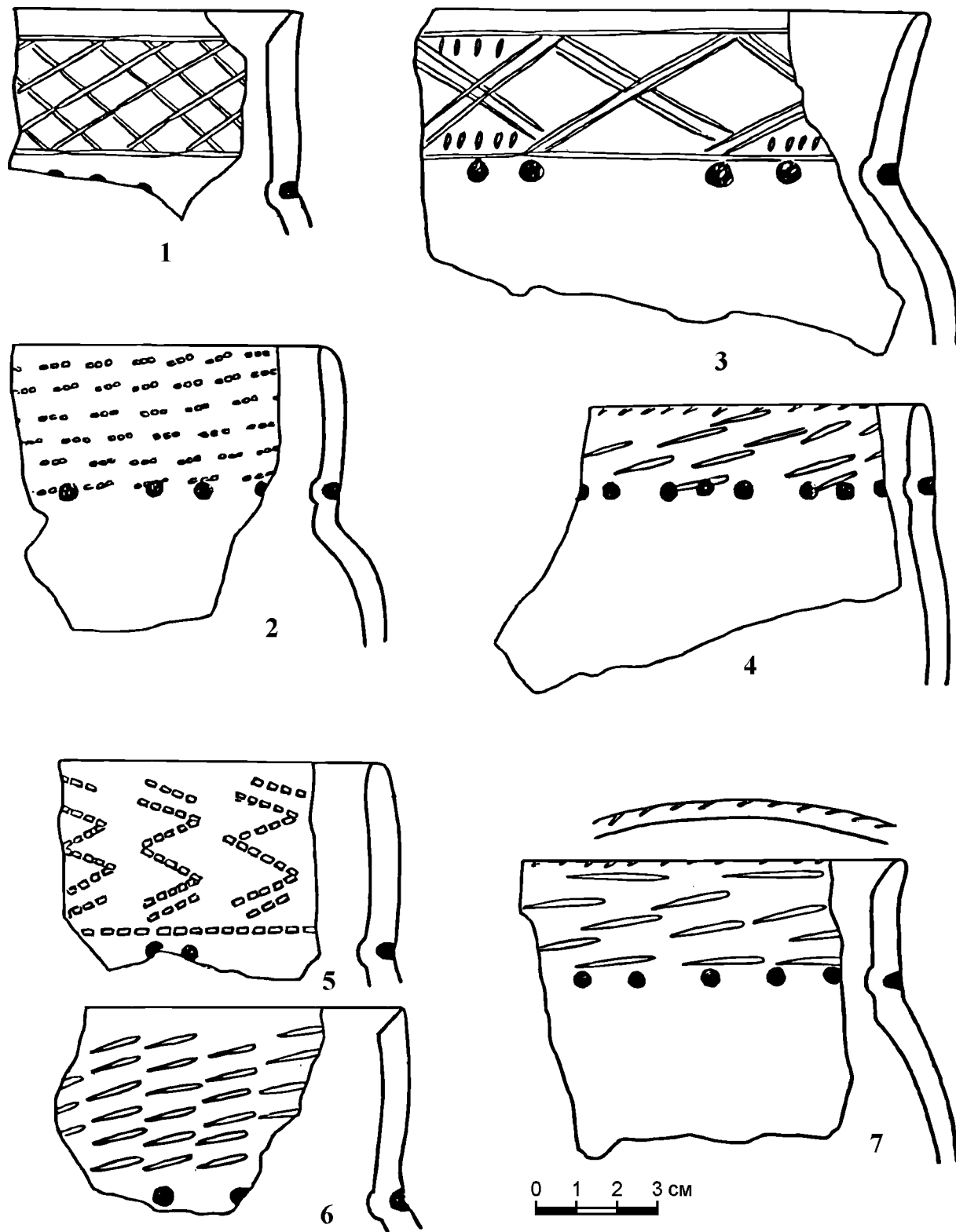


Рис. 38. Поселение Курган. Маклашеевская керамика.

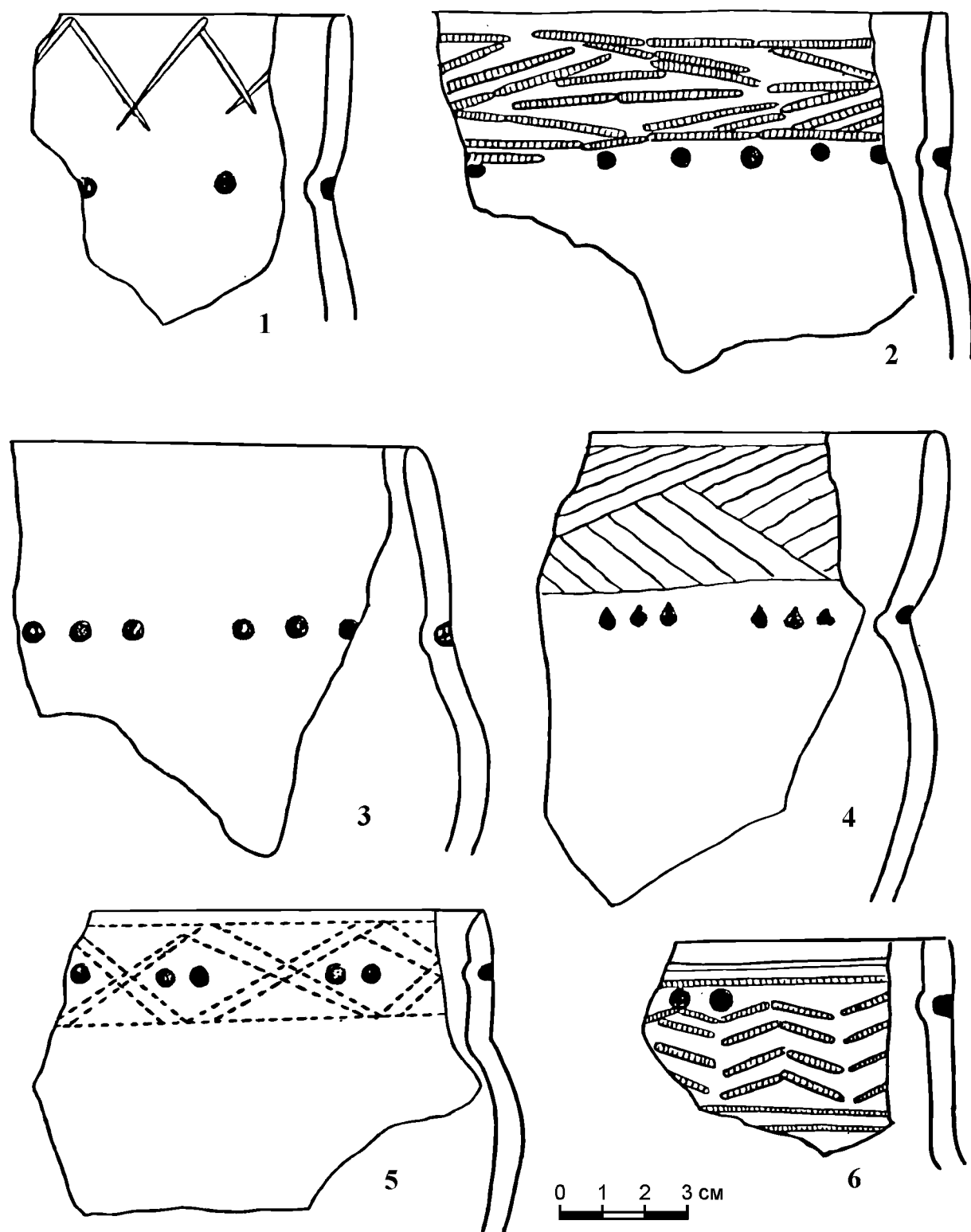


Рис. 39. Поселение Курган. Маклашеевская керамика.

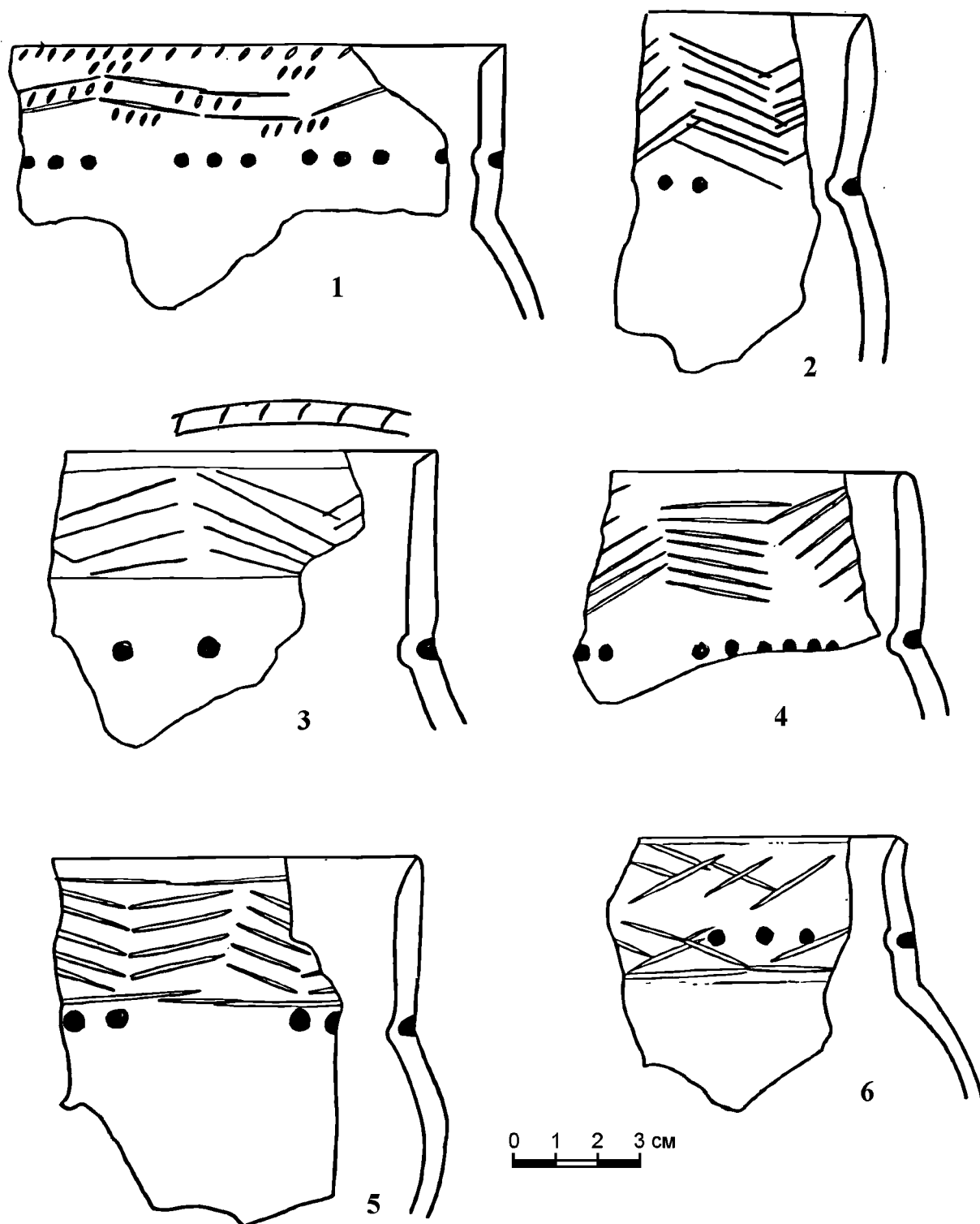


Рис. 40. Поселение Курган. Маклашеевская керамика.

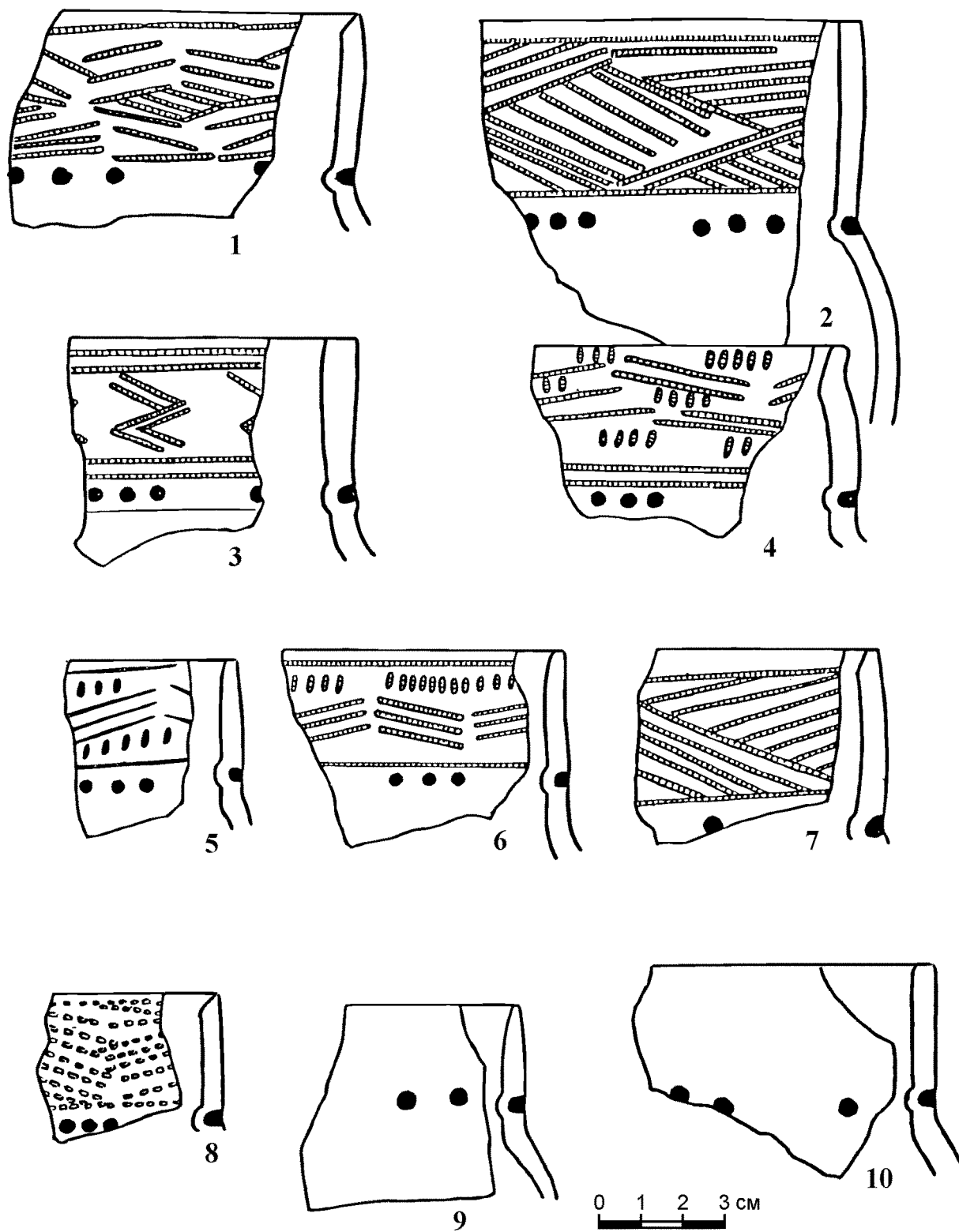


Рис. 41. Городище Черепашье. Маклашеевская керамика.

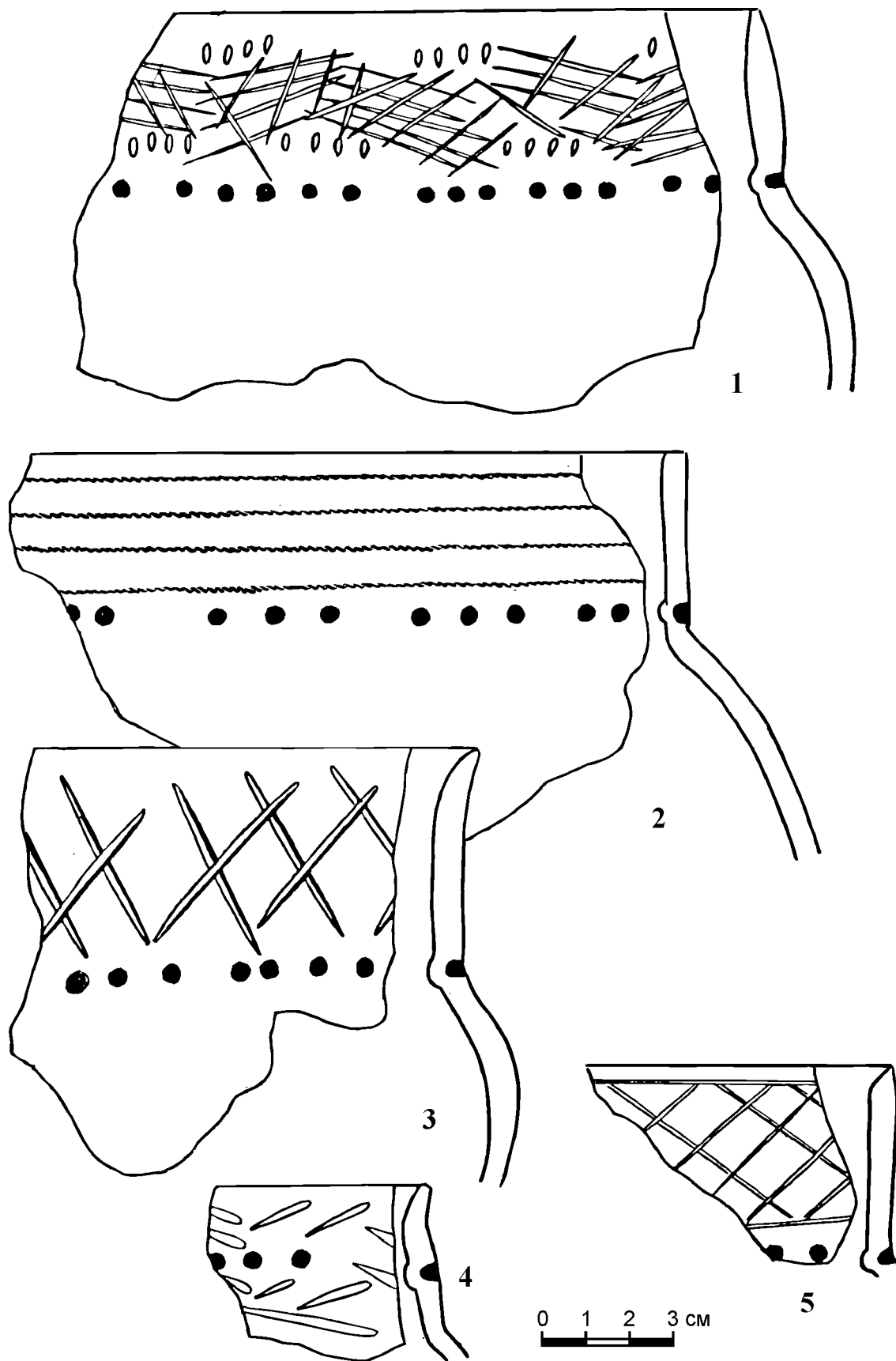


Рис. 42. Городище Черепашье. Маклашевская керамика.

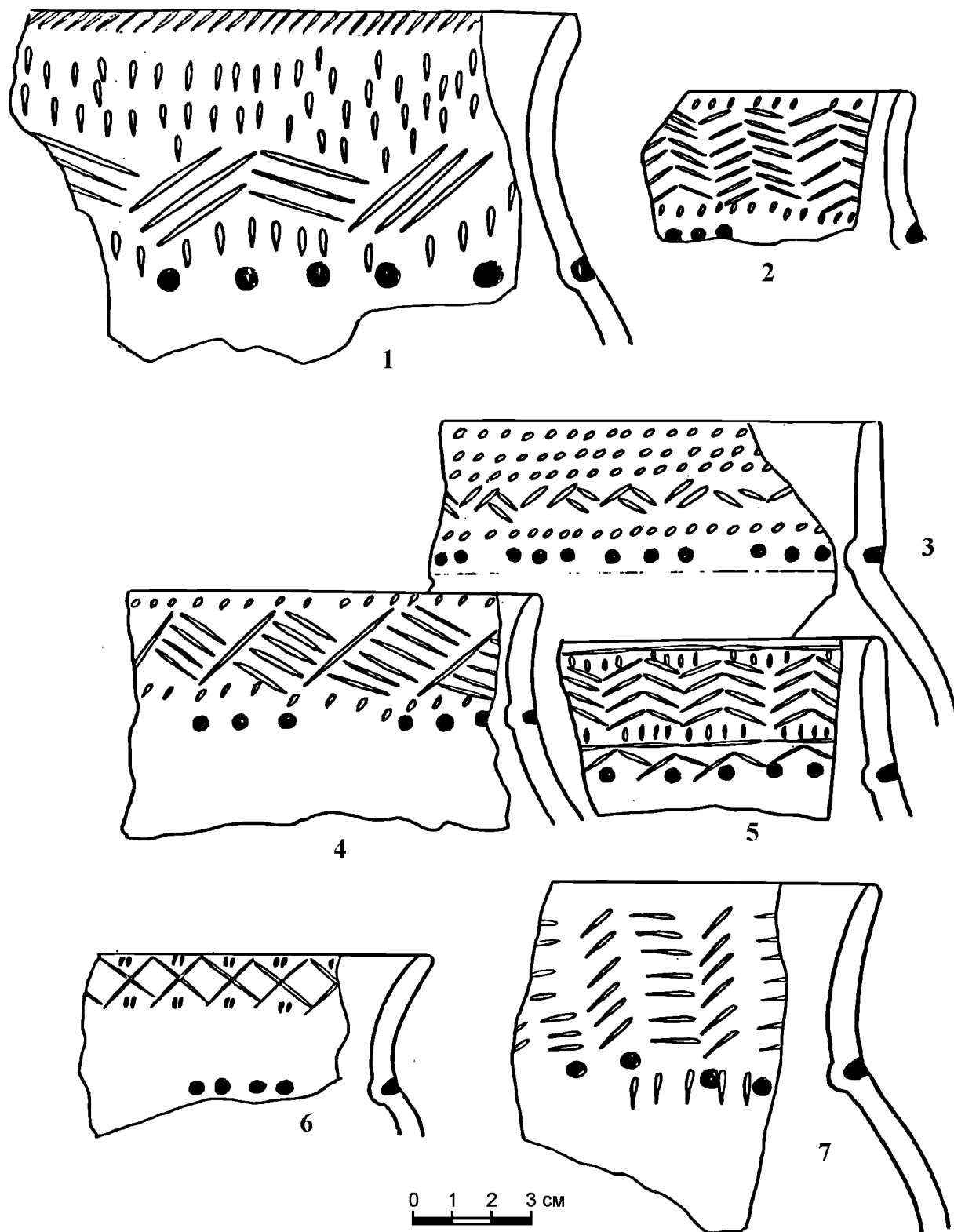


Рис. 43. Поселение Курган. Керамика переходного времени.

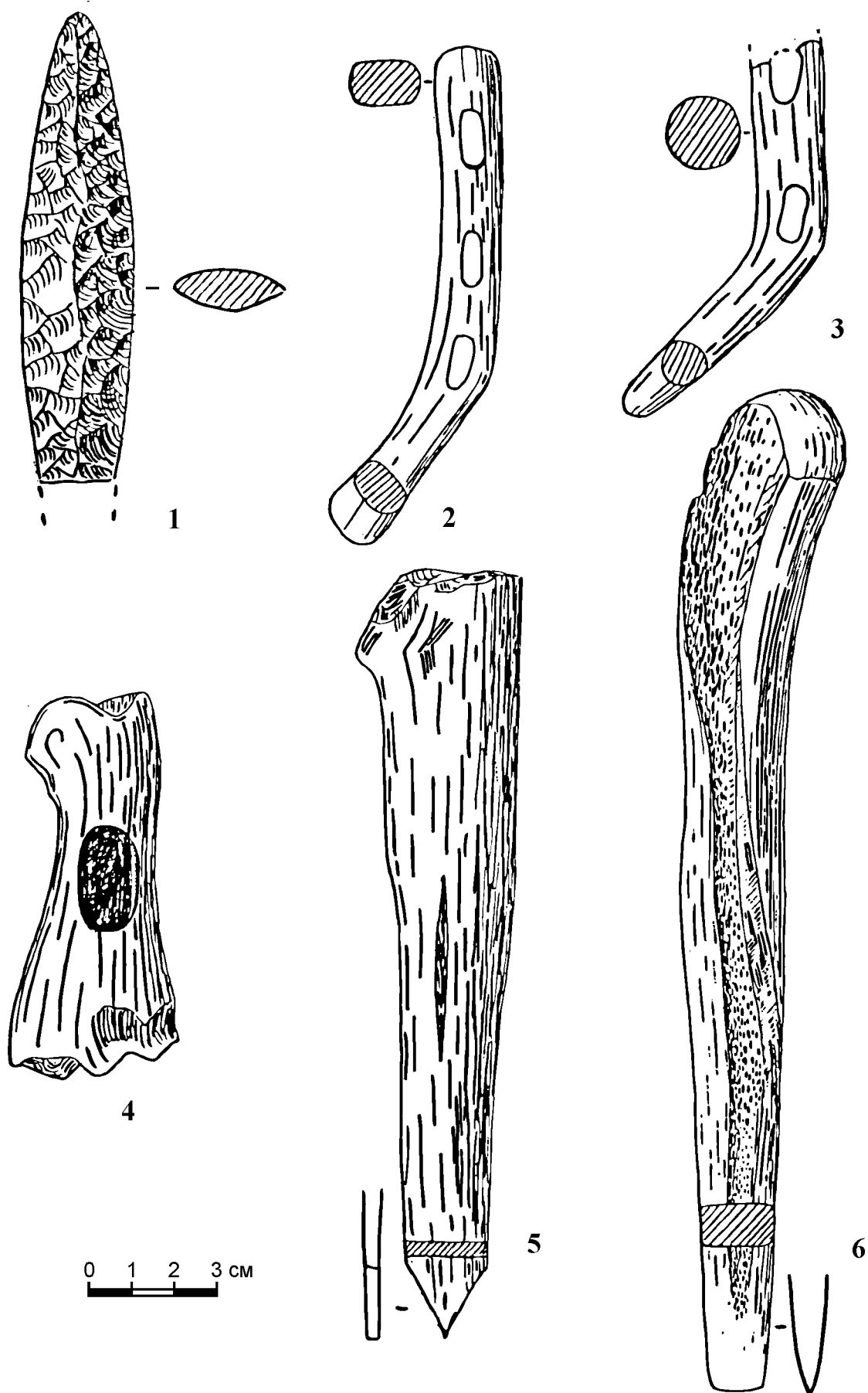


Рис. 44. Городище Гремячий Ключ. 1 – кремль, 2-6 – кость.

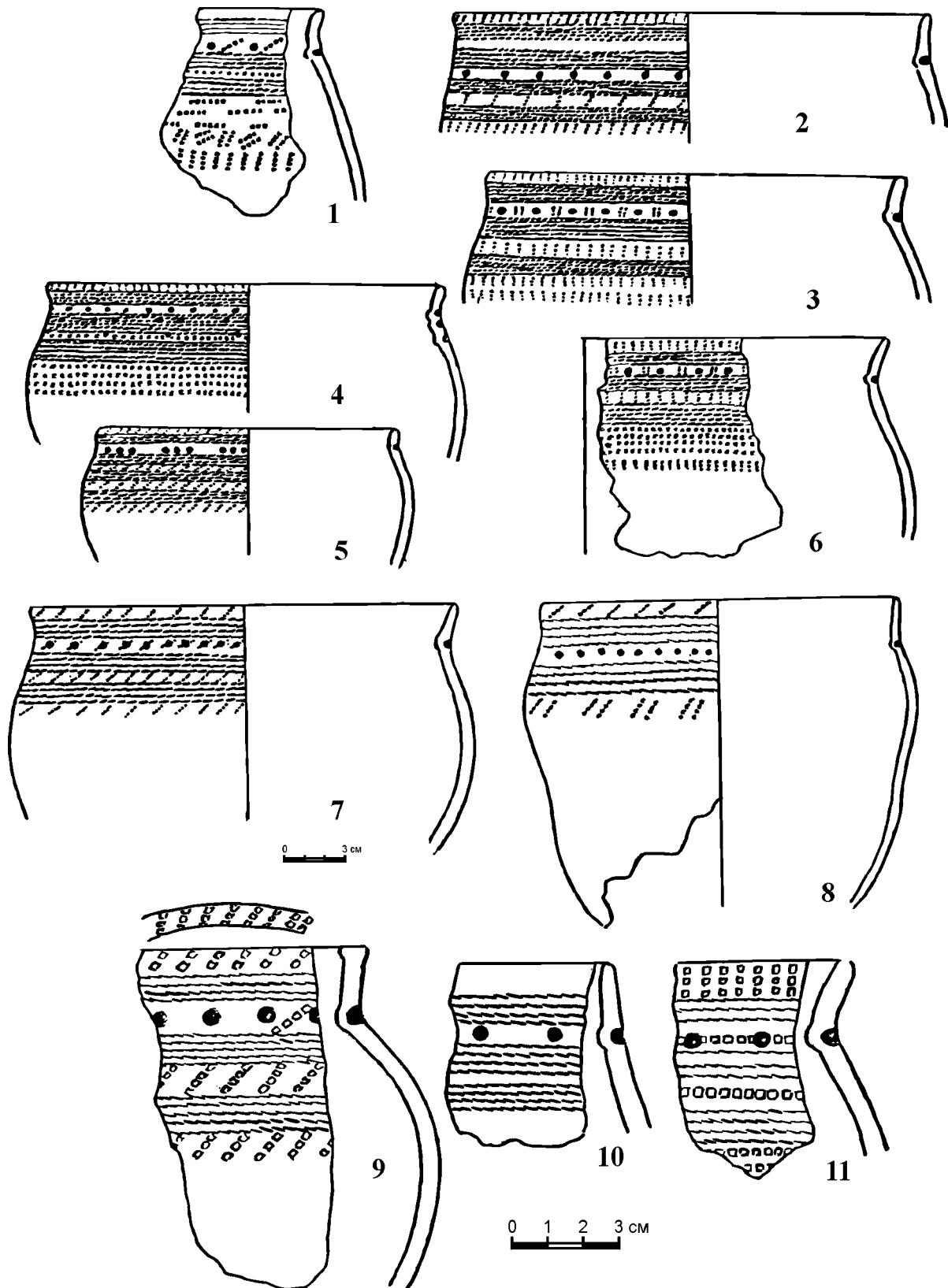


Рис. 45. Гребенчато-шнуровая керамика с памятников Среднего Поволжья.
 1 – Хмелевское поселение; 2-3 – Копаньское городище; 4 – Сиухинское поселение;
 5-8 – Васильсурское II городище; 9-11 – Ардинское городище.

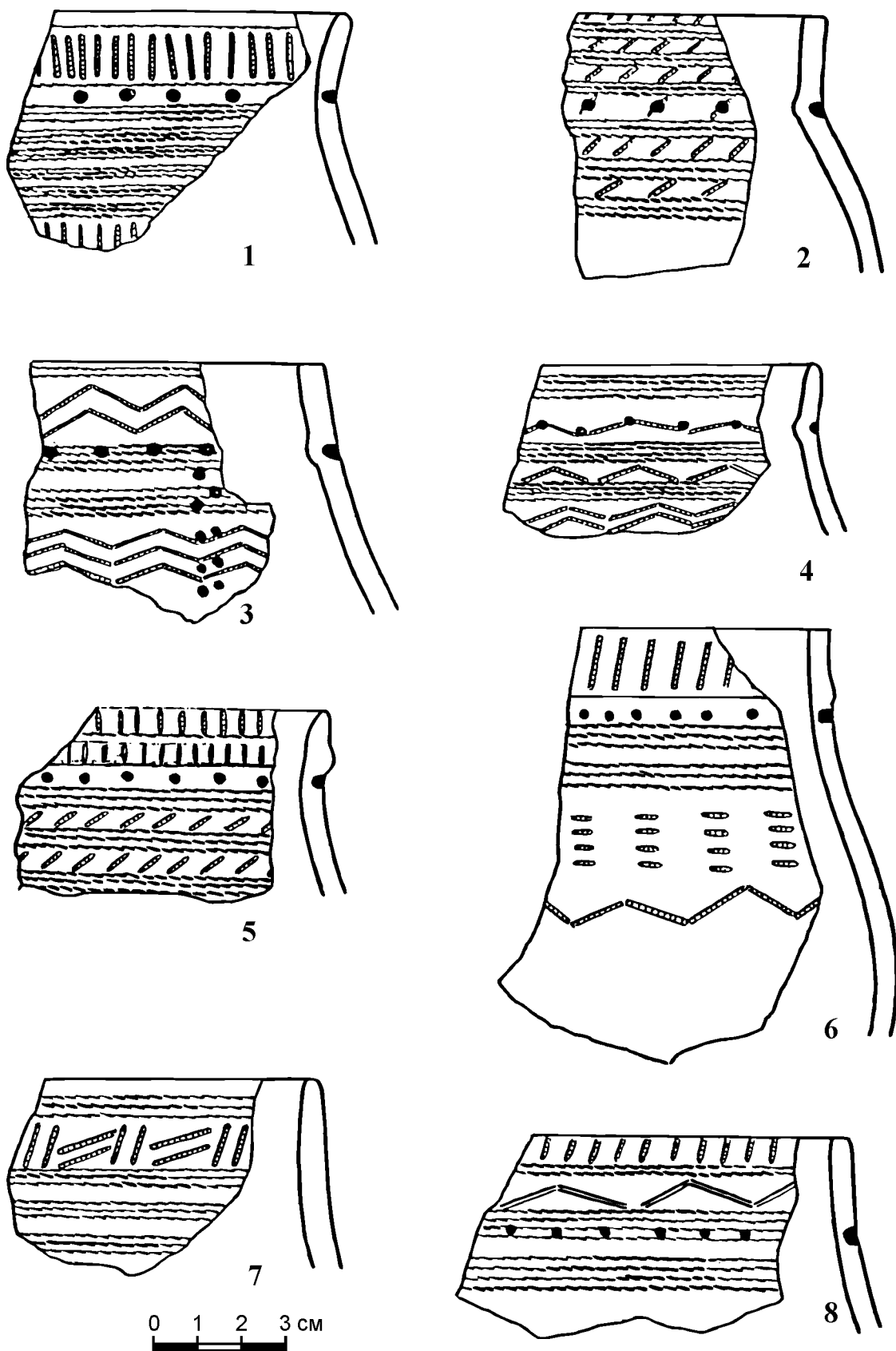


Рис. 46. Гребенчато-шнуровая керамика ветлужских городищ (по В.С.Стойнову). 1-4 – Богородское городище; 5-8 – Русенихинское городище.

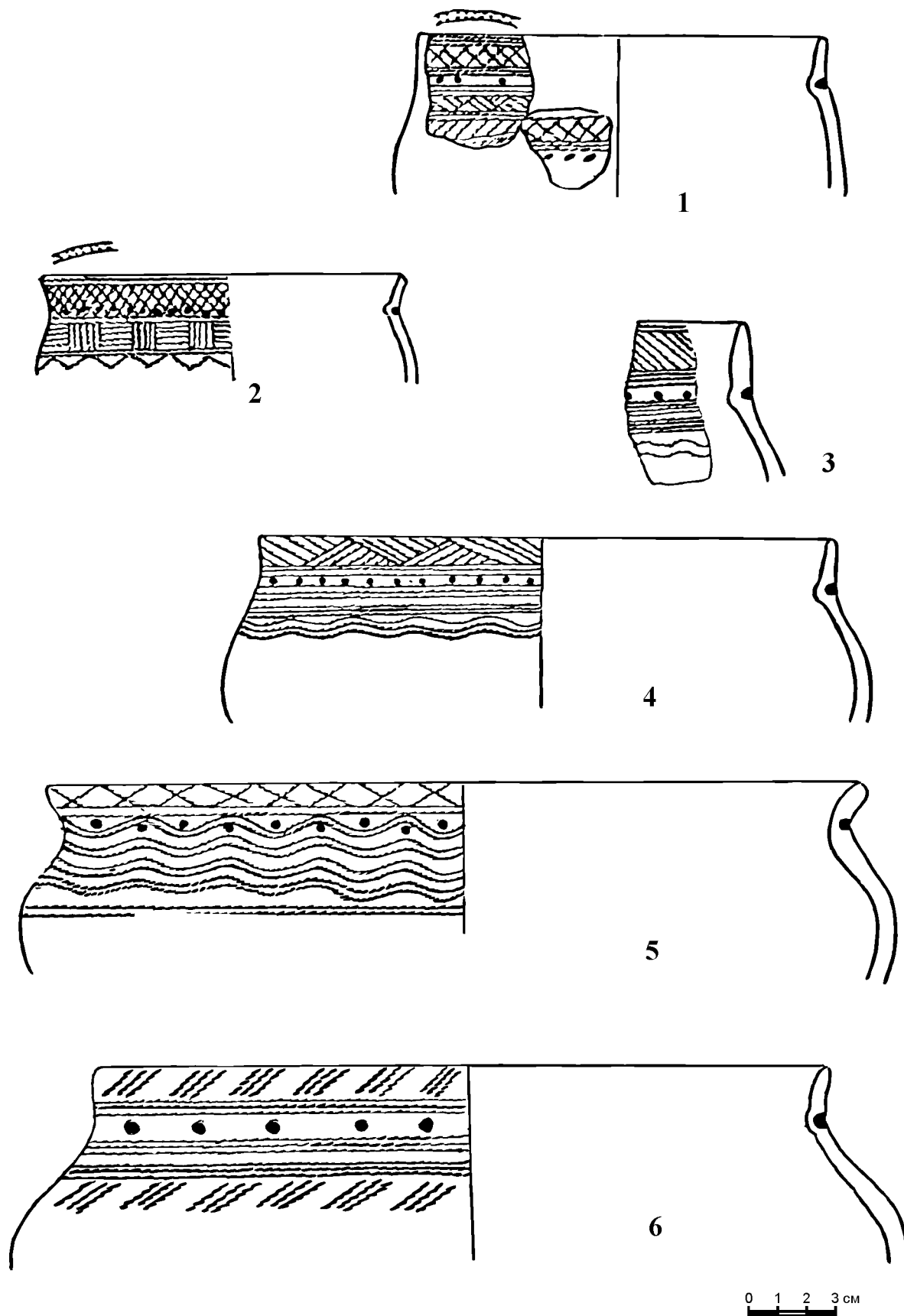


Рис. 47. Ананьинская керамика со сложношнуровым орнаментом с памятников Среднего и Нижнего Прикамья. 1-4 – Икское I поселение; 5-6 – городище Каменный Лог.

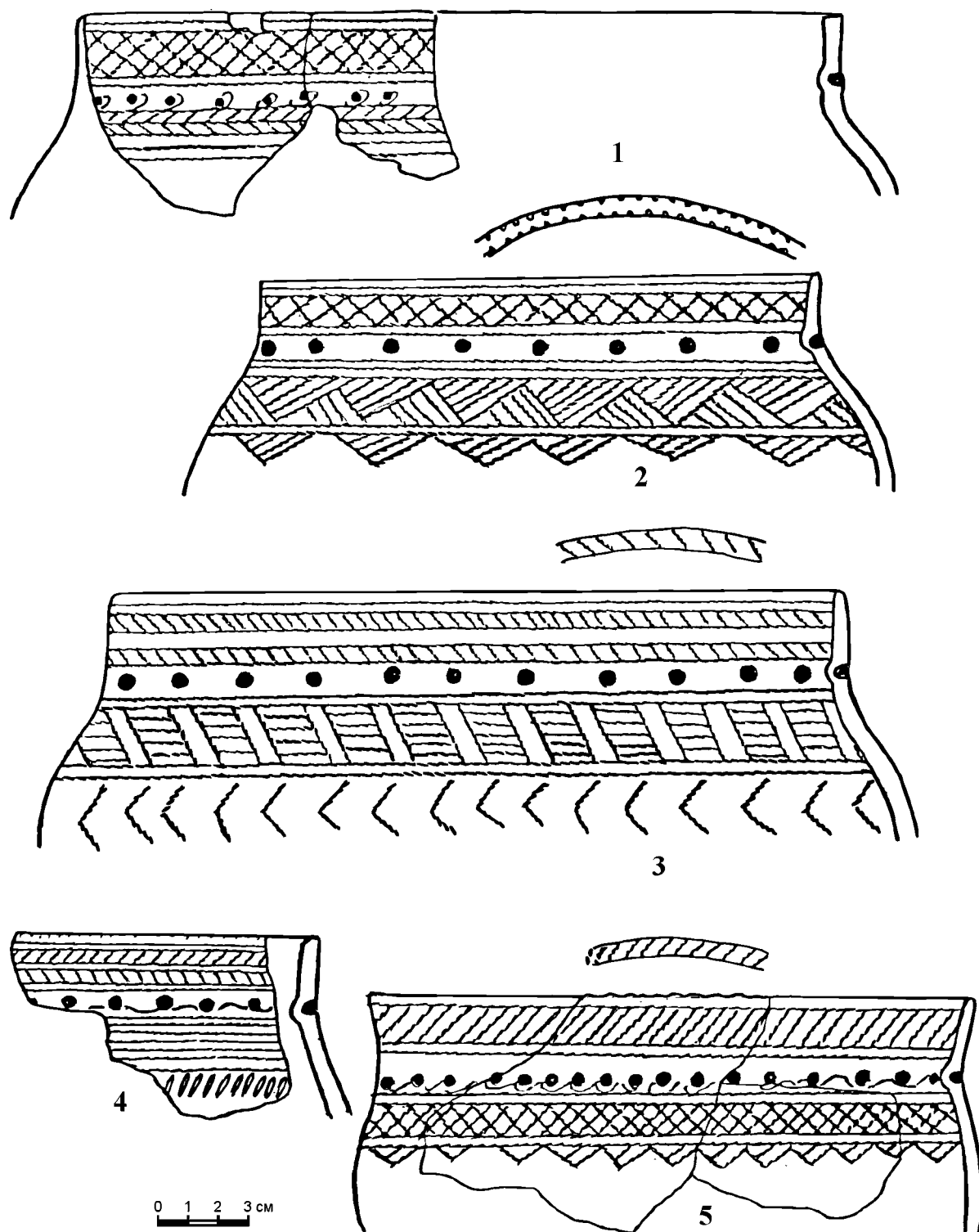


Рис. 48. Ананьинская керамика со сложношнуровой орнаментацией с памятников Среднего Прикамья. 1-5 – Зуево-Ключевское I городище.

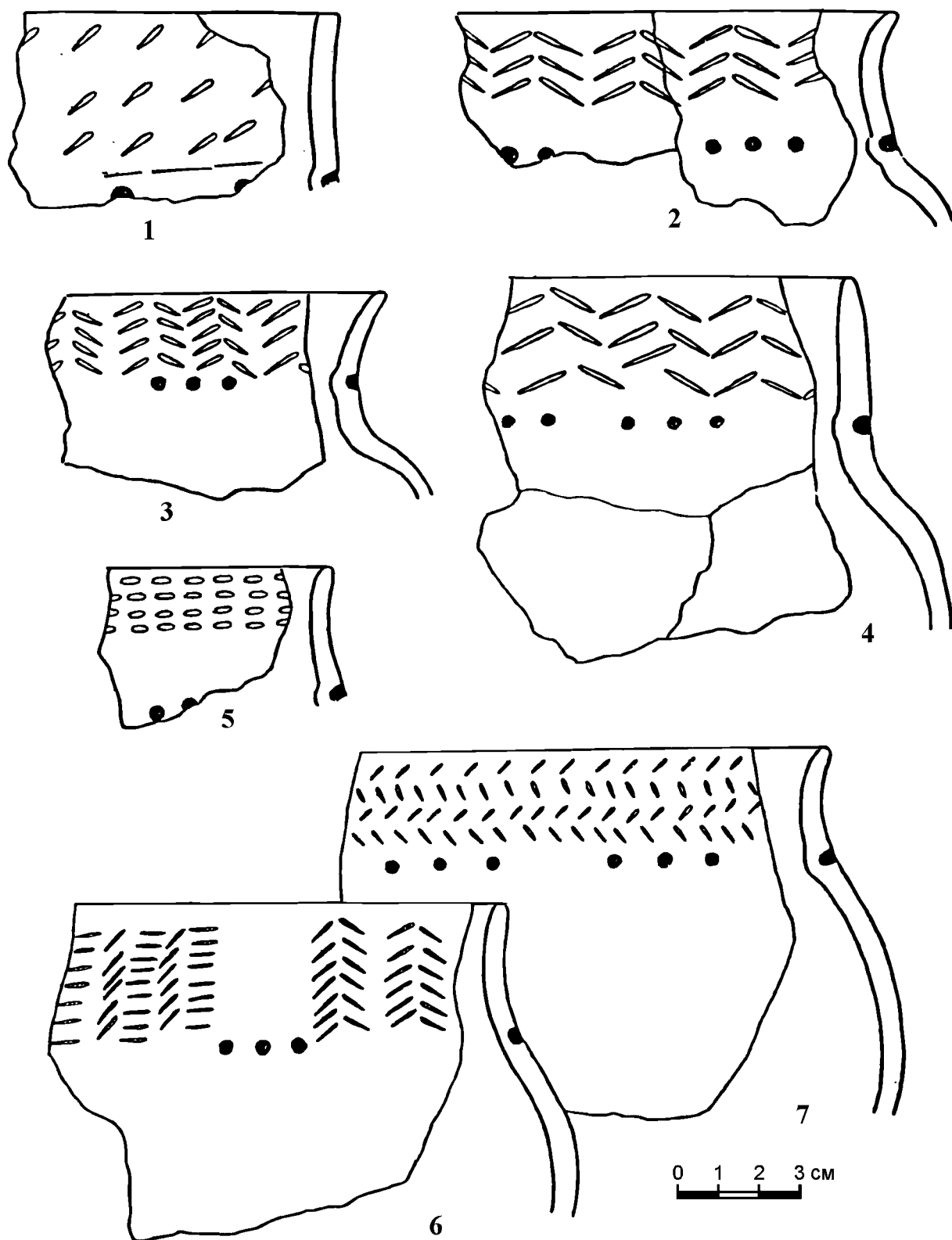


Рис. 49. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика памятников бассейна р. Белой.
1-5 – Дуванейское поселение; 6-7 – Бирское поселение.

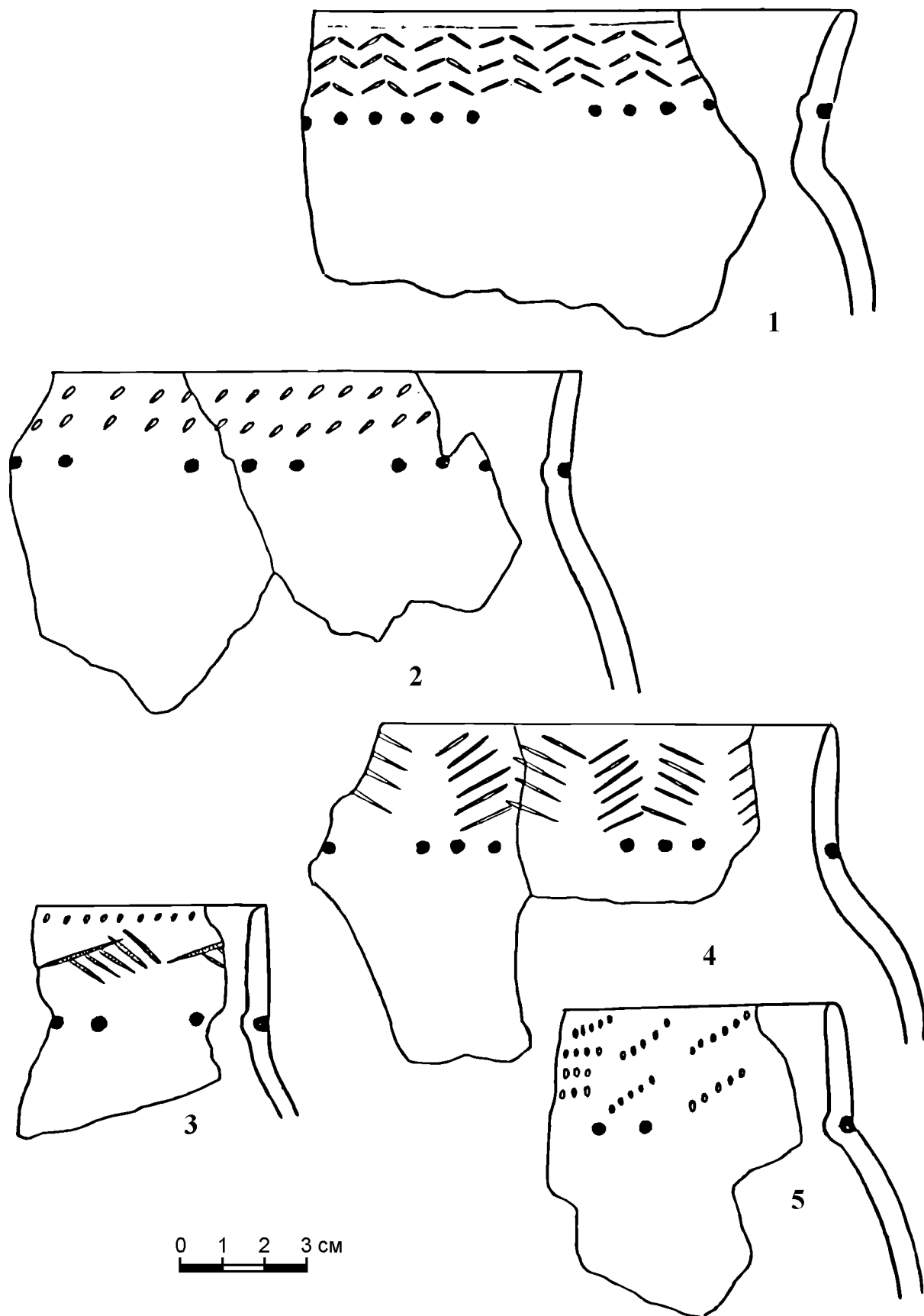
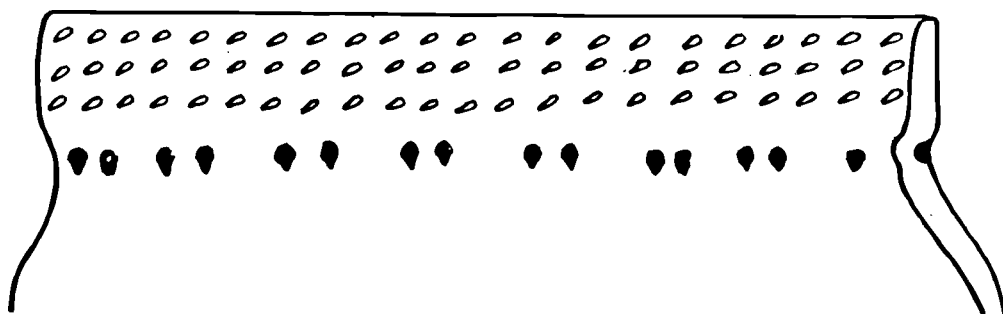
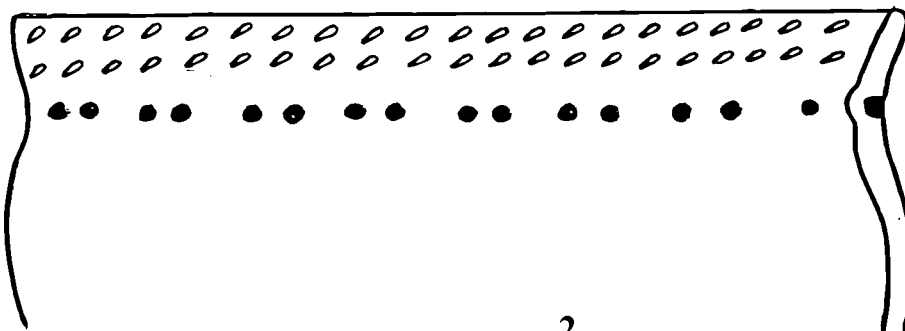


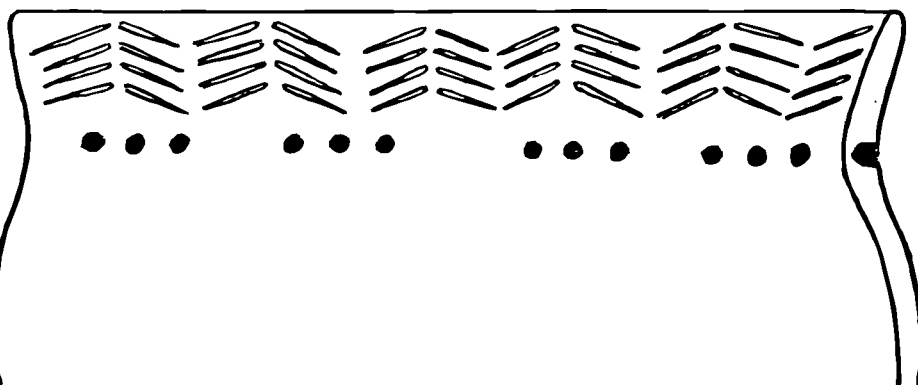
Рис. 50. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика памятников бассейна р. Белой. 1-5 – поселение Какры-Куль.



1



2



3

0 1 2 3 см

Рис. 51. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика памятников бассейна р. Белой. 1-5 – поселение Куштиряк; поселение Какры-Куль.

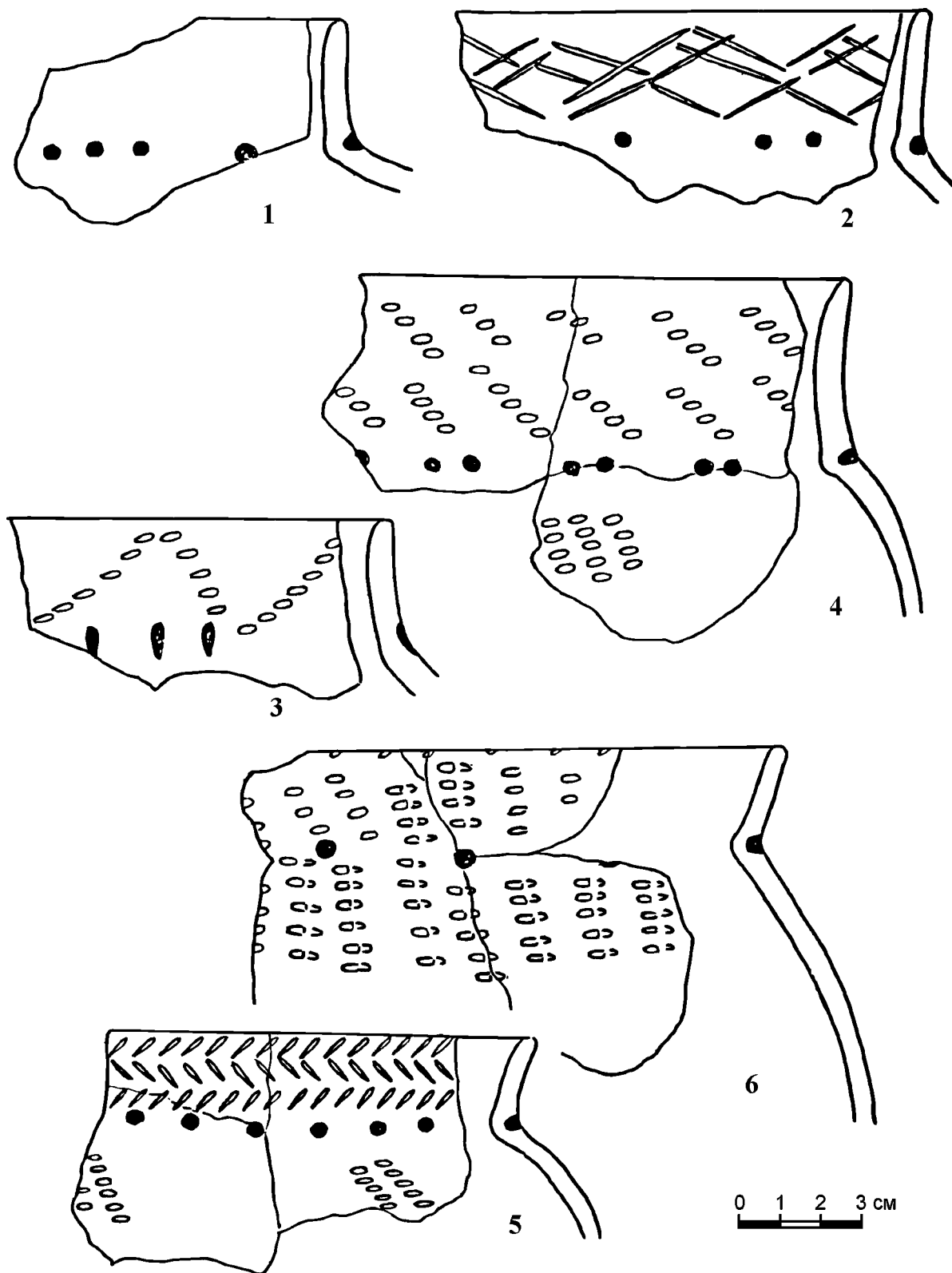


Рис. 52. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика памятников Пермского Прикамья.
 1-3 – поселение Бойцово II; 4 – поселение Бойцово III; 5-6 – Ерзовская стоянка.

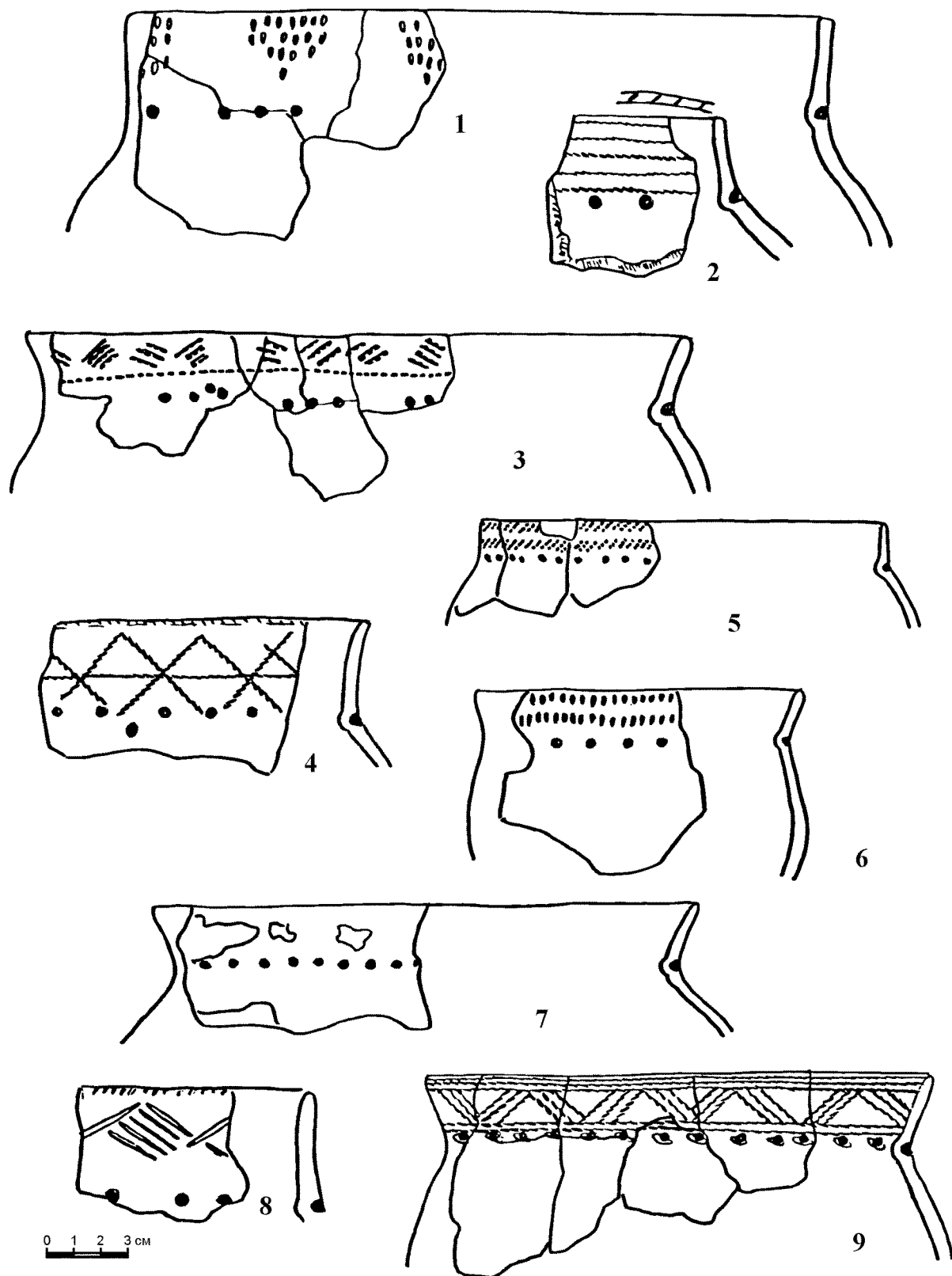


Рис. 53. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика памятников Удмуртского Прикамья. 1-9 – Быргындинская стоянка.

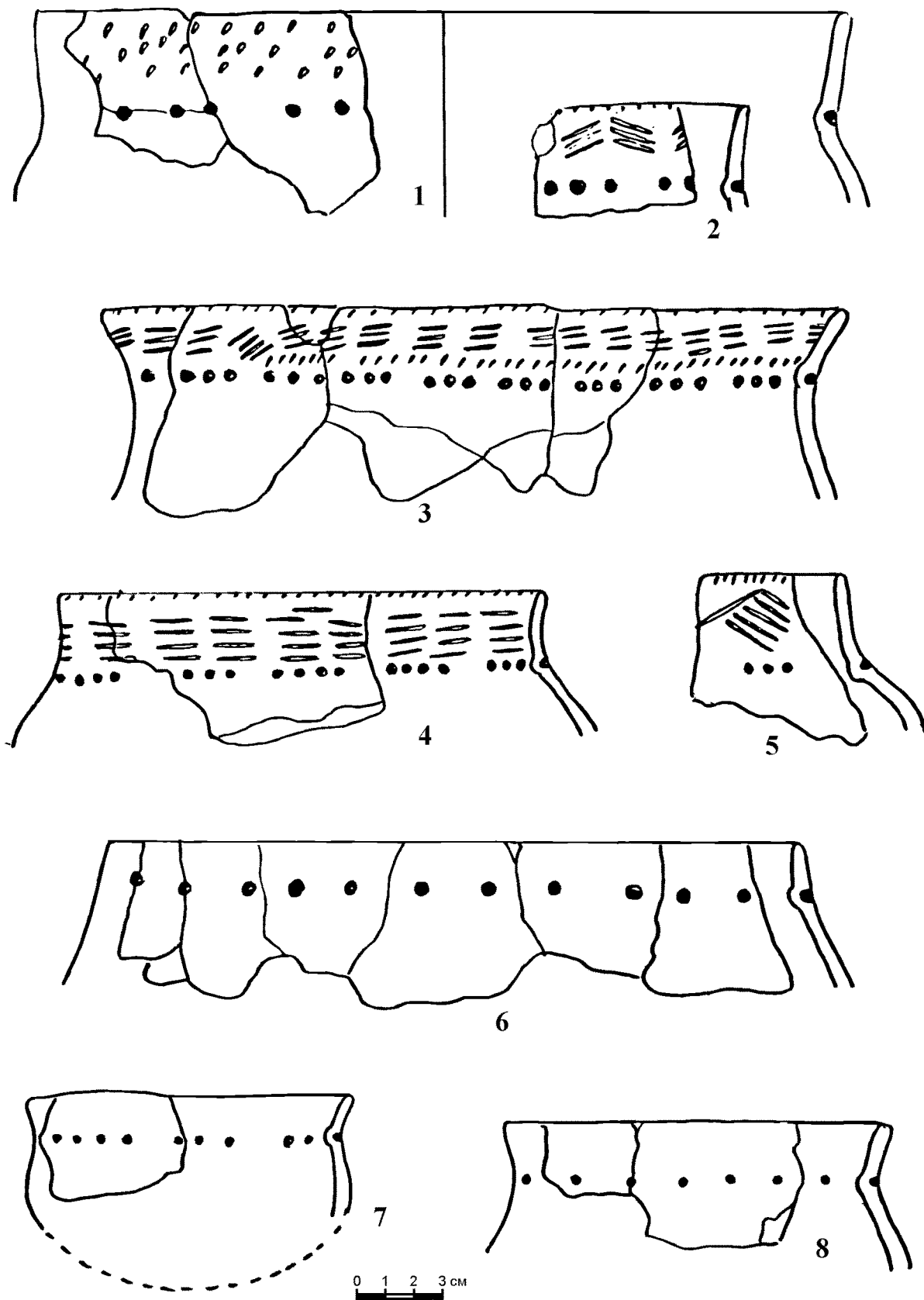


Рис. 54. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика памятников Удмуртского Прикамья. 1-8 – Быргиндинская стоянка.

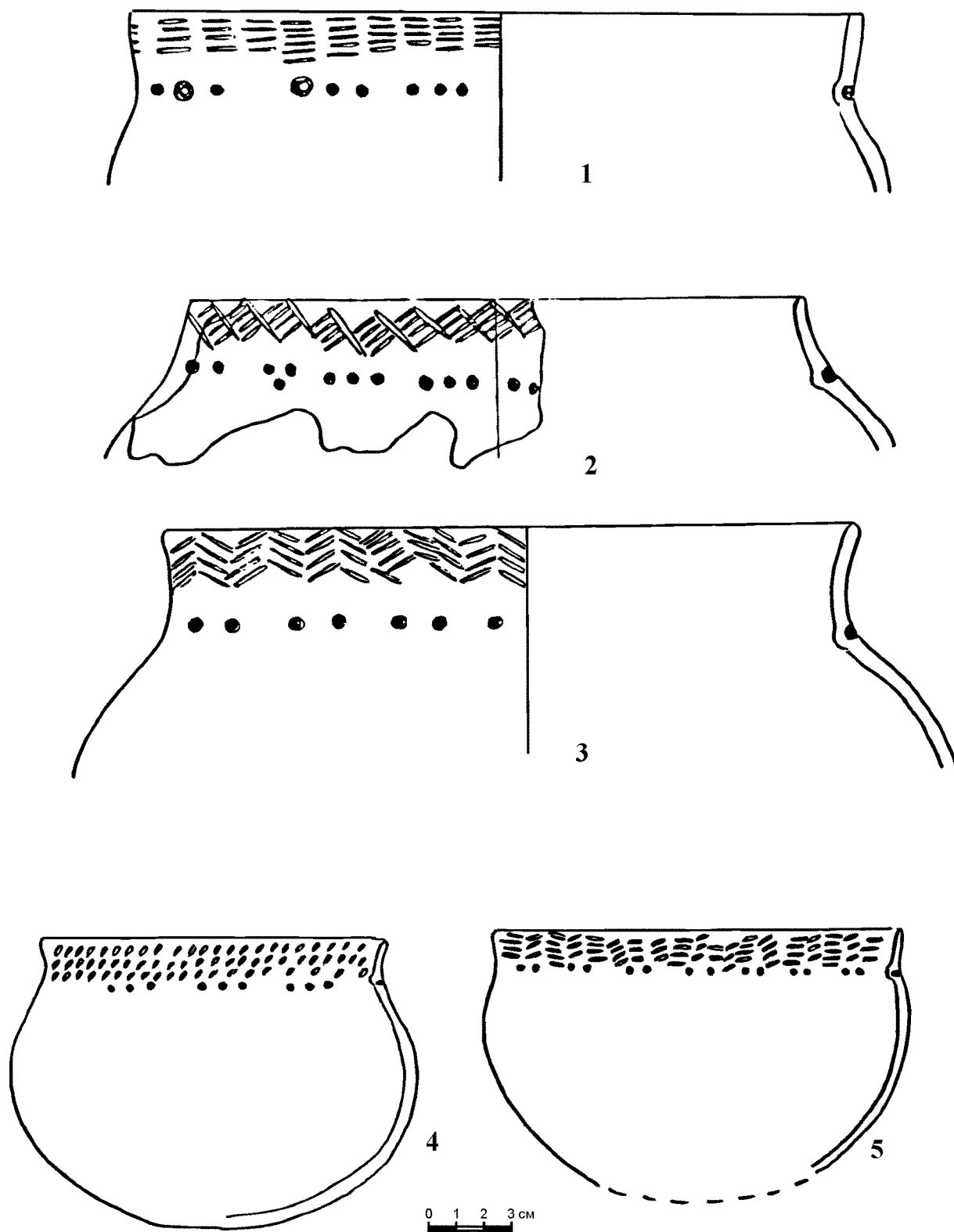


Рис. 55. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика памятников
Удмуртского Прикамья. 1-5 – Зуево-Ключевское I городище.

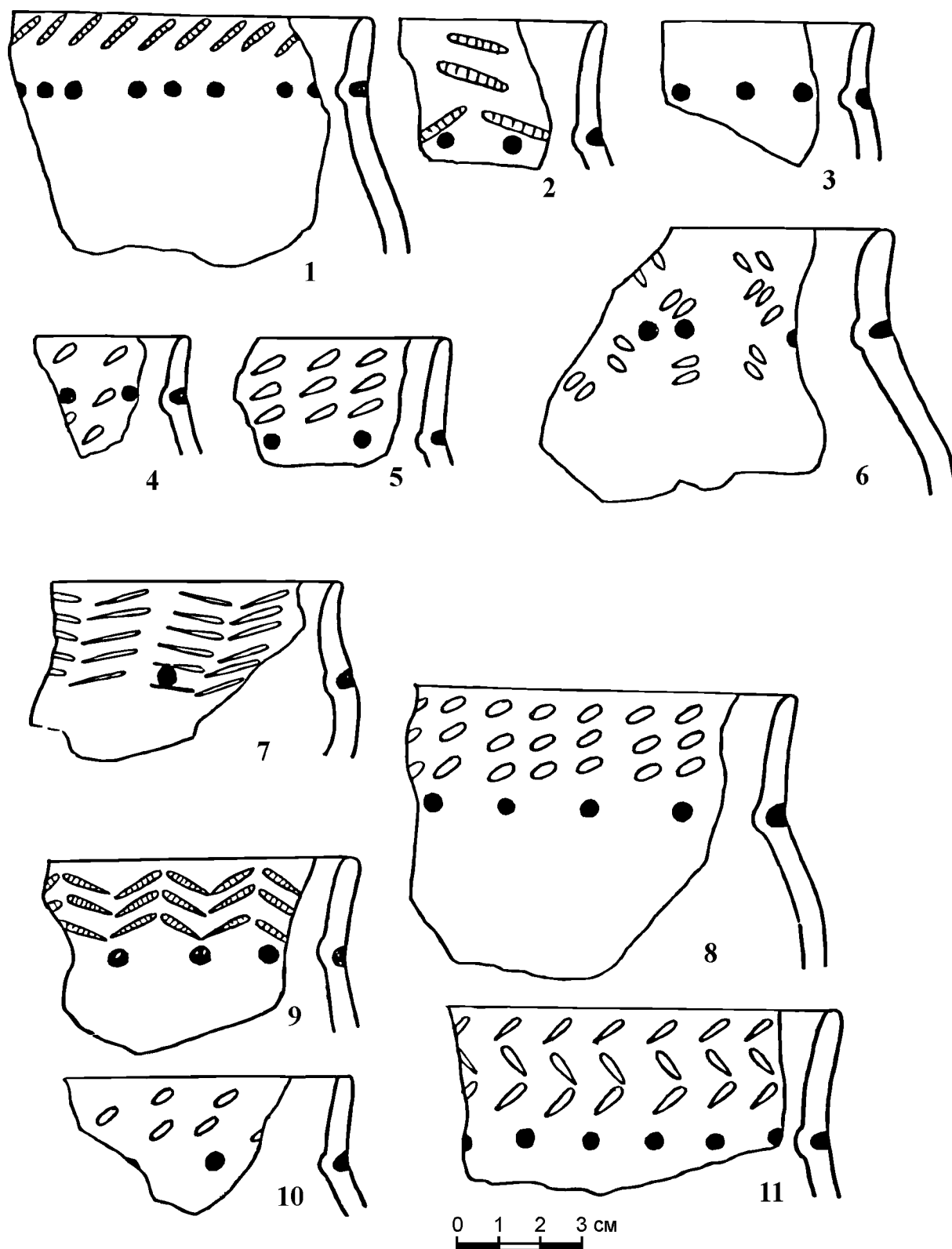


Рис. 56. Ананьинская (постмаклашеевская) керамика памятников восточных районов Татарии.
 1-4 – Танайское V селище; 5 – Танайское II селище; 6 – Танайское IV селище;
 7 – Танайское III селище; 8 – Икское I селище; 9 – Тихогорское I селище;
 10 – Каракульская стоянка; 11 – Свиногорское I селище.

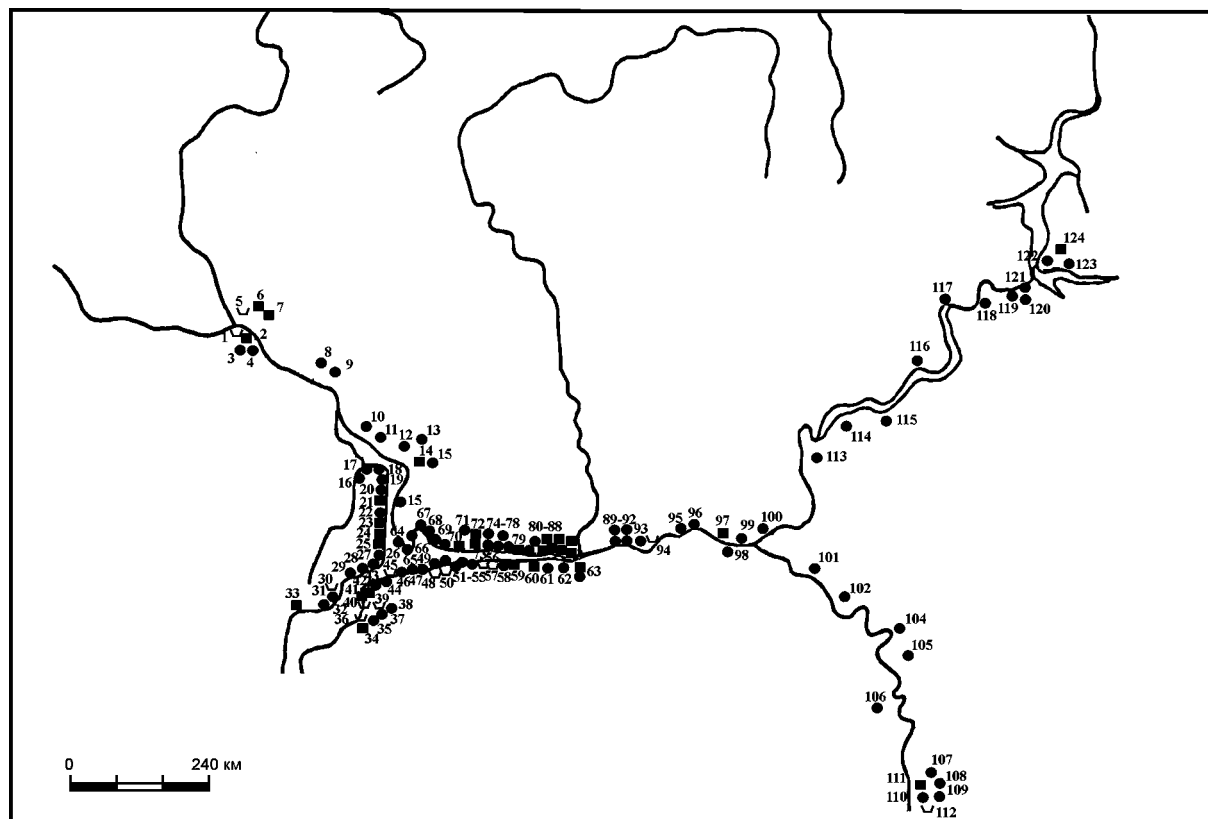


Рис. 57. Распространение ананьинских памятников с керамикой постмаклашеевского типа в Волго-Камье. 1 – Акозинский мог-к; 2 – Токаревское г-ще; 3 – Малахайское пос-е; 4 – Сиухинское пос-е; 5 – Ст. Ахмыловский мог-к; 6 – Копаньское г-ще; 7 – Ардинское г-ще; 8 – Кокшайская IV ст-ка; 9 – Мари-Луговская I ст-ка; 10 – Сумская I ст-ка; 11 – Займищенская II ст-ка; 12 – Казанская ст-ка; 13 – Борисоглебское с-ще; 14 – Казанка I – гор-ще и селище; 15 – Карташихинская I ст-ка; 16 – Таг. Бурнашевское с-ще; 17 – Макарьевское г-ще; 18 – Наб. Морквашинское селище; 19 – Студенецкое с-ще; 20 – Нижнеуслонское пос-е; 21 – Ташевкинское г-ще; 22 – Нариманское с-ще; 23 – Лабышкинское гор-ще; 24 – Антоновское г-ще; 25 – Кирельское II гор-ще; 26 – Чачлыкульское с-ще; 27 – Мордовско-Каратаевское с-ще; 28 – Сюкеевское III с-ще; 29 – Елховское (Сюкеевское) г-ще; 30 – Тетюшский м-к; 31 – Кашкинское с-ще; 32 – Зольное пос-е; 33 – Больше-Тарханское г-ще; 34 – Старо-Майнское гор-ще; 35 – Гулькинская ст-ка; 36 – Гулькинский мог-к; 37 – Маклашеевское с-ще; 38 – Маклашеевское II г-ще; 39 – Маклашеевский II мог-к; 40 – Полянский II м-к; 41 – Бальмерское г-ще «Шолом»; 43 – Болгарское I пос-е; 44 – Болгарское II пос-е; 45 – Ново-Мордовский I м-к; 46 – Семеновское IV с-ще; 47 – «Курган» пос-е; 48 – Базяковский II м-к; 49 – Нижне-Марьянская IX ст-ка; 50 – Березовогривский II м-к; 51 – Березовогривская II ст-ка; 52 – Березовогривская III ст-ка; 53 – Лебединская VIII ст-ка; 54 – Кузькинская XI ст-ка; 55 – Мурзихинская III ст-ка; 56 – Мурзихинский I м-к; 57 – Мурзихинский II мог-к; 58 – Саконское VI пос-е; 59 – Белячинское г-ще; 60 – Светло-Ключинское г-ще; 61 – Светло-Ключинское I с-ще; 62 – Светло-Ключинское II с-ще; 63 – Смыловское г-ще и селище; 64 – Усть-Камская ст-ка; 65 – Атабаевская I ст-ка; 66 – Атабаевская II ст-ка; 67 – Курманаковская V ст-ка; 68 – Именьковское пос-е; 69 – Усть-Брысская ст-ка; 70 – Именьковская IV ст-ка; 71 – Гремячключинское г-ще и селище; 72 – Кирюшкин Городок г-ще; 73 – Сорочьегорское г-ще; 74 – Сорочьегорское I с-ще; 75 – Сорочьегорское II с-ще; 76 – Камское I селище; 77 – Камское II с-ще; 78 – Камское III с-ще; 79 – Троицко-Урайское I г-ще; 80 – Гремячкинская ст-ка; 81 – Николаевская I ст-ка; 82 – Черепашье г-ще; 83 – Сухой Берсут г-ще; 84 – Омарское г-ще; 85 – Секинеськое I г-ще; 86 – Секинеськое II г-ще; 87 – «Красный Исток» г-ще; 88 – Гроханьское г-ще; 89 – Танайская II ст-ка; 90 – Танайская III ст-ка; 91 – Танайская IV ст-ка; 92 – Танайская V ст-ка; 93 – Ананьинская ст-ка; 94 – Луговской м-к; 95 – Икская I ст-ка; 96 – Икская III ст-ка; 97 – Зуево-Ключевское I г-ще; 98 – Каракульская ст-ка; 99 – Быргындинская ст-ка; 100 – Каракулинская ст-ка; 101 – Какры-Кульская ст-ка; 102 – Кюнь III ст-ка; 103 – Усть-Юрюзаньское пос-е; 104 – Бирское пос-е; 105 – Дуванейское пос-е; 106 – Кумлекульское пос-е; 107 – ст-ка Курмантау Нижнее; 108 – Михайловское пос-е; 109 – ст-ка Куштау Западное; 110 – Касьяновская ст-ка; 111 – Курмантау г-ще; 112 – Урнякский м-к; 113 – Поваренкинская ст-ка; 114 – Бойцовское III пос-е; 115 – Бойцовское II пос-е; 116 – Ерзовское пос-е; 117 – с-ще Камский Бор III; 118 – Загорчимская ст-ка; 119 – Заосиновская VI ст-ка; 120 – Заосиновская IV ст-ка; 121 – Заосиновская I ст-ка; 122 – ст-ка Бор II; 123 – ст-ка Бор I; 124 – Галкинское г-ще.

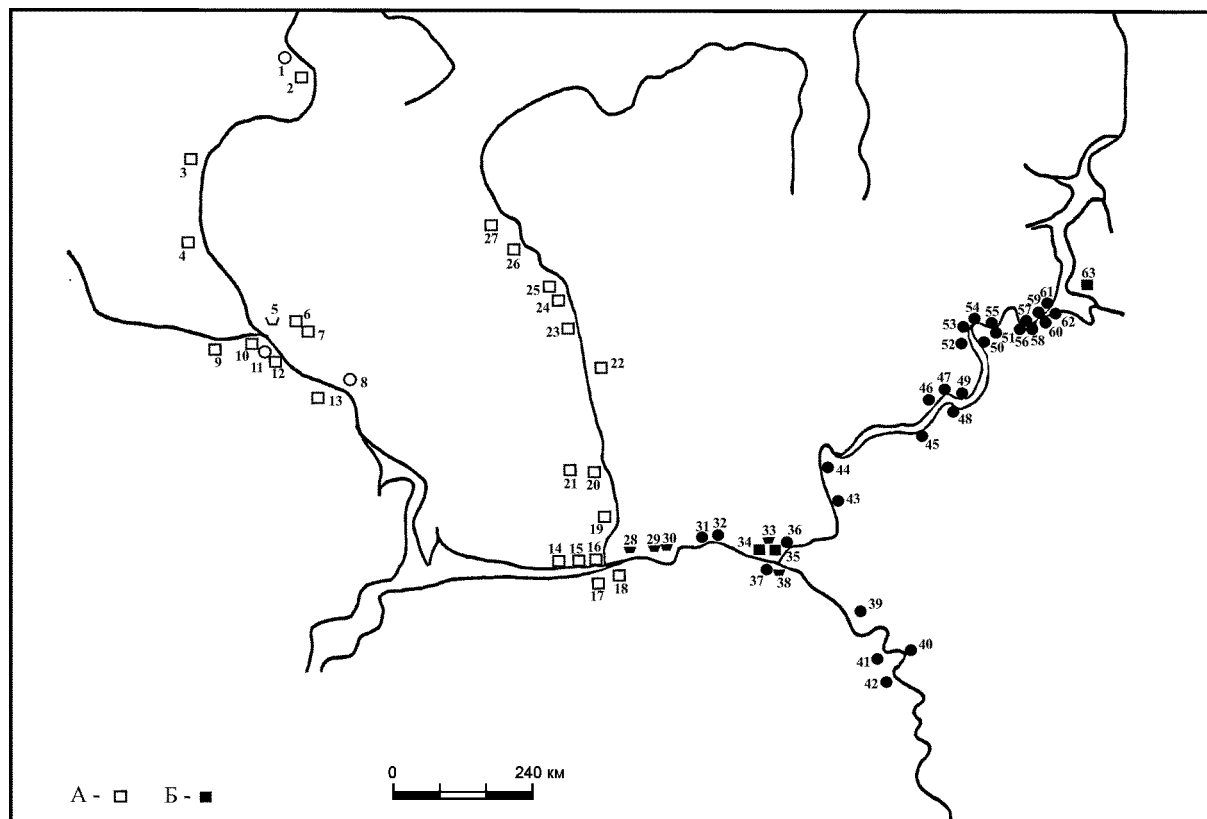


Рис. 58. Распространение ананьинских памятников в Волго-Камье: А – с гребенчато-шнуровой (вятско-ветлужской) керамикой; Б – со сложношнуровой (среднекамской) керамикой. 1 – Пановское с-ще; 2 – Одоевское г-ще; 3 – Богородское г-ще; 4 – Русенихинское г-ще; 5 – Ст. Ахмыловский мог-к; 6 – Ардинское г-ще; 7 – Копаньское г-ще; 8 – Мари-Луговская I ст-ка; 9 – Васильсурское г-ще; 10 – Хмелевское г-ще; 11 – Сиухинское пос-е; 12 – Токаревское г-ще; 13 – Ельниковское г-ще; 14 – Черепашье г-ще; 15 – Сухой Берсут г-ще; 16 – Гроханьское г-ще; 17 – Беляхчинское г-ще; 18 – Смыловское г-ще; 19 – Мамадышское г-ще; 20 – Чутайское II г-ще; 21 – Чутайское I г-ще; 22 – Аргыжское г-ще; 23 – Ройский Шихан г-ще; 24 – Мальковское г-ще; 25 – Буйское г-ще; 26 – Лебяжье г-ще; 27 – Пижемское г-ще; 28 – Котловский м-к; 29 – Ананьинский м-к; 30 – Луговской м-к; 31 – Рысовское пос-е; 32 – Икское I пос-е; 33 – Зуевский м-к; 34 – Зуево-Ключевское I гор-ще; 35 – Каменноложское г-ще; 36 – Каракулинская ст-ка; 37 – Подгорно-Байларская II ст-ка; 38 – Подгорно-Байларский м-к; 39 – Новобиктовское пос-е; 40 – Бирское пос-е; 41 – Андреевское пос-е; 42 – Тартышевское пос-е; 43 – Степановское пос-е; 44 – Чернушкинское с-ще; 45 – Еловское с-ще; 46 – с-ще Чернашка; 47 – Ерзовское с-ще; 48 – с-ще Баской Лог; 49 – Лепеталовское с-ще; 50 – с-ще Камский Бор II; 51 – Плетневское с-ще; 52 – Больше-Вятское с-ще; 53 – Заосиновское III с-ще; 54 – с-ще Волчья Грива; 55 – Кичановское с-ще; 56 – Гляденовское I с-ще; 57 – Заюрчимское VIII с-ще; 58 – Заюрчимское VII с-ще; 59 – Заюрчимское VI с-ще; 60 – Заюрчимское I с-ще; 61 – Половинное II пос-е; 62 – Половинное III пос-е; 63 – Галкинское г-ще.

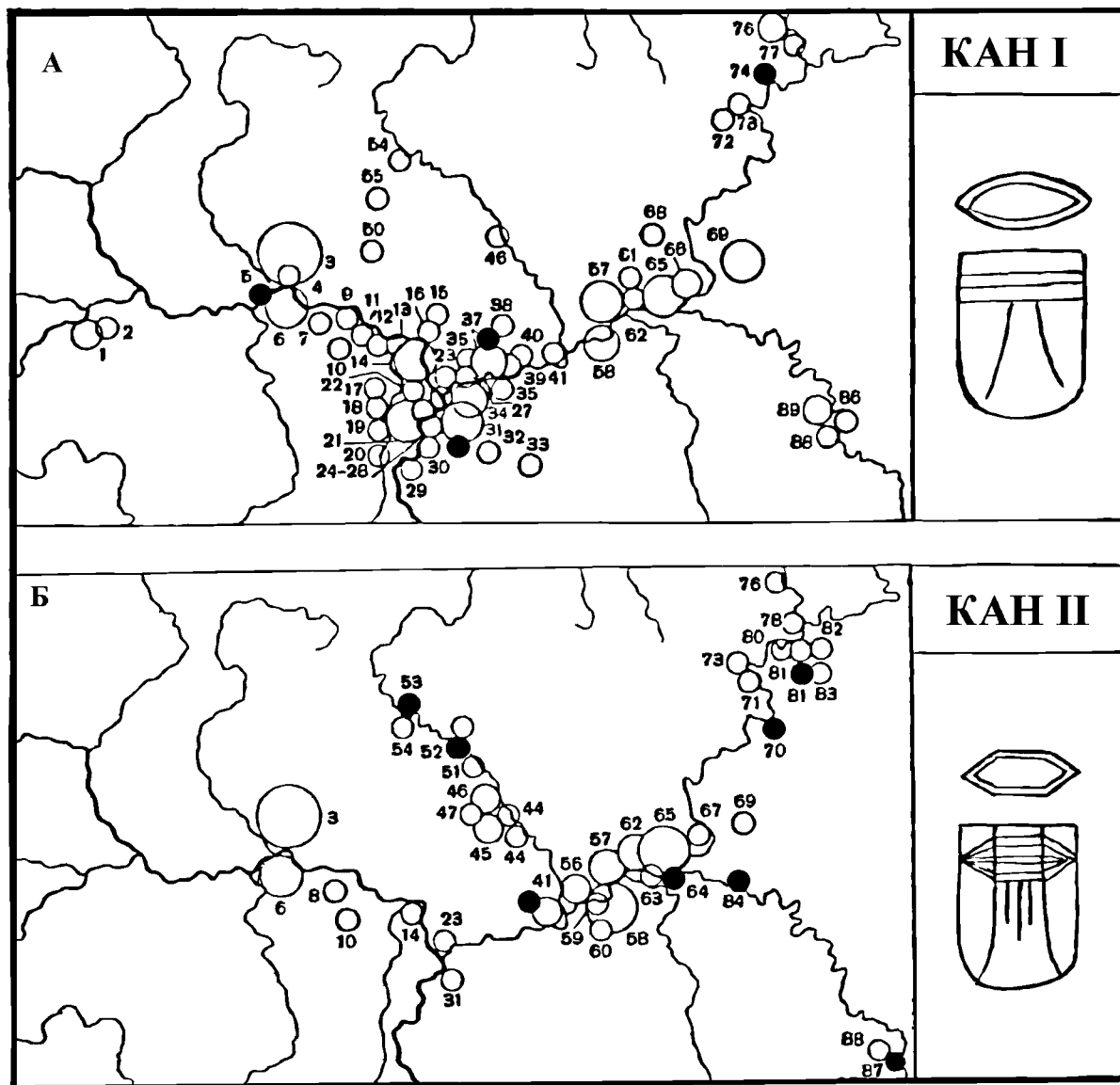


Рис. 59. Распространение ананьинских кельтов в Волго-Камье (по С.В Кузьминых): А – кельты с линзовидной втулкой (КАН-I); Б – кельты с шестигранной втулкой (КАН-II). 1 – Младший Волосовский м-к; 2 – б. Муромский уезд; 3 – Старший Ахмыловский м-к; 4 – р-н Ахмылова-Коротни; 5 – Копаньское г-ще; 6 – Акозинский м-к; 7 – б. Чебоксарский уезд; 8 – с. Карасево; 9 – терр. ЧувАССР; 10 – б. Цивильский уезд; 11 – с. Криуши; 12 – д. Тюрельма; 13 – с. Альменево; 14 – Морквашинский м-к в д. Боровое Матюшино; 15 – д. Чубарево; 16 – урочище «Бакалда» г. Казань; 17 – д. Кайбицы; 18 – д. Биабаш; 19 – с. Верхний Болтай; 20 – д. Чирки; 21 – Тетюшский м-к; 22 – с. Ивановское; 23 – с. Ташкирмень; 24 – б. Спасский уезд; 25 – б. Тетюшский уезд; 26 – с. Измери; 27 – XIV Лебединская ст-ка; 28 – с. Болгары у Спасского затона; 29 – Гулькинский м-к; 30 – II Полянский м-к; 31 – Ново-Мордовские м-ки; 32 – д. Кузнечиха; 33 – д. Мамыково; 34 – VI Семеновский м-к; 35 – Мурзихинский м-к; 36 – б. Лаишевский уезд; 37 – г-ще Гремячий Ключ у с. Шуран; 38 – д. Шумково; 39 – г-ще Сорочьи Горы; 40 – д. Русский Ошняк; 41 – г-ще Грохань; 42 – Вятская губерния; 43 – близ Малмыжа (хутор Нежавина); 44 – д. Дубровка; 45 – д. Тюм-Тюм; 46 – г-ще Ройский Шихан; 47 – д. Лопьял; 48 – д. Акасур; 49 – б. Вятская губерния; 50 – д. Данилово (Княжна); 51 – д. Марушино; 52 – Буйское г-ще; 53 – Пижемское г-ще; 54 – р. Пижма; 55 – д. Юрино; 56 – Котловский м-к; 57 – Луговской м-к; 58 – Ананьинский м-к; 59 – урочище «Гремячий Ключ»; 60 – б. Елабужский уезд; 61 – б. Пьяноборская волость; 62 – м-к «Релка»; 63 – Нырғындинское IV г-ще; 64 – Зуево-Ключевское I г-ще; 65 – Зуевский м-к; 66 – Каракулинский м-к; 67 – б. Сарапульский уезд; 68 – терр. Республики Удмуртии; 69 – м-к Таш-Елга; 70 – Гремячанское с-ще; 71 – г-ще Алтен-Тау; 72 – д. Орлово; 73 – д. Першино; 74 – б. Пермская губерния; 75 – д. Полуденная; 76 – м-к Скородум; 77 – д. Зародята; 78 – близ Галкинского г-ща; 79 – Пермь, ПОКМ; 80 – Заосиновское I пос-е; 81 – с-ще «Городок»; 82 – п-к Верхние Муллы; 83 – Заюрчимское IV с-ще; 84 – г-ще Тра-Тау; 85 – г-ще Кара-Абыз; 86 – Охлебининский м-к; 87 – Касьяновское г-ще; 88 – д. Шипово; 89 – Уфимский м-к по ул. Трактовой; 90 – д. Караякупово.

Vladimir Markov

THE LOWER KAMA REGION IN THE ANAN'YINO EPOCH (On the ethno-cultural components of the Anan'yino entity)

INTRODUCTION

The Early Iron Age is one of the most intriguing and specific epochs in the history of the peoples of the Kama region. As a rule, it is considered as closely related to widely known Anan'yino culture. The area covered by this culture is extremely large, the sites date within the chronological span from the 8th to the 3rd cc. BC. The sites are known on the Kama, Middle Volga, Belaya, Vetluga, and Vyatka rivers (Халиков, 1977. Fig. 2, 5), as well as in the North of the European Russia – in the basins of the Pechora, Vychegda, North Dvina, and Mezen rivers (Канивец, 1974. Fig. 68; Ашихмина, 1977а. Fig. 1; Верещагина, Ашихмина, 1980. P. 42; Стоколос, Королев, 1984. P. 27).

Many investigators agree that the Anan'yino tribes formed the base for formation of numerous Finno-Ugrian peoples now living in the Volga – Kama region (Збруева, 1952. P. 215; Халиков, 1969. P. 372–373; Генинг, 1960. P. 210–211). Nevertheless, the problem concerning the role and position of the Anan'yino tribes in the process of ethnic and cultural genesis of the discussed peoples remains debatable yet. Some researchers view the Anan'yino tribes as a single East Finnish-speaking core (Халиков, 1969а. P. 151). The others consider the Anan'yino entity as related to the tribes speaking Permian languages (Генинг, Совцова, 1967. P. 68–69). The both hypotheses cannot be regarded as sufficiently grounded, since at present the relationship between the Anan'yino sites and those of later age is not quite clear, and the problem of their origin remains unsolved. That is why the investigation of all the problems related to the Anan'yino entity is one of the vital issues in the Volga – Uralian archaeology.

The extensive field investigations conducted in 1950-s – 1980-s on the Middle Volga and in the East Uralian region have yielded enormous materials dating from the Early Iron Age. The materials, and pottery in particular, originating from different areas of the Volga – Kama region show specific features, sometimes very distinctly expressed, which rises the question on the cultural non-homogeneity of the Anan'yino entity. In its turn, this situation requires special approach to the problem of the entity formation. In a series of archaeological works some

attempts were made to interpret these differences, anyway, the existing concepts do not contain satisfactory explanations of the problem. Evidently, the reason is related to the lack of detailed comparative analysis of pottery associations from the Anan'yino sites situated in different areas of the Volga – Kama region. A.V. Zbrueva worked in this field in the 1930-s – 1950-s, but the corpus of sources at her disposal was too limited (Збруева, 1952. P. 69-74). The authors of later publications presented characteristics of pottery associations from strictly local groups of sites, and compared them with other ones taking into account very limited circle of counterparts, usually 2 or 3 indications only. As a rule, this was limited to mentioning sites' names only that, according to the author, had yielded typologically close vessels. No detailed analysis of indications singled out for pottery comparison was usually presented (Денисов, 1968. P. 70; Ашихмина, 1978. P. 53; Архипов, Патрушев, 1982. P. 56).

Among the reasons that hampered the detailed comparative analysis was quite insufficient state of investigation of the pottery associations from the Lower Kama region (the latter is stretched from the river's estuary to its confluence with the Vyatka), and the adjacent area of the Volga basin in the Kazan region. At present long-term investigations, including those carried out by the author of this book, have resulted in accumulation of voluminous pottery material, which substantially extends the pottery characteristics and gives a possibility to compare it with the materials from the other territories of the Volga – Kama region.

Logically, the structure of the current investigation is as follows: the author proceeds from the results of statistical processing and mapping pottery and bronze celts, taking into account also the data of burial rite and physical anthropology, with the objective to show cultural non-homogeneity of the population of the Volga – Kama region in the Early Anan'yino period. It was impossible to pose this problem having not solved a series of questions, among them: detailed typological and statistical analysis of pottery from the late Anan'yino sites of the Lower Kama region; its detailed comparison with synchronous pottery associations from other areas of the Volga – Kama

region; revealing basic specifics and similarities in the compared pottery groups; determination of chronological framework of their development; solution of the problems related to the origin of the bearers of the pottery groups in question.

The author tries to present the results of the comparative analysis of pottery associations from the sites of the Anan'yino epoch situated in different areas of the Volga – Kama region, basing on significant corpus of materials. He comes to the conclusion that the discussed sites should be attributed to culturally different population groups. Insufficient state of their investigation in the past years was the reason why the majority of researches united them within the framework of single Anan'yino culture. The author of this book states that the population that produced pottery with complex corded decoration (these sites in particular were identified in special literature with “classic” Anan'yino culture) appeared in the Kama region much later than the earliest Anan'yino-type cemeteries and settlement had started functioning. Mapping sites has enabled the author to establish the areas of spreading all singled out groups of pottery and to relate them to certain categories of tools. Of special importance is the notion concerning

a sharp decrease of using iron in the Kama region in the 6th c. BC, as compared to what we know about the early Anan'yino period. This process is viewed as directly related to the ethno-cultural processes developing in the discussed period, and the appearance of new population groups in the region.

Principal sources for this investigation were pottery collections from settlements and cemeteries of the Lower Kama region. Some of them were partly, or for the first time excavated by the author (the hillforts of Gremyachy Klyuch, Soroch'yi Gory, Antonovskoe, Makar'yevskoe, Cherepash'ye, Sukhoi Bersut, and the cemeteries of Murzikhinsky I and II). Not excavation finds from archaeological surveys preserved in the repositories a number of institutions were also used (National Museum of the Tatarstan Republic, The Bolgar State-preserved Museum, the Cheboksary Museum of Local Lore, Archaeological museum of Kazan University, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Tatarstan). Collections of pottery from the museums of Kazan, Yelabuga, Kirov, Izhevsk, Ioshkar-Ola, and Perm were used as comparative materials, as well as a series of publications containing their detailed characteristics*.

* The author is deeply indebted to E.A. Begovatov, R.S. Gabyashev, M.M. Kaveev, E.P. Kazakov, S.V. Kuzminykh, V.S. Patrushev, V.A. Semenov, P.N. Starostin, V.E. Stoyanov, and A. Kh. Khalikov for their kind permission to use in this work unpublished materials from their excavations, and for their friendly, though critical discussion of the manuscript of this book.

SUMMARY

The Anan'yino antiquities were introduced in the scientific turnover in the mid XIX century. This happened after the famous Anan'yino cemetery was discovered. Such researchers as P.V. Alabin, P.A. Ponomarev, A.M. Tallgren, M.G. Khudyakov, A.V. Zbrueva, A.Kh. Khalikov, and other had contributed to the studies of Anan'yino culture. In the first chapter of the monograph the reader will find the review of the history of investigations of Anan'yino antiquities.

Chapter 2 is devoted to the analysis of pottery associations known from the Lower Kama region and dating from the Anan'yino epoch. Over 3.5 thousand potsherds have been processed by the author. All vessels are round-bottomed, with admixture of crushed shell in clay paste. The majority of vessels have spherical bodies and relatively high necks of cylindrical shape, vertical or slightly everted. As a rule, vessels are decorated on their necks and shoulders with pits (26,2%), cord impressions (18,1%), and toothed stamp imprints (16,5%).

Proceeding from the analysis of the pottery associations the author singles out three stages of development of the Lower Kama sites dating from the Anan'yino epoch.

The first stage dates back to the 8th c. BC. It is marked by formation and shaping the Lower Kama Early Iron Age population. On this stage sites are characterized by the presence of stone and bone artefacts, and pottery of the Maklasheevka type. The pottery associations with pit decoration (post-Maklasheevka culture) coexist with the "textile" pottery (Akozino-Akhmylovo culture).

On the second stage (the 7th c. BC) the development of the post-Maklasheevka culture follows the same main trajectory. Bronze celts with lens-like socket are widely spread, as well as spearheads (both with slots on the blade and without them), iron and bimetallic weaponry, and Caucasian imports.

The third stage dating from the 6th c. BC is related to the changes in cultural development of the Anan'yino epoch population in the Lower Kama region. The sites with "textile" pottery and the celts of Akozino-Mdlar type had completely ceased, but the sites with comb-corded decoration and celts with hexahedral socket appear.

In the third chapter the author discusses the ethno-cultural components of the Anan'yino cultural and historical entity singled out taking into account the results of the comparative analysis of the Lower Kama pottery associations. For each pottery group

its territorial limits are determined; questions related to their origins and chronological positions are discussed.

Pottery associations from the Vyatka and Vetluga rivers' basins are considered as a separate group. Pottery yielded by the sites investigated in these regions is characterized by 2 or 3 rows of horizontal cord impressions; in between vertical or rocker imprints of toothed stamp are placed. Often this pattern includes deep pits, among them the share of "speckled" ones being rather high. The sites with comb-corded ornamentation appear on the Vyatka and Vetluga not before the 6th c. BC.

The second pottery group comprises the associations originating from the Middle Kama region. These vessels are of low bowl-like shape, their ornamentation consists of corded impressions in the upper part combined with pits on the neck base. It is this pottery that is commonly denoted in special literature as "the classic Anan'yino-type". The period when the complex corded decoration had appeared on the Lower Kama dates back to the 6th c. BC only.

The third group of pottery is represented by the associations from the sites of Kurmantau on the Belaya River, the Yertzovka-type on the Kama (in the Perm region), the Byrgynda-type on the Kama in the Udmurt Republic, and on the Lower Kama. Of the discussed pottery round-bottomed vessels are typical with spherical bodies, cylinder-like and everted necks. The vessels are decorated with pits, toothed stamp and cord impressions on their necks only, very rarely on the shoulders. All these associations are the derivatives developed from the pottery of Maklasheevka culture of the terminal Bronze Age epoch.

Starting from the 6th c. BC the Volga – Kama pottery decorated with complex corded and comb-corded impressions is accompanied by the celts with hexahedral socket edge that coexist with those of the post-Maklasheevka ones with lens-like socket section.

The author stresses the fact that in the Volga – Kama region no cemeteries are known beyond the territory occupied by the sites with the post-Maklasheevka pottery and celts with lens-like socket edge. This allows the author to suppose that the tribes that produced comb-corded and complex corded pottery did not practice the burial rite related to depositing the dead in the earth. This rite appeared as a result of the influence exerted by the post-Maklasheevka population.

СОДЕРЖАНИЕ

С.В.Кузьминых, А.А.Чижевский

О ВЛАДИМИРЕ НИКОЛАЕВИЧЕ МАРКОВЕ И ЕГО КНИГЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1. ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНАНЬИНСКОЙ ОБЩНОСТИ	9
Глава 2. КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ АНАНЬИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕЙ КАМЫ	15
2.1. Общая характеристика нижекамской посуды	15
2.2. Об особенностях развития керамики памятников Нижней Камы	28
2.3. О локальных особенностях нижекамской керамики	36
2.4. О происхождении нижекамской керамики ананьинского времени	42
2.5. Периодизация и хронология памятников ананьинского времени Нижнего Прикамья	43
Глава 3. ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТАХ АНАНЬИНСКОЙ ОБЩНОСТИ	46
3.1. Керамика ранних городищ Вятки и Ветлуги и ее отношение к нижекамской посуде	46
3.2. Керамические комплексы ананьинских памятников Средней Камы и их отношение к нижекамским	49
3.3. Керамические комплексы памятников типа Курмангау, Ерзовки, Быргынды и их отношение к нижекамским	50
3.4. О времени появления и происхождении в Среднем Прикамье керамики со сложно шнуровой орнаментацией	53
3.5. О происхождении и культурной принадлежности ананьинских памятников Вятки и Ветлуги	56
3.6. О культурной принадлежности ананьинских кельтов	57
3.7. К вопросу о выделении этнокультурных компонентов населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху	59
3.8. О судьбе ананьинского населения Нижней Камы	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	62
ЛИТЕРАТУРА	64
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	70
ИЛЛЮСТРАЦИИ	71
Vladimir Markov. THE LOWER KAMA REGION IN THE ANAN'YINO EPOCH (On the ethno-cultural components of the Anan'yino entity)	
INTRODUCTION	131
SUMMARY	133

CONTENTS

S.V. Kuzminykh, A.A. Chizhevsky

VLADIMIR NIKOLAEVICH MARKOV AND HIS BOOK	3
INTRODUCTION	7
Chapter 1. FROM THE HISTORY OF SHAPING VIEWS ON THE ORIGIN OF THE ANAN'YINO ENTITY	9
Chapter 2. POTTERY ASSOCIATIONS FROM THE ANAN'YINO SITES ON THE LOWER KAMA	15
2.1. General characteristics of the Lower Kama pottery	15
2.2. On specific features of development of pottery at the Lower Kama sites	28
2.3. Concerning local features of the Lower Kama pottery	36
2.4. On the origin of the Lower Kama pottery of the Anan'yino time	42
2.5. Chronological sequence of the sites of the Anan'yino time in the Lower Kama region	43
Chapter 3. CONCERNING THE ETHNO-CULTURAL COMPONENTS OF THE ANAN'YINO ENTITY	46
3.1. Pottery from the early hillforts on the Vyatka and Vetluga rivers, and its relation to the Lower Kama ceramics	46
3.2. Pottery associations of the Anan'yino sites on the Middle Kama, and their relation to the Lower Kama ones	49
3.3. Pottery associations at the sites of the Kurmantau, Yerzovka, and Byrgynda type sites, and their relation to the Lower Kama ones	50
3.4. Chronology of appearance and the origin of complex corded pottery in the Middle Kama region	53
3.5. On the origin and cultural attribution of the Anan'yino sites on the Vyatka and Vetluga rivers	56
3.6. Concerning cultural attribution of the Anan'yino celts	57
3.7. On the problem of singling out ethno-cultural components in the Volga – Kama region's population in the Anan'yino epoch	59
3.8. The destiny of the Anan'yino population of the Lower Kama	60
CONCLUSIONS	62
BIBLIOGRAPHY	64
LIST OF ABBREVIATIONS	70
ILLUSTRATIONS	71
Vladimir Markov. THE LOWER KAMA REGION IN THE ANAN'YINO EPOCH (On the ethno-cultural components of the Anan'yino entity)	
INTRODUCTION (in English)	131
SUMMARY (in English)	133

Владимир Николаевич Марков

Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху
(Об этнокультурных компонентах ананьинской общности)

Научное издание

Оригинал-макет – *А.Р. Тухватуллина*

Подписано в печать 31.07.2007 г.

Усл.п.л. 17,0. Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел.: (843) 292-95-68, 292-84-82